MOSKOVSKII TELEGRAF
V.7 no.3/4 1826

This book is the gift of

Professor
Edward C. Thaden

UNIVERSITY of ILLINOIS

DUPLICATE
5874

1826
3-4
Dupl

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

057
M85
v.7
1826
no. 3-4

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

JAN 10 1951

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О драматической Поэзіи и Теоріи Изящнаго у древнихъ и новыхъ народовъ (*).

Общая, философическая Теорія Поэзіи и другихъ Изящныхъ Искуствъ, излагаетъ основные, общіе законы Изящнаго. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи каждое искуство имѣетъ *свою особенную Теорію*, цѣль которой: показать границы, трудности и средства сего искуства. Но здѣсь необходимы ученыя подробности, полезныя художнику и непривлекательныя для тѣхъ любителей искуства, которые хотятъ единственно наслаждаться произведеніями отличныхъ геніевъ. Общая Теорія, напротивъ, занимается изслѣдованіемъ существенной особенности человѣка, *способностію чувствовать Изящное*, изъ которой происходитъ необходимость и прелесть Изящныхъ Искуствъ. Она показываетъ отношеніе сей способности ко всѣмъ другимъ нравственнымъ и познава-

(*) Соч. А. В. Шлегеля.

тельнымъ способностямъ человѣка. Мы видимъ, какъ важна сія Теорія для мыслителя; но одна, отдѣльно, она не можетъ быть руководительницею при исполненіи искуства.

Исторія Изящныхъ Искуствъ показываетъ намъ, *что сдѣлано*, Теорія — *что должно дѣлать*: безъ связывающаго посредника, онѣ были бы отдѣлены, независимы одна отъ другой. Здѣсь является Критика, которая изъясняетъ Исторію Искуства и оживотворяетъ Теорію. Сравненіе и сужденіе о существующихъ произведеніяхъ человѣческаго духа должно намъ дать условія, необходимыя для самостоятельнаго самобытнаго образованія твореній Искуства.

Часто представляютъ себѣ Критику въ ложномъ видѣ, полагая ее въ одной проницательности, умѣющей открыть недостатки въ твореніи Искуства. Я посвятилъ сему ученію большую часть моей жизни, и теперь, прежде всего, изложу свое понятіе о духѣ истинной Критики.

Мы видимъ что многіе люди, даже цѣлые народы, такъ тѣсно заключены въ привычкахъ своего воспитанія и образа жизни, что не могутъ освободиться отъ нихъ даже и тогда, какъ дѣло идетъ о наслажденіи Изящными Искуствами. Только то кажется имъ естественно, прилично и прекрасно, что у нихъ свое, привычное, на ихъ языкѣ и сообразно съ ихъ

нравами и общественными отношеніями. Ограничившись такимъ взглядомъ и образомъ чувствованія, можно довести себя искуственно до величайшаго утонченія разборчивости въ томъ тѣсномъ кругѣ, въ который заключились мы единожды. Но истинный знатокъ не можетъ существовать безъ всеобщности ума, или, такъ сказать, безъ гибкости, которая, не взирая на личное пристрастіе и слѣпую привычку, даетъ намъ силы и средства переселяться въ другія столѣтія, къ другимъ народамъ, освоиваетъ насъ съ ними, заставляетъ насъ чувствовать также какъ они, давать надлежащее мѣсто всему, признавать все что только облагораживаетъ природа человѣка, все изящное и великое, въ тѣхъ формахъ, какія она принимаетъ для своего олицетворенія, хотябы онѣ казались странною одеждою. Въ Поэзіи нѣтъ монополіи ни для какого вѣка, ни для какого народа, слѣдовательно и деспотизмъ вкуса, съ которымъ сей послѣдній, можетъ быть, наложилъ-бы произвольныя, извѣстныя, непремѣнныя правила — есть требованіе вовсе неумѣстное. Поэзія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ — *способность ощущать изящное и выражать оное видимо или слышимо*, есть всеобщій даръ Неба: имъ соразмѣрно надѣлены даже, такъ называемые, варвары и дикіе; только одно внутреннее превосходство служитъ мѣриломъ, и гдѣ есть оно,

тамъ не должно останавливаться на наружности. Все должно быть обращаемо къ началу нашего бытія: что происходитъ отъ сего начала, то несомнѣнно имѣетъ свое достоинство, напротивъ, гдѣ нѣтъ живительнаго зерна и все зависитъ отъ одной наружности — тамъ ничто не можетъ ни произрастать, ни процвѣтать. Многія, съ перваго взгляда блестящія произведенія въ области Изящныхъ Искуствъ, даже такія, коихъ совокупность почтили именемъ золотаго вѣка, подобны садамъ разводимымъ дѣтьми. Нетерпѣливыя, они хотятъ тотчасъ видѣть оконченнымъ твореніе рукъ своихъ, срываютъ тамъ и тамъ цвѣтки и вѣтки, и не глубоко сажаютъ ихъ въ землю. Сначала это составляетъ прекрасный видъ; дитя-садовникъ съ гордостію расхаживаетъ между красивыми грядками до тѣхъ поръ, пока все кончится жалкимъ образомъ: растенія безъ корня опускаютъ свои увядшіе цвѣты и листья; одни сухія вѣтви остаются; но въ тоже время, темный лѣсъ, о которомъ никогда не прилагали искуственнаго попеченія, возвышается къ небесамъ съ незапамятныхъ временъ, стоитъ незыблемъ и наполняетъ священнымъ ужасомъ уединеннаго созерцателя.

Изложивъ свое понятіе о многообразіи или всеобщности здравой Критики, обратимся къ Исторіи Поэзіи и другихъ Изящ-

ныхъ Искусствъ. Обыкновенно, мы ограничиваемъ ее и, такъ называемую, всеобщую Исторію тѣмъ, что имѣло болѣе или менѣе вліянія на нынѣшнюю образованность Европы, то есть твореніями Грековъ, Римлянъ и тѣхъ изъ новыхъ Европейскихъ народовъ, которые ранѣе начали и болѣе дѣйствовали въ этомъ отношеніи (хотя за симъ кругомъ можнобъ было узнать еще много достойнаго вниманія). Всѣмъ извѣстно, какъ за три съ половиною столѣтія оживилось изученіе древней Литтературы распространеніемъ Греческаго языка (Латинскій никогда не умиралъ): классическіе Авторы были тогда извлечены изъ забвенія и посредствомъ книгопечатанія стали доступны всѣмъ; памятники древняго искуства были прилежно выкапываемы. Все это дало человѣческому духу различныя побужденія, сдѣлало рѣшительную эпоху въ Исторіи нашей образованности и произвело множество дѣйствій, которыя дошли до насъ и пойдутъ еще на безмѣрное продолженіе времени.

Но изученіе Древности произвело и губительныя дѣйствія. Ученые преимущественно занимались и обладали познаніемъ Древнихъ: сами они не умѣли произвести ничего отличнаго и внушили къ Древнимъ неограниченное уваженіе, конечно съ великимъ основаніемъ, ибо, въ своемъ родѣ, Древніе могутъ быть образцами.

Но Ученые наши утверждали что только подражаніе древнимъ Писателямъ есть истинное направленіе духа человѣческаго и въ произведеніяхъ новыхъ одобряли они единственно то, что было, или казалось имъ похожимъ на Древнихъ; все прочее отвергали они, какъ варварское безобразіе. Но не такъ поступали великіе Поэты и художники! Чѣмъ живѣе былъ ихъ энтузіазмъ къ Древнимъ, чѣмъ болѣе желали они состязаться съ ними, тѣмъ сильнѣе было стремленіе ихъ собственнаго духа, тѣмъ болѣе стремился онъ взять собственный полетъ и старался выразить въ своихъ произведеніяхъ отпечатокъ самобытнаго генія. Таковъ былъ между Италіянцами Данте, отецъ новѣйшей Поэзіи: онъ называлъ Виргилія своимъ учителемъ и написалъ твореніе, которое болѣе всѣхъ прочихъ отличается отъ Энеиды, въ которомъ, по нашему мнѣнію, онъ далеко превзошелъ своего мнимаго учителя силою, объемомъ и глубиною. Тоже было въ послѣдствіи съ Аріостомъ, котораго безразсудно сравнивали съ Гомеромъ тогда, какъ ничего не можетъ быть различнѣе сихъ двухъ Поэтовъ. Тоже было въ области образовательныхъ искуствъ (Изящныхъ Художествъ) съ Михель-Анджеломъ и Рафаэлемъ, безспорно величайшими знатоками антиковъ. Если будемъ судить новыхъ живописцовъ по одному отдѣленію ихъ

отъ древнихъ или по сближенію съ ними, мы будемъ несправедливы — и въ эту погрѣшность впалъ Винкельманъ вразсужденіи Рафаэля. Поэты принимали самое большое участіе въ ученомъ образованіи и отсюда произошло въ нихъ бореніе природной наклонности съ воображаемою обязанностію. Гдѣ жертвовали они сей послѣдней, тамъ хвалили ихъ ученые; гдѣ слѣдовали природѣ, тамъ любилъ ихъ народъ. Поэмы Тасса и Камоэнса до сихъ поръ живо сохраняются въ сердцахъ и въ устахъ соотечественниковъ и конечно этому причиной не отдаленное сходство ихъ съ Виргиліемъ и даже съ Гомеромъ — нѣтъ — но у Тасса, его нѣжное чувство рыцарской любви и чести, у Камоэнса пламенный восторгъ патріотическаго геройства.

Подражаніе Древнимъ болѣе одобряли именно въ тѣхъ вѣкахъ, у тѣхъ народовъ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ менѣе чувствовали необходимость самобытной Поэзіи. Тогда-то возстала мертвая схоластика, какой можетъ достигнуть только холодное удивленіе. Но въ Изящныхъ Искуствахъ простое подражаніе бываетъ вѣчно безплоднымъ: если мы занимаемъ что-либо у другаго, это должно у насъ возродиться снова, и тогда только будетъ оно Поэзіею. Къ чему послужитъ намъ величайшій талантъ другаго? Искуство не можетъ существовать безъ природы и человѣкъ можетъ пере-

дать своимъ собратамъ только самого себя.

Благоразумные послѣдователи, соперники Древнихъ, согласившіе умъ и образованность въ подражаніи образцамъ, были столь-же рѣдки, какъ бездарные ремесленники-подражатели многочисленны. Критики, занятые однѣми наружными формами, по большой части великодушно оцѣнивали труды сихъ подражателей. Они были для нихъ правильными новыми классиками въ то-же время, когда пламенные, любимые народами Поэты едва удостоивались названія грубыхъ, дикихъ геніевъ потому, что схоластицизмъ не понималъ ихъ и не замѣчалъ обилія ихъ возвышенныхъ порывовъ. Неопредѣленное различіе генія и вкуса, какое принимали схоластики, есть средство ненадежное. Геній есть также въ извѣстной степени безотчетный выборъ превосходнѣйшаго — слѣдовательно — геній есть вкусъ въ высочайшемъ своемъ дѣйствіи.

Таково было состояніе дѣлъ до недавняго времени, когда нѣкоторые, особенно Нѣмецкіе мыслители начали стараться истреблять недоразумѣнія, почитать Древнихъ по достоинству и узнавать совершенно отдѣльную отъ нихъ самобытность Новыхъ. Они не устрашились мнимаго противорѣчія. Человѣческая природа конечно одинакова въ основаніи, но всѣ испытанія показываютъ намъ,

что нѣтъ во всей природѣ такой однообразной основной силы, которая-бы не могла въ самой себѣ разпасться и отъ одного источника идти въ противоположныхъ направленіяхъ. Всѣ измѣненія жизненнаго ощущенія основываются на согласіи и противоположности. Почему-же явленіе сіе не должно повторяться въ Исторіи всего человѣчества? Можетъ быть, съ сею мыслію былъ-бы найденъ вѣрный ключъ къ древней и новой Исторіи Поэзіи и вообще Изящныхъ Искуствъ. Согласившіеся съ симъ предположеніемъ означили самобытность духа новыхъ искуствъ и противоположность ихъ съ *классическимъ*, именемъ *романтическаго*. И довольно прилично: это слово происходитъ отъ *romance*, названія народнаго языка, образовавшагося изъ смѣшенія Латинскаго съ древне-Германскими нарѣчіями, такъ точно какъ новое образованіе слилось изъ разнородныхъ самобытныхъ частей Сѣверныхъ поколѣній и остатковъ Древности, а напротивъ образованіе Древнихъ было, такъ сказать, почти отъ одного корня.

Сіе предварительно изложенное мнѣніе будетъ совершенно понятно, если мы увидимъ, что противоположность между стремленіемъ Древнихъ и Новыхъ существуетъ симметрически, даже, можно сказать, систематически, во всѣхъ внѣшностяхъ искуственнаго разума (по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно). Она явна

въ Музыкѣ, въ Изящныхъ художествахъ и въ Поэзіи, и это должно только доказать и рѣшить общимъ обьемомъ, хотя отдѣльно уже многое замѣчено и объяснено превосходно.

Назовемъ иностранцовъ, которые писали объ этомъ прежде нежели появилась въ Германіи сія, такъ называемая, школа. Руссо призналъ противоположность въ Музыкѣ и показалъ, какимъ образомъ существовали риѳмъ и мелодія въ древней, а гармонія въ новѣйшей музыкѣ. Но онъ отдѣлилъ сію послѣднюю, въ чемъ мы съ нимъ никакъ и никогда не будемъ одного мнѣнія. Объ Изящныхъ Художествахъ Гемстергюйсъ сказалъ весьма остроумно: древніе живописцы были слишкомъ скульпторы, а новѣйшіе скульпторы слишкомъ живописцы. Это очень близко къ истинной точкѣ зрѣнія, ибо, какъ я въ послѣдствіи скажу объ этомъ яснѣе, характеръ всѣхъ древнихъ Изящныхъ Искуствъ и Поэзіи — *пластическій*, новѣйшихъ — *живописный*.

Примѣромъ другаго Искуства, Архитектурою, я постараюсь объяснить свое мнѣніе о сей видимой противоположности. Въ средніе вѣки господствовало и особенно въ послѣднемъ столѣтіи дошло до высокаго совершенства Зодчество, названное Готическимъ, но которое должно-бъ было назвать Древне-Германскимъ. Съ оживленіемъ классической древности

вообще возстало подражаніе и Греческой Архитектурѣ. Часто являлось оно испорченное, безъ вниманія къ различію климатовъ, нравовъ и назначенія зданій; но защитники сего новаго вкуса безъ пощады порицали Готическое Зодчество, и называли его безвкуснымъ, грубымъ, варварскимъ. Италіянцамъ это было простительно: у нихъ, какъ наслѣдниковъ остатковъ древнихъ зданій и родныхъ съ Греками и Римлянами по климату, пристрастіе къ древней Архитектурѣ находится въ природѣ; но мы, жители Сѣвера, не хотимъ такъ легко изгнать сильнаго впечатлѣнія, обладающаго нами при входѣ въ готическую церковь. Напротивъ, мы стараемся объяснить себѣ и оправдать это впечатлѣніе. Самая легкая внимательность покажетъ намъ, что готическая Архитектура поражаетъ не только необыкновеннымъ механическимъ искусствомъ, но и удивительною роскошью изобрѣтенія: при ближайшемъ разсмотрѣніи, мы узнаемъ ея великое достоинство, видимъ что она заключаетъ въ себѣ свою, столь-же полную систему, какъ и Греческая Архитектура.

Приступимъ къ сравненію. Пантеонъ такъ разнится отъ Вестминстерскаго Аббатства или Вѣнской церкви Св. Стефана, какъ Софоклова Трагедія отъ Драмы Шекспира. Сравненіе сихъ чудесъ Поэзіи и Архитектуры можно про-

должить далѣе. Но заставитъ-ли насъ удивленіе къ одному не уважать другаго? Можемъ ли мы не согласиться, что каждое въ своемъ родѣ велико и достойно удивленія, хотя одно совершенно отлично, и должно быть отлично отъ другаго? Это конечно стóитъ разсмотрѣнія. Не будемъ ни у кого оспоривать особенной любви къ тому или другому. Свѣтъ великъ и въ немъ многое можетъ оставаться одно подлѣ другаго. Но не того назовемъ мы художникомъ, кѣмъ обладаетъ одностороннее, непроизвольное пристрастіе — нѣтъ: истиннаго художника составляетъ независимость отъ посторонних предметовъ и побѣда надъ личнымъ пристрастіемъ.

Для нашей цѣли, то есть для оправданія главнаго раздѣленія нашего въ исторіи Искуствъ, было бы довольно сего изображенія разительной противоположности между Древнимъ или Классическимъ и Новѣйшимъ или Романтическимъ. Но односторонніе почитатели Древнихъ всегда твердятъ намъ, что всякое уклоненіе есть уловка новѣйшихъ Критиковъ, которые говорятъ о своемъ предметѣ загадочнымъ языкомъ и не умѣютъ изложить о немъ яснаго понятія; потому я намѣренъ изобразить здѣсь начало и духъ *романтическаго*. — Послѣ сего пусть судятъ, справедливо-ли суще-

ство дѣла и то слово, которымъ стараются его выразить.

Образованіе Грековъ было усовершенствованное природное воспитаніе. Этотъ благородный, прекрасный народъ, одаренный понятливымъ умомъ и свѣтлымъ духомъ, жилъ подъ благотворнымъ небомъ, процвѣталъ въ полномъ здравіи бытія и при рѣдкомъ стеченіи обстоятельствъ произвелъ все что только можетъ произвесть человѣкъ, заключенный въ границы *конечнаго*. Поэзія ихъ и всѣ Искусства, суть выраженіе внутренняго познанія гармоніи всѣхъ силъ. Они оживотворили Піитику радости.

Ихъ религія была обоготвореніе силъ природы и жизни; но это поклоненіе богамъ, у другихъ народовъ омрачавшее фантазію страшными образами и ожесточавшее сердца до высочайшей степени, явилось у Грековъ прекраснымъ и привлекательнымъ. Самое суевѣріе, казалось, способствовало у нихъ свободному развитію: оно было хранителемъ искусства его украшавшаго и изъ кумировъ являлись идеалы.

Но какъ ни превосходствовали Греки въ области прекраснаго, мы можемъ почитать характеръ ихъ образованія единственно *очищенною, облагороженною чувственностью*. Разумѣется, это должно принимать въ общемъ, въ цѣломъ. Отдѣльныя

предчувствія Философовъ, молнія поэтической возвышенности, суть исключенія, ибо человѣкъ никогда не можетъ совершенно отдѣлиться отъ безконечнаго: отдѣльныя, потерянныя воспоминанія говорятъ ему о забытой родинѣ; но онъ всегда идетъ, покоряясь господствующему направленію.

Христіанская Религія, истинная, возвышенная и благодѣтельная, возродила утомленный и исчерпанный древній міръ. Она сдѣлалась управляющимъ началомъ въ Исторіи новыхъ народовъ.

Послѣ эпохи Христіанства, образованіе Европы получило особенное направленіе (съ начала среднихъ вѣковъ) отъ Сѣверныхъ завоевателей Германскаго поколѣнія, которые испорченному человѣческому роду принесли новую жизнь. Строгая природа Сѣвера заставляетъ человѣка болѣе обращаться къ самому себѣ и что похищаетъ она у игриваго, живаго развитія чувства, то отдаетъ благородной важности разсудка. Отъ сего происходитъ сердечная искренность, съ какою древніе Нѣмецкіе народы приняли Христіанскую Религію. . .

Грубое, но непритворное геройство Сѣверныхъ завоевателей, соединившись съ Христіанскими понятіями, породило рыцарство, цѣлью котораго было, посредствомъ святаго обѣта предохранить ору-

жіе отъ всякаго жестокаго, низкаго злоупотребленія силы, всегда столь легкаго.

Къ рыцарской добродѣтели присоединился новый, нѣжнѣйшій образъ любви, высшее уваженіе къ женщинамъ, которыя, въ первый разъ, были признаны украшеніемъ человѣчества: тогда только люди начали понимать тайну чистой любви...

Рыцарство, любовь и честь, были предметами природной Поэзіи, которая до невѣроятности распространилась въ средніе вѣки и предшествовала болѣе искусственному образованію романтическаго духа. Въ это время установилась также своя Миѳологія, состоявшая въ рыцарскихъ басняхъ и легендахъ, но здѣсь и чудесное и геройство были совершенно противоположны древней Миѳологіи.

Нѣкоторые мыслители, впрочемъ точно также какъ мы изъясняющіе и понимающіе самобытность Новыхъ, утверждали, что сущность Сѣверной Поэзіи заключается въ унылости. Мы непротиворѣчимъ этому.

У Грековъ природа человѣка была самодовольна: она не подозрѣвала никакихъ недостатковъ и стремилась только къ тому совершенству, къ которому дѣйствительно могла достигнуть собственными силами. Высочайшая Премудрость учитъ насъ, что люди чрезъ одно заблужденіе утратили первоначально назначенное имъ мѣсто, и что все назначеніе земнаго бытія

направлено къ возвращенію туда ; но мы не можемъ его достигнуть, предавшись самимъ себѣ. Чувственная религія ограничивалась преходящимъ благомъ ; безсмертіе, сколько ему вѣрили , было въ темной отдаленности , какъ тѣнь, какъ сонъ настоящихъ, свѣтлыхъ дней жизни. Въ понятіяхъ Христіанина все напротивъ : созерцаніе безконечнаго уничтожило конечное ; жизнь сдѣлалась мірскою тѣнью , ночью , и только за предѣлами ея восходитъ для него вѣчный день истиннаго бытія. Такая религія должна была внушить и показать ясно , всякому сильно - чувствующему , но забывшему сердцу , что мы стремимся къ недостигаемому здѣсь блаженству, что здѣсь ничто не можетъ наполнить души нашей , что всѣ наслажденія здѣсь — скоропреходящій обманъ. И когда душа , отдыхая на печальныхъ поляхъ изгнанія , выражала свои желанія о сдѣлавшейся чуждою родинѣ , чѣмъ инымъ могли отличаться ея пѣсни , какъ не унынiемъ , не меланхоліею? Такъ и было. Поэзія Древнихъ была Поэзія обладанія счастіемъ ; наша Поэзія есть Поэзія желанія, стремленія (Sehnſucht) къ счастію; та остановилась на настоящемъ, наша находится между воспоминаніемъ и надеждою. Не могутъ сказать что мы не поняли ее, если назначимъ отличительнымъ характеромъ ея однообразное сѣтованіе , въ которомъ слышнѣе всего унылость.

Какъ у Грековъ, при ихъ свѣтломъ умоначертаніи, могла существовать Трагедія, такъ и у Новыхъ, изъ предначертанныхъ нами началъ явившаяся Романтическая Поэзія, могла переходить во всѣ аккорды до самаго радостнаго; но въ ней всегда будетъ что-то, чего мы не умѣемъ назвать, гдѣ видѣнъ первый ея источникъ. Вообще у Новыхъ чувство *внутреннѣе*, фантазія безтѣлеснѣе, мысль созерцательнѣе. Но въ природѣ границы переходятъ одна въ другую и существующее не раздѣляется такъ строго, какъ-бы нужно было для утвержденія понятія.

Идеаломъ Грековъ было совершенное согласіе и равенство всѣхъ силъ, естественная гармонія; новые напротивъ достигли сознанія идеальнаго раздѣленія, при которомъ недостаточный идеалъ Грековъ не возможенъ. Отъ того и Поэзія наша стремится слить, соединить неразрывно оба міра, между которыми мы видимъ себя раздѣленными: міръ чувственный и духовный. Чувственныя впечатлѣнія освящаются непостижимымъ соединеніемъ ихъ съ высочайшими нравственными ощущеніями, и напротивъ, духъ стремится выразить свои догадки, предчувствія, или созерцанія безконечнаго, которымъ нѣтъ имени, и старается выразить ихъ въ видимыхъ, ощутительныхъ образахъ.

Въ Греческихъ Искусствахъ и Поэзіи находится первобытное единство формы и

сущности, безъ самопознанія; у Новыхъ, гдѣ они остались вѣрными собственному духу, вездѣ выражается внутреннее понятіе формы и сущности, какъ двухъ противоположностей. Тѣ совершенно разрѣшили свою задачу; наши могутъ только приближаться въ стремленіи своемъ къ идеалу...

Слишкомъ далеко увлеклись-бы мы, если-бы стали теперь указывать на замѣчательныя произведенія въ каждомъ Искуствѣ, какъ то: въ Архитектурѣ, Музыкѣ, Живописи (самобытная Скульптура у Новыхъ почти не существовала), начали-бы показывать противоположность ихъ съ образами тѣхъ-же Искуствъ у Древнихъ, и вздумали разсматривать ихъ однородное стремленіе.

Мы не будемъ теперь разсматривать ближе частныхъ родовъ и формъ Романтической Поэзіи, а обратимся къ настоящей цѣли нашего изслѣдованія — Драматическому Искуству и Драматической Литературѣ. Раздѣленіе, ихъ также какъ и другихъ отраслей Изящныхъ Искуствъ, на Классическія (древнія) и Романтическія (новыя) показываетъ путь, по которому мы должны слѣдовать въ изысканіяхъ общихъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Статистическое обозрѣніе свѣта (*).

(Продолженіе.)

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ (не считая Ганновера). Король Георгъ IV, род. въ 1762 г.

Пространство. Послѣ Россіи и Китая обширнѣйшее Государство. Владѣнія его находятся во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и составляютъ 182,525$\frac{3}{4}$ кв. миль. — Въ Европѣ: *Англія* и Княжество Валлійское, 2,768$\frac{3}{4}$, *Шотландія*, 1,461, *Ирландія*, 1,315$\frac{3}{4}$, островъ *Гельголандъ*, островъ *Мальта* и крѣпость *Гибралтаръ*, 8$\frac{1}{2}$, *Іонійская республика* (подъ покровительствомъ Англичанъ состоящая) 47 кв. м.

Народонаселеніе. 136,540,900 (въ 1823 г.). Послѣ Китая, многолюднѣйшее Государство. Число жителей на кв. милю, въ Европѣ, отъ 5,206 (въ Ирландіи) до 1,375 (въ Шотландіи) чел. — Столица *Лондонъ*, 170,000 домовъ и 1,274,600 ж. — *Роды*, чрезвычайно многоразличны, также и *Вѣра*. — Изъ городовъ и мѣстечекъ въ Европѣ, болѣе нежели въ 80, число жителей простирается за 10 тысячъ.

Военная сила. Въ 1822 г. число войска 68,812 ч., кромѣ милиціи и войскъ, содержи-

(*) Въ началѣ сей статьи не сказано, что *пространство* земель считается вездѣ *географическими квадратными* милями, а при разсчетѣ *народонаселенія* полагаются просто — *квадратныя* мили. *Изд.*

мыхъ Ость-Индскою Компаніею. — Флотъ величайшій изъ существующихъ въ мірѣ: въ 1825 г. всѣхъ кораблей считалось — 609, но въ 1815 г., въ военное время, Англія имѣла 250 линейныхъ кораблей, 26 кораб. отъ 50 до 44 пушекъ, 205 фрегата, 155 шлюповъ, яхтъ и бомбардирскихъ лодокъ, 210 бригговъ, 45 куттера, 97 шуперовъ и друг. мѣлкихъ судовъ, всего 1,044, съ 26,000 пушекъ и 145 тыс. матрозовъ. Въ мирное время число матрозовъ простирается до 25 т. и изъ вышеозначеннаго количества судовъ употребляется весьма немного. Содержаніе флота въ 1822 г. стоило до 64 милл. гульденовъ.

Государственн. хозяйство. Доходы въ 1822 г. 544,146,500 гульд. Расходы 494,491,500 г. — Государственный долгъ 8,569,058,010 гульд. Въ Великобританіи полагается въ оборотѣ до 600 милл. гул.; но звонкою монетою не болѣе 60 милл., остальное ассигнаціи.

ФРАНЦІЯ. Король Карлъ X, род. въ 1757 г.

Пространство. 10,744½ кв. мили. — Въ Европѣ: Франція собственно съ Корсикою 10,086⅝ кв. м.

Народонаселеніе. 31,217,200 (въ 1823 г.). Число жит. на кв. милю болѣе 3,000 ч. — Всѣхъ городовъ 1620, въ томъ числѣ 96 болѣе 10 т. ж. Столица *Парижъ*, 26,801 домъ и 717,222 жителей. — *Роды.* Французовъ собственно болѣе 26½ милліоновъ.

Военная сила. Въ 1823 г. войска 160,052 и милиціи до 650,000 ч. Флотъ 109 кораблей (45 лин. кор., 34 фрег., 11 корветтъ, 19 бригговъ, всего 4,560 пушекъ).

Государственн. хозяйство. Доходы 353,509,848 гульд. (91$5\frac{1}{2}$ милл. франковъ); расходы 343,451,912 гул. (въ 1822 г.). Госуд. долгъ 1,263,222,000 (въ 1821 г.) гул.

ИСПАНІЯ. Король Фердинандъ VII, род. въ 1784 г.

Пространство. 13,555$\frac{1}{3}$ кв. миль, считая въ Америкѣ Кубу и Порторико, и Азіятскія и Африканскія владѣнія.

Народонаселеніе. 14,987,700 (въ 1823 г.). Въ Европѣ число жителей на кв. милю 1,349 ч. — Всѣхъ городовъ (ciudades) 144, въ томъ числѣ болѣе нежели въ 50 число жителей простирается за 10 т. ч. — Столица, *Мадритъ*, 7,298 дом. и 167,607 жит. *Роды.* Испанцовъ около 11 милліоновъ. — *Вѣра.* Католиковъ болѣе 11 милл.

Военная сила. Въ 1822 г. войска 46 т. ч., милиціи болѣе 100 тыс. — Флотъ не болѣе 60 кораблей разнаго рода.

Государственн. хоз. Доходы болѣе 66 милл. гул., расходы болѣе 86 милл.— Госуд. долгъ болѣе 576 милл. гульд.

ПОРТУГАЛІЯ. Король Іоаннъ VI, род. въ 1767 г.

Пространство. 30,524$\frac{1}{2}$ кв. мили; но въ Европѣ не болѣе 1,722 к. м., остальное въ другихъ частяхъ свѣта.

Народонаселеніе. 4,777,100 (въ 1823 г.). Число жителей на кв. милю въ Европѣ болѣе 1,800 ч. Всѣхъ городовъ 21, въ томъ числѣ 6 болѣе 10 т. жителей. — Столица *Лиссабонъ*, 45,611 дом. и 259,872 ж. — *Вѣра.* Католическая.

Военная сила. Въ 1822 г. около 30 т. ч. Флотъ 28 кораблей съ 992 пушками.

Госуд. хозяйство. Въ 1822 г. доходы около 21 милл. гул., расходы болѣе $25\frac{1}{2}$ милл. гул. — Госуд. долгъ 135 милл.

НИДЕРЛАНДЫ. Король Вильгельмъ Фридрихъ, род. въ 1772 г.

Пространство. $5,475\frac{1}{2}$ кв. миль. — Въ Европѣ не болѣе $1,196\frac{1}{2}$ к. м., остальное въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ.

Народонаселеніе. 12,218,800 (въ 1823 г.). Число жителей на кв. милю, въ Европѣ, 4,659. Городовъ 254, въ томъ числѣ до 40 болѣе 10 т. ж. — Столица *Амстердамъ*, 26,400 дом. и 198 т. жителей. *Роды.* Голландцовъ болѣе $1\frac{1}{2}$ милл. и Фламандцовъ около $3\frac{1}{2}$ милл. *Вѣра.* Католиковъ около $3\frac{1}{2}$ милл. и Лютеранъ болѣе 2 милл.

Военная сила. Въ 1823 г. 43,297 ч. — Флотъ, 76 разныхъ судовъ, съ 2,296 пушками.

Госуд. хоз. Доходы въ 1821 г. 49,901,894 гул. Госуд. долгъ, въ 1823 г., 1,420 милл. гульд.

ШВЕЦІЯ. Король Карлъ XIV, Іоаннъ, род. въ 1764 г.

Пространство. 13,737 к. м. съ Американскими владѣніями.

Народонаселеніе. 3,610,000 ч. (въ 1823 г.). Число жител. на кв. м. въ Швеціи 332, въ Норвегіи 165 ч. — Всѣхъ городовъ 111, въ томъ числѣ 5 болѣе 10 т. жителей. — *Роды.* Шведовъ болѣе $2\frac{1}{2}$ милл., Норвежцовъ около милліона. *Вѣра.* Люперанская.

Военная сила. Въ 1821 г. 45,201 ч., милиціи болѣе 90 т. — Флотъ, 30 кораблей и 342 мѣлкихъ судовъ.

Госуд. хозяйство. Доходы, болѣе 16 милл. гул. — Госуд. долгъ болѣе 43 милліоновъ.

ДАНІЯ. Король Фридрихъ VI, род. въ 1768 г.

Пространство. 2,689 кв. м.; Данія собственно $683\frac{1}{2}$ к. м.

Народонаселеніе. 1,989,500 (въ 1823 г.).— Число жителей на кв. милю отъ 2,177 до 1639 (въ Исландіи 38). Всѣхъ городовъ 100, въ томъ числѣ 3 болѣе 10 т. ж. *Роды.* Датчанъ болѣе 1,100,000, Нѣмцовъ болѣе 600 т. *Вѣра.* Люперанская.

Военная сила. 38,829. — Флотъ 110 кораблей, съ 580 пушками.

Госуд. хозяйство. Доходы болѣе 10 милл. гульд. — Госуд. долгъ 100 милліоновъ.

ШВЕЙЦАРІЯ. Республика, состоящая изъ 22 кантоновъ или областей.

Пространство. $696\frac{1}{3}$ кв. миль.

Народонаселеніе. 1,855,300 (въ 1822 г.). — Число жителей на кв. милю отъ 9700 (въ Женевѣ), до 614 (въ Ури). Всѣхъ городовъ 92. Самый обширный, *Женева*, 1,527 дом. и 24,600 ж. *Роды.* Нѣмцовъ болѣе 1,300,000, Французовъ около 400 т., Итальянцовъ болѣе 100 т. — *Вѣра.* Лютеранъ около 1,300,000, Католиковъ болѣе полумилліона.

Военная сила. 33,758 чел.

КОРОЛЕВСТВО ОБѢИХЪ СИЦИЛІЙ. Король Францъ I, род. въ 1777 г.

Пространство. 1,987½ кв. м., въ томъ числѣ островъ Сицилія 495¾ к. м.

Народонаселеніе. 6,991,800 (въ 1823 г.). — Число жителей на кв. м. болѣе 3,500 ч. Всѣхъ городовъ 676, въ томъ числѣ около 20 болѣе 10 т. ж. Столица *Неаполь*, 40 т. домовъ и 342,143 ж. *Вѣра.* Католическая.

Военная сила. Въ 1823 г. около 30 т. — Флотъ, 12 большихъ и 234 разныхъ судовъ (въ 1820 г.).

Госуд. хозяйство. (Въ 1822 г.) доходы около 61½ милл. гул., расходы болѣе 78 милл. — Госуд. долгъ (въ 1823 г.) 60 милл.

САРДИНІЯ. Король Карлъ Феликсъ, род. въ 1765 г.

Пространство. 1,339⅓ кв. м., въ томъ числѣ островъ Сардинія 391¼ кв. м.

Народонаселеніе. 4,176,200. Число жителей на кв. м. отъ 3609 (въ Генуэзской области), до 1,395 (въ Сардиніи). Всѣхъ городовъ 94, въ томъ числѣ 24 болѣе 10

т. ж.— Столица *Турин*ъ, 5,000 домовъ и 88,576 ж. *Вѣра.* Католическая

Военная сила. 24,000; флотъ состоитъ изъ 8 шкунъ и галеръ.

Госуд. хозяйство. Доходы въ 1818 г. 21,852,000 г., Госуд. долгъ до 45 милл.

ЦЕРКОВНАЯ ОБЛАСТЬ. Папа Левъ (Леонъ) XII, изъ дома делла Дженга, род. въ 1760 г.

Пространство. $811\frac{3}{4}$ кв. м.

Народонаселеніе. 2,425,400 (въ 1823 г.).— Число жителей на кв. милю до 3,000 ч. — Всѣхъ городовъ 90. Столица, *Римъ*, 35,900 домовъ и 146,000 ж. — *Вѣра.* Католическая.

Военная сила. Въ 1822 г. 9,100 ч. войска и флотъ изъ 8 фрегатовъ и галеръ.

Госуд. хозяйство. Доходы около 10 милл. гульд. и Государственный долгъ около 250 милл.

ТОСКАНА. Великій Герцогъ Леопольдъ, Іоаннъ, Іосифъ, Францъ, Фердинандъ, Карлъ, род. въ 1797 г.

Пространство. $395\frac{1}{3}$ кв. м.

Народонаселеніе. 1,241,900 (въ 1823 г.). Число жителей на кв. милю болѣе 3 т. — Всѣхъ городовъ 36, въ томъ числѣ 5 болѣе 10 т. ж. Столица *Флоренція*, 9000 домовъ и 78,719 ж. (въ 1816 г.). — *Вѣра* Католическая.

Военная сила. Войска не болѣе 3,000 ч.

Государствен. хоз. Доходы до $5\frac{1}{2}$ мил. гул., Гос. долгъ болѣе 45 милл.

МОДЕНА. Герцогъ Францъ IV, род. въ 1779 г.

Пространство. $98\frac{3}{4}$ кв. м.

Народонаселеніе. 376,400 (въ 1823 г.). — Число жител. на кв. милю до 4,000 ч. — Всѣхъ городовъ 10. — Столица, *Модена*, 1,200 домовъ и 19,533 ж.

Военная сила. Войска не болѣе 2,000 ч.

ПАРМА. Герцогиня Марія Луиза, род. въ 1791 г.

Пространство. 104 кв. м.

Народонаселеніе. 437,400 (въ 1823 г.). Число жителей на кв. м. болѣе 4,000. — Всѣхъ городовъ 5. — Столица *Парма*, 4,000 дом. и 28,419 ж.

Военная сила. Не болѣе 1,500 ч.

ЛУККА. Герцогъ Карлъ Людвигъ, род. въ 1799 г.

Пространство. $19\frac{1}{2}$ кв. м.

Народонаселеніе. 143,400 (въ 1823 г.). — Число жителей на кв. милю болѣе 7,000 ч. — Столица, *Лукка*, болѣе 15 т. жителей.

Военная сила. Войска до 800 ч.; флотъ изъ нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ.

САНЪ-МАРИНО. Самая малая республика.

Пространство. 1 кв. миля.

Народонаселеніе. До 7,000 ж.

Военная сила Войска 50 чел.

ТУРЦІЯ (*). Султанъ Махмудъ II, род. въ 1785 г.

(*) Поелику Статистика не можетъ быть вѣрна въ Турціи и вообще въ Азіи, Африкѣ, Австраліи и частію въ Америкѣ, мы предлагаемъ варіанты или принимаемъ болѣе подходящее къ достовѣрности. *Пер.*

Пространство. 43,654 кв. м. (отъ 42 до 45 слишкомъ). Изъ сего числа: въ Европѣ $9\frac{1}{2}$ т., въ Азіи 21 т. и въ Африкѣ 13 т. кв. м.

Народонаселеніе. 24,540,000 (отъ 24, до 25 милл.). — Число жителей на кв. м. отъ 1,000 (въ Европѣ) до 300 ч. (въ Африкѣ). — Столица *Истамболъ* (Стамбулъ, Царьградъ, Константинополь, Византія), 88,100 дом. и до 600 т. ж. (по Андреосси). *Роды.* Татарскаго поколѣнія $8\frac{1}{2}$ милл., Арабскаго до 5 милл., Грековъ $4\frac{1}{2}$ — 5 милл., Славянскаго пок. до $1\frac{1}{2}$ милл., Армянъ бол. $1\frac{1}{2}$ милл., Волоховъ и Молдаванъ до $1\frac{1}{2}$ милл., Сирійск. пок. бол. 200 т. — *Вѣра.* Музульманъ до 14, Христіанъ до 10 милл.

Войска до 250 т. (отъ 220 до 400 тыс.).

АЗІЯ.

АРАВІЯ. *Пространство*: 46,778 кв. м. (отъ 43 до 55). *Народонаселеніе:* 12 милл. (отъ 10 до 12).

Владѣнія. Земля *Вехабитовъ*, до 5 милл. — Столица *Дрехіе*, 2,500 дом., 25 т. ж. — Земля *Хедша* — 700 т. — Глав. городъ *Мекка*, 17 т. ж. — Земля *Іэменъ*, 4,500,000 ж. — Глав. гор. *Сзанна* (Сана), 20 т. ж. — Земля *Оманъ* 1,200,000 ж. — Глав. гор. *Маскатъ*, 12 т. ж. — Земля *Хессъ*, 600 т. ж. — Глав. гор. *Квейтъ*, 10 т. ж. — Впрочемъ всѣ сіи земли подраздѣляются на владѣнія множества Имамовъ, Шеиковъ и Царей.

ИРАНЪ или *Персія*. *Пространство*. 22,104 кв. м. (21,960 — 22 т.).

Народонаселеніе. 11,387,000 (отъ 7 до 20). — Столица *Исфаханъ* (Испагань) 38.000 дом. и 200 т. ж. — *Роды*. Многоразличны. *Вѣра*. Преимущественно Музульманская.

Войска до 254 т. (по Жоберу), въ томъ числѣ 20 т. снаряжены по-Европейски.

АВГАНИСТАНЪ. *Пространство*. Болѣе 16 т. кв. м. — *Народонаселеніе*. Болѣе 12½ милліоновъ. *Роды*. Главнѣйшіе: Авганцы, бол. 4 милл.; Белуджи, бол. милліона; Татаръ болѣе милл.; Индійцовъ, до 6 милл. — Знатнѣйшій городъ, *Кашемиръ*, до 175 т. ж. — *Войскъ*, въ военное время до 200 т.

БЕЛУДЖИСТАНЪ. Раздѣляется на двѣ земли:

1. *Белуджистанъ*. *Пространство*. 7,000 кв. м. *Народонаселеніе*. 2,700,000. Столица *Келатъ*, 20 т. ж. *Роды*. Белуджи, Индійцы и проч. *Вѣра*. Музульманская и Браминская. *Войска* до 60 т.

2. *Синдъ*. *Пространство*. Около 2,500 кв. м. *Народонаселеніе*. До 1,200,000.— Столица *Таттахъ*, 20 т. ж. *Роды*. Белуджи, Индійцы, Парсы. — *Вѣра*. Музульм., Браминская, Парсская. *Войска* до 36 т.

ТУРКЕСТАНЪ или ДЖАГАТАЙ. Раздѣляется на слѣд. владѣнія:

1. *Маварелнахаръ* или *Бухарія*. *Пространство*. 25,318 кв. м. *Народонаселеніе*. 2,640,000. — Въ ней заключаются: *Бухара*,

Коканъ, Бадакшанъ, Каферистанъ, Осрушнахъ, Хива, Аральскіе и Туркменскіе народы. — Знатнѣйшіе города: *Бухара*, 200 т. ж., *Самаркандъ*, 150 т. ж, *Хива*, 10 т. ж.

2. *Туркестанъ собственно. Пространство* 7,300 кв. м. *Народонаселеніе* 660 т. — Въ немъ заключаются. *Ташкентъ*, *Киргизская Орда* и *Харакалпаки.* Знатн. гор. *Ташкентъ*, 40 т. ж.

Въ обоихъ главнѣйшая вѣра Музульманская.

ИНДІЯ. Раздѣляется на два полуострова: *Западный* и *Восточный.*

1. *Западный* (Индостанъ и Деканъ). Около $53\frac{1}{2}$ т. кв. м., и $122\frac{1}{2}$ милл. жителей. Въ немъ:

Владѣнія Остъ-Индской Компаніи. Пространство. $45{,}557\frac{1}{2}$ кв. м. — *Народонаселеніе.* 111,825,000. Изъ сего числа подданныхъ Компаніи болѣе 80 милл. и покоренныхъ данниковъ болѣе 30 милліоновъ. Все это раздѣляется: 1 е, Президентство *Бенгалъ* — гл. гор. *Калькутта*, 90 т. дом. и 900 т. ж. — 2 е, *Мадрасъ* — гл. гор. *Мадрасъ*, 65 т. дом. и 817 т. ж. — 3 е, *Бомбай* — гл. гор. *Бомбай*, 20,786 дом. и 161,550 ж. — здѣсь-же *Сурать* — 80 т. домовъ и 450,000 ж. — *Войскъ.* (въ 1819 г.) Королевскихъ 22,540 ч., содержимыхъ Компаніею: регулярныхъ 160,288, нерегулярныхъ 24,741, инвалидовъ 5,875. — *Доходы.* Въ 1821 г. 207,821,430 гул. — *Долгъ* 553,500,000 гул.

Независимыя владѣнія. Пространство около 7,900 кв. м. — *Народонаселеніе* около 11 милліоновъ. — Здѣсь заключаются — земля *Маратговъ*, 4 милл. ж., гл. гор. *Удзинъ*, 150 т. ж. — земля *Сеиковъ*, 4 милл. ж., гл. гор. *Лагоръ*, 100 т. ж. — Земля *Непаль*, $2\frac{1}{2}$ милл. ж., гл. гор. *Катманду*, 50 т. ж. — Войскъ до 175 т.

Владѣнія Португальскія. Пространство 223 кв. м. — *Народонаселеніе* 417,500 ч. — Гл. городъ *Гоа*, 18,500 ж.

2. *Восточный. Пространство* до 41 т. кв. м. — *Народонаселеніе* до 36 милліоновъ. Здѣсь —

1. Земля *Ассамъ. Пространство* до 2,900 кв. м. — *Народонаселеніе* 1 милліонъ. — Главн. городъ *Іоргатъ*. Находится подъ покровительствомъ Великобританіи.

2. Земля *Бирмановъ. Пространство* до 15 т. кв. м. — *Народонаселеніе* до 10 милліоновъ. Гл. городъ *Уммерапура*, до 90 т. ж. — Войска до 150 т.

3. *Полуостровъ Малакка. Пространство* 2,741$\frac{1}{2}$ кв. м. — *Народонаселеніе* до 500 т. — Здѣсь, кромѣ Европейскихъ владѣній, находится нѣсколько Государствъ, но они мало извѣстны.

4. Земля *Сіамъ. Простр.* до 3,800 кв. м. — *Народонаселеніе* болѣе 1 милліона. — Гл. городъ *Сійо-Тійа*, болѣе 100 т. жителей. Войска болѣе 50 т.

5. Земля *Анамъ. Простр.* болѣе 16,500 кв. миль. *Народонаселеніе* болѣе 20 милліо-

новъ. Здѣсь находятся: *Тункинъ*, *Кохинхина*, *Тсіампа*, *Камбоджіа*, *Лаосъ* и *Лактосъ*. Всѣ онѣ, вообще, мало извѣстны.

(До слѣд. книжки.)

Описаніе Россіи, изданное въ 1630 году, въ Голландіи.

(Продолженіе.)

Дорога отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго. Отъ монастыря С. Николая должно плыть вверхъ по Двинѣ до Вологды 1,100 верстъ. Путь сей можно совершить въ сорокъ дней, плывя день и ночь. Суда Руссія называютъ *стругами* (stroogs). Въ зимнее время, на лошадяхъ, въ повозкахъ, можно путь сей совершить въ восемь дней; лѣтомъ-же, по причинѣ частыхъ болотъ и глубокой грязи, путь неудобенъ. Отъ Вологды до Ярославля 180 верстъ (Ярославль, городъ на берегу Волги). Отсюда по Волгѣ плывутъ внизъ до самаго Каспійскаго моря; разстоянія 2,700 верстъ; путь сей совершается въ тридцать дней. Волга ниже Ярославля, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, простирается въ ширину на одну милю.

Дорога отъ Москвы до Каспійскаго моря. Отъ Москвы по рѣкѣ Москвѣ до Ко-

ломны 20 миль. Около мили отъ Коломны, Москва впадаетъ въ Оку. Отъ стеченія сихъ рѣкъ до Терревенпиской крѣпости (ad castrum Terrevetisko) 8 миль, до Переславля 8, до развалинъ старой Рязани 6, до Терекомы (ad Terrecomam) 12, до Касимова столько-же, до Мурома 20, до Нижняго Новгорода, гдѣ Ока впадаетъ въ Волгу 25, до Василь-города 55, до Чебоксаръ 16, до Свіяжска 25. Городъ Казань. Отъ Казани до соединенія Камы съ Волгою 15, до Переволока (ad Perovolog) столько-же, до первой Русской крѣпостцы, называемой отъ Татарскаго слова *Карауль* (Carawool), 7 верстъ, до второй. *Каменный Карауль* (Kameni Carawool) 115 верстъ, до третьей, Степной (Stapnoy) Карауль 50, до четвертой, Полу (Polooy), Карауль 120. до пятой, Кизелеръ-Карауль 50, до шестой, Шкебра 50, до Астрахани 50. до Учуга (ad Uchoogh) 60. до острова Шестерабугори (*четыре-бугра?*) 40 верстъ. Здѣсь Волга впадаетъ въ Каспійское море (*).

II. *Климатъ и произведенія.* Иногда зимою, во время жестокихъ морозовъ, волки и медвѣди, понуждаемые голодомъ, выходятъ стадами изъ лѣсовъ и пожираютъ всѣхъ встрѣчающихся, и даже нападаютъ на земледѣльцовъ въ ихъ хижинахъ.

(*) Судя по правописанію Русскихъ именъ, сіе показаніе верстъ должно быть заимствовано изъ Англинскихъ записокъ. *Пер.*

При наступленіи весны дѣлается столь внезапная перемѣна, что лѣса вдругъ зеленѣютъ, травы выростаютъ, цвѣты распускаются, посѣвы пускаютъ отрасли, птицы, и въ особенности соловьи, поютъ вездѣ столь хорошо, что кажется, ничего болѣе не льзя прибавить къ пріятностямъ сей страны. Всѣ сіи дары природы приписываются здѣсь снѣгамъ, которые зимою бываютъ чрезвычайно глубоки и покрываютъ вездѣ землю наподобіе какого-либо платья и согрѣваютъ, дабы отъ морозовъ она не замерзла, но при наступленіи весны растаяваютъ они весьма скоро; земля-же, которую мы обыкновенно называемъ тощею и песчаною, весьма скоро впиваетъ въ себя влагу, и согрѣтая лучами солнца, скоро производитъ всякія травы.

Величайшая рѣка Волга, впадая въ Каспійское море, соединяетъ Рускихъ съ Персіею и другими Азіятскими странами, и потому всѣ Азіятскіе товары по ней черезъ средину Россіи легко доставляются къ морю. Въ числѣ произведеній Россійскихъ, для туземцовъ, первое мѣсто занимаютъ земныя произведенія, какъ-то: пшеница, продающаяся иногда по самой низкой цѣнѣ; рожъ, которую одну только сѣютъ передъ зимою, а всѣ прочіе хлѣба весною; ячмень, овесъ, горохъ, fagopyrum (?) и psnitka (?) (весьма похожая вкусомъ на сорочинское пшено). Все сіе произ-

растаетъ въ такомъ изобиліи, что не только для туземцовъ, но и для сосѣдей иногда бываетъ очень достаточно. Если иногда и случаются годы неурожая, то сіе должно болѣе приписывать обману сельскихъ хозяевъ (Nobilium fraude), нежели неплодородію земли. Во владѣніи Великаго Князя Русскаго находятся однако-же области неспособныя къ произведенію нѣкоторыхъ житъ, на пр. Пермія и нѣкоторыя другія сѣверныя области, въ которыхъ почти не знаютъ употребленія хлѣба изъ житъ, развѣ иногда получаютъ ихъ отъ сосѣдей, и потому жители тѣхъ странъ дѣлаютъ себѣ хлѣбъ изъ корня, называемаго *vaghnoy* (?); иногда-же изъ внутренности сосенъ.

Произведенія, служащія какъ для туземцовъ, такъ и для торговли, суть слѣдующія: 1. *мѣха разныхъ животныхъ*, коими жители укрываются отъ зимней стужи и коихъ продаютъ чрезвычайное множество пріѣзжимъ купцамъ. Торговля сія столь значительна, что въ нѣкоторые годы, какъ замѣчено, вывозимо было изъ Руси количество мѣховъ цѣною на 40—50 тысячъ рублей (rublarum) и болѣе. Между сими мѣхами первое мѣсто занимаютъ *соболи* (лучшіе доставляются съ Печоры), коихъ цѣну возвышаетъ чрезвычайная роскошь Европейскихъ женщинъ. Прочіе суть: лисицы черныя и красныя, также и бѣлыя, доставляемыя въ великомъ коли-

чествѣ изъ Сибири; куницы, бобры, красивыя шкурки горностаевъ, волки, рыси и проч. 2. *Воскъ* находится въ такомъ изобиліи, что иногда, какъ повѣствуютъ, вывозимо бывало онаго по двадцати тысячь фунтовъ въ годъ. Большая часть доставляется изъ Пскова, однако-жъ и нѣкоторыя другія области также имъ очень изобильны. 3. *Меду* столько, что хотя большая часть онаго употребляется жителями въ напитки, но при всемъ томъ ежегодно вывозится онаго необыкновенное количество въ сосѣднія земли. 4. *Сало.* Въ прошедшемъ столѣтіи вывозилось его до сорока тысячь фунтовъ, а теперь вывозится онаго едва четвертая доля. Большую часть доставляютъ изъ Ярославля, Вологды и также нѣкоторыхъ другихъ областей. 5. *Воловьи и буйволовыя кожи.* Говорятъ, что въ прошедшіе годы вывозили ихъ до ста тысячь, а теперь, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе сего количества вывозится. 6. *Ворвенное сало,* добываемое изъ морскихъ тюленей(oleum ex phocarum arvino coctam). 7. *Икра,* коей великое количество приготовляется на берегахъ Волги изъ бѣлуги, осетровъ, севрюгъ и другихъ рыбъ; вывозъ бываетъ довольно значителенъ въ другія Государства, особенно въ Италію. 8. *Ленъ и конопля.* Первое производитъ Вольская область (Volsko provincia) съ сосѣдственными а послѣднее Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязь-

ма (Vathma), въ чрезвычайномъ изобилій и отмѣнной доброты. Нынѣ вывозится гораздо меньшее количество, нежели прежде, частію по причинѣ лѣности жителей, а главная причина, трудность и дороговизна провоза. 9. *Соль*, коей множество добывается въ Старой Руси и въ другихъ мѣстахъ изъ соляныхъ источниковъ. Противъ города Астрахани морскія волны выбрасываютъ ее на берегъ. 10. *Слюда* (pix) добывается въ провинціи Кареліи и по берегамъ Двины, около Сѣвернаго Океана, изъ каменныхъ горъ, и употребляется вмѣсто стеколъ и для фонарей; называется нынѣ просто: Русскимъ стекломъ (vitri Russici). 11. *Смола* въ великомъ количествѣ собирается съ сосенъ и елей, въ Смоленской области и по Двинѣ. 12. *Желѣзо*. Другихъ металловъ Россія почти не производитъ.

III. НРАВЫ и ОБЫЧАИ ЖИТЕЛЕЙ (*). Военнымъ людямъ предоставлено право владѣнія нѣкоторыми поселянами и горожанами, которыхъ они (per contemtum) называютъ *черными* (nigri homines) и крестьянами. Мастеровые и ремесленники не получаютъ значительной прибыли отъ

(*) Статья сія заимствована частію изъ Гванини, ибо на стр. 66 напечатано: *такъ пишетъ о семъ Гванини*; частію изъ Іоанна Барклая, ибо на стр. 76 сказано: *Нравы народа такъ изображаетъ Барклай*; большею-же частію изъ Флетчера, ибо на концѣ стр. 75 напечатано: *почти все сіе выбрано изъ записокъ Англинскаго Посланника. Пер.*

трудовъ своихъ. Иногда, во времена дороговизны съѣстныхъ припасовъ, они берутъ за работу свою столь малую плату, что едва могутъ пропитать себя, какъ-бы умѣренно ни жили. Горожане и купцы платятъ большія подати. Отецъ имѣетъ власть продать четыре раза своего сына, т. е. если сынъ, проданъ будучи одинъ или два раза, какимъ-либо образомъ освободится или господинъ его отпуститъ на волю, то отецъ имѣетъ право продать его снова; но послѣ четвертой продажи, онъ не имѣетъ болѣе надъ нимъ никакой власти. Состояніе женщинъ не хорошо, ибо всякая, если не живетъ запершись дома, не почитается честною и добродѣтельною, и потому онѣ никуда не выходятъ, прядутъ нитки, ткутъ холстъ, не имѣя притомъ никакой власти въ домѣ. Претерпѣвая сильные побои отъ мужей, онѣ рѣдко жалуются, но почитаютъ это еще знакомъ любви къ себѣ. У женщинъ во всеобщемъ употребленіи притиранья и румяны, дабы скрыть природные недостатки. На Руси не почитается за безчестіе бѣлиться и румяниться, напротивъ мужья охотно дѣлаютъ издержки на сію прихоть женъ своихъ. Къ одѣянію мущинъ принадлежатъ: *tassia* (тафья?), носимая на головѣ, *shepon* (зипунъ?) *кафтанъ*, *ферезь*, *alkaben* (охабенъ?), *однорядка;* а къ одѣянію женщинъ: *obrosan* (сарафанъ?), *шапка земская* (zempska)

oposhen (опашень), *лѣтникъ*, *березъ земской* (zempskoy) (*). — Зная что купцы Русскіе подозрѣваютъ ихъ въ плутовствѣ, Жиды вымышляютъ себѣ въ Руси другое отечество, дабы пріобрѣсть снисходительность и удобнѣе производить взаимную торговлю. Пристрастіе къ пьянству на Руси очень сильно, и кромѣ отечественныхъ напитковъ, есть тамъ и привозныя вина.

IV. *Правленіе политическое и гражданское.* При Ѳеодорѣ, съ которымъ пресѣклось Княжеское поколѣніе, Царица, какъ говорятъ, присвоила себѣ верховную власть, но сіе было терпимо болѣе по слабости Князя, нежели по древнему обыкновенію или праву.

Верховный Сеймъ Россійскаго Государства называется *Соборъ*. Обыкновенно присутствуютъ на немъ: самъ Государь, Дворяне, по большой части до двадцати, составляющіе его тайный Совѣтъ, и наконецъ нѣкоторые изъ духовныхъ особъ, почти въ такомъ-же числѣ. Государь призываетъ Дворянъ, составляющихъ тайный его Совѣтъ, также Патріарха, двухъ Митрополитовъ, столько-же достойнѣйшихъ Архіепископовъ и Епископовъ, также Игуменовъ и монаховъ. Государь назначаетъ имъ во дворцѣ день собранія, ко-

(*) За симъ на стр. 72 — 76 описываются обряды свадебные и похоронные. *Пер.*

торый по большой части бываетъ въ пятницу, потому что сей день по закону ихъ важнѣйшій. Всѣ садятся слѣдующимъ порядкомъ: Государь занимаетъ тронъ; напротивъ его, за четвероугольнымъ столомъ (за которымъ можетъ помѣститься около двѣнадцати человѣкъ), садится Патріархъ и знатнѣйшіе изъ Дворянъ и Духовенства, съ двумя Секретарями (они называются Думными Дьяками); прочіе-же, по степени достоинства, избираютъ мѣста въ окружности. По занятіи всѣми мѣстъ своихъ, одинъ изъ Секретарей читаетъ то, о чемъ должно разсуждать. По прочтеніи, спрашиваетъ у Патріарха и прочихъ духовныхъ особъ мнѣнія ихъ о предложенномъ дѣлѣ; всѣ отвѣчаютъ по большой части одинакимъ образомъ, что Государь и Совѣтники его по премудрости своей и опытности въ производствѣ дѣлъ, сами лучше могутъ разсудить, что полезно Государству. Тогда Секретарь именемъ Государя отвѣчаетъ Совѣтникамъ, что предложенное дѣло полезно и нужно для Государства; но что, не взирая на то, просятъ ихъ всѣми силами предложить свободно свое мнѣніе и если они согласны на предложенное дѣло — подать свой голосъ, дабы дѣло могло рѣшиться совершенно. Сочиненные потомъ Секретаремъ акты обнародываются во всѣхъ областяхъ чрезъ Воеводъ или Секретарей.

Степени достоинства и классы народа суть слѣдующія: I. *Дворяне*, коихъ три разряда: a) *Удѣльные Князья* такъ называются тѣ, которые имѣютъ особыя преимущества; b) *Бояре*, которыхъ Государь, кромѣ титула дворянства, удостоиваетъ быть Совѣтниками; c) *Воеводы*, предводительствовавшіе войсками Россійскаго Государя; достоинство сіе послѣ предыдущихъ степеней Дворянства, съ особеннымъ уваженіемъ переходитъ къ дѣтямъ и внукамъ. Сіи три степени Дворянства прибавляютъ къ отечественнымъ именамъ своимъ *вичь*, какъ знакъ своего достоинства, и налагаютъ денежную пѣню на тѣхъ, которые сіе прибавленіе опускаютъ въ разговорѣ съ ними, ибо сіе почитается великимъ *безчестіемъ*. II. Ближайшее мѣсто послѣ Дворянъ занимаютъ такъ называемые *Дѣти Боярскіе*, служащіе изъ платы въ войскахъ Государя, и Секретари или *Дьяки*, получающіе первыя мѣста въ городахъ послѣ Градоначальниковъ. III. Послѣдній классъ народа называется *мужики*, изъ коихъ главную часть составляютъ купцы; за тѣмъ слѣдуютъ ремесленники; послѣдній классъ есть классъ хлѣбопашцевъ, называемыхъ *крестьянами*.

Объ управленіи провинцій. Все управленіе Государства Россійскаго раздѣляется на четыре части или тетрархіи, называемыя *четвертями* (chetfird), изъ коихъ

каждая заключаетъ въ себѣ нѣсколько областей, и имѣетъ особое назначеніе, отъ котораго и названіе свое получаетъ. Первая изъ сихъ четвертей называется *Посольская четверть* или Судъ должностей Посланника, и по большой части поручается главному Секретарю, который за сію должность ежегодно получаетъ по сту рублей. Вторая называется *Разрядная четверть* и почти всегда поручается Оберъ-Шталмейстеру, называемому *разрядъ* (Разрядный?), съ жалованьемъ также по сту рублей въ годъ. Третья называется *Помѣстная четверть*, и поручается хранителю списка всѣхъ земель, жалуемыхъ Государемъ своимъ Дворянамъ и другимъ, съ жалованьемъ въ годъ по пяти сотъ рублей. Наконецъ четвертая называется *Казанскій дворецъ*, и поручается тому, кто занимаетъ должность Судьи въ Царствѣ Казанскомъ, Астраханскомъ и въ городахъ лежащихъ по Волгѣ. — Кромѣ сихъ тетрархій учреждено еще правленіе надъ имѣніемъ Государя (называемымъ *отчины*), состоящимъ изъ тридцати шести городовъ съ ихъ землями. Всѣ сіи главные Судьи Государства производятъ дѣла свои по большой части въ Москвѣ. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы ссоры и другія дѣла, поступающія къ нимъ изъ ихъ четвертей, представлять въ Государственный Совѣтъ, а Указы и опредѣленія Государя и Сената

обнародывать въ своихъ провинціяхъ. Въ сихъ провинціяхъ управляютъ Градоначальники или Воеводы, которые почти всѣ дѣла производятъ чрезъ *Дьяковъ*, т. е. Секретарей, ибо сами почитаются низшаго достоинства между Дворянами. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы выслушивать и рѣшать всѣ гражданскія дѣла въ своей округѣ, для чего имъ подчинены служащія особы, какъ то: *Судный Староста*, заключающій виновныхъ въ тюрьму; Судьи, низшаго разряда, которые узнаютъ и судятъ нѣкоторыя дѣла въ своихъ округахъ (однакожъ на рѣшенія ихъ можно взять аппеляцію къ Градоначальнику, или Дьяку, равно какъ и на рѣшенія Градоначальника или Дьяка можно брать аппеляцію въ дворцовый Сенатъ); наконецъ *Сотскій Староста*, т. е. Альдерманъ или Бальи сотенный. Кромѣ того должность Воеводъ состоитъ еще въ томъ, чтобы развѣдывать о преступленіяхъ, воровствѣ, смертоубійствѣ, измѣнѣ и пр., слѣдовать дѣла и посылать къ начальнику четверти своей, живущему обыкновенно при Дворѣ, слѣдствіе со всѣми его обстоятельствами, ибо самимъ имъ не позволяется ни наказывать, ни казнить виновнаго. Наконецъ Воеводы обнародываютъ законы и другія постановленія Государя, собираютъ подати, набираютъ войско и отправляютъ въ мѣста назначенныя Государемъ, вои-

новъ приведенныхъ къ присягѣ. Градоначальниковъ и Дьяковъ избираетъ самъ Государь; по большой части ихъ смѣняютъ ежегодно, если Государю не разсудится заблаго ставить ихъ далѣе.

Таково управленіе внутреннихъ городовъ Государства; о пограничныхъ-же прилагаютъ гораздо болѣе попеченія: въ нихъ по большой части бываетъ два начальника и не рѣдко опредѣляются они изъ Государственныхъ Совѣтниковъ. Пограничные города суть: *Смоленскъ*, *Vobsko* (Псковъ?), *Новгородъ* и *Казань*. Ихъ начальникамъ и болѣе чести и власть ихъ обширнѣе, ибо имъ дано право наказывать преступниковъ. Жалованья полагается по четыреста и по семи сотъ рублей въ годъ.

Москва, какъ резиденція Государя, управляется только имъ и Сенатомъ. Сенаторы въ различныхъ Судахъ слушаютъ и рѣшаютъ дѣла гражданскія и уголовныя. Другими городскими дѣлами, какъ на примѣръ: смотрѣніемъ за улицами, сборомъ податей и тому подобнымъ, занимаются двое Дворянъ и столько-же Дьяковъ: сіе собраніе называется *Земскимъ судомъ*. Кромѣ сихъ Дворянъ и Дьяковъ, еще есть *Альдерманы*, *Старосты*, начальники отдѣленій, на которыя раздѣленъ весь народъ; они имѣютъ у себя *Сотскихъ*, а сіи Десятскихъ, надзирающихъ за десятью семействами. Дворяне и Дьяки, составляющіе Земскій судъ, опредѣляются Государ-

ремъ, Альдермановъ-же выбираютъ они, а сіи уже сотскихъ, сотскіе десятскихъ.

О Тайномъ Совѣтѣ Государя. Россійскій Государь многихъ изъ Дворянъ возвелъ въ достоинство Совѣтниковъ, но труды ихъ употребляются весьма рѣдко, а еще рѣже того призываются они для совѣтовъ. Они вообще называются: *Бояре*; прочіе-же, кои трудятся ежедневно во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, называются *Думные Бояре*, а засѣданіе ихъ: *Боярская Дума* Числа сихъ людей не льзя опредѣлить точно. Съ ними присутствуютъ четыре Секретаря, называемые *Думными Дьяками*. Засѣданіе бываетъ обыкновенно по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ семь часовъ утра. Если нужно чрезвычайное собраніе, тогда приглашаются Члены онаго главнымъ Коннетаблемъ чрезъ писаря Совѣта.

О судопроизводствѣ гражданскихъ дѣлъ. У Русскихъ есть три суда. *Низшій*, въ которомъ, какъ мы сказали, засѣдаетъ *Судный Староста*, также *сотскій Староста*, то есть Альдерманъ и Сопенный Бальи. *Второй*, тотъ, который въ городахъ каждой провинціи занимаютъ Градоначальникъ и Секретарь его; изъ сихъ двухъ дѣла переносятся на аппеляцію въ *третій*, высшій Придворный Судъ или Сенатъ.

Если проигравшій свою тяжбу не удовлетворитъ тотчасъ своего заимодавца,

тогда отводятъ его въ *praveush*, то есть въ публичное мѣсто, гдѣ осужденныхъ сѣкутъ немилосердо каждый день отъ осьмаго до одиннадцатаго часа. Впрочемъ Рускіе не имѣютъ никакихъ писанныхъ законовъ: у нихъ есть только небольшой списокъ, въ которомъ означена важность тяжбы и другія обстоятельства, также и формы судебныхъ приговоровъ.

V. *Доходы Государя.* Доходы Государя, равно какъ и другихъ Князей, состоятъ, во первыхъ: изъ наслѣдственнаго имѣнія, то есть, дохода получаемаго Княземъ ежегодно съ земель, особенно ему принадлежащихъ. Всѣ сіи земли вообще называются *Государевыми отчинами*, и состоятъ изъ тридцати шести городовъ съ землями ихъ и со всѣми къ нимъ угодьями. Изъ сихъ городовъ большій доходъ приносятъ: *Александровъ*, *Gorelska*, *Otfer*, (Тверь?), *Slobdey*, *Danieleka* (Даниловъ?), *Мосальскъ*, *Chare*, *Sametka*, *Старая Руса*, *Брянскъ* и проч. — Граждане и хлѣбопашцы сихъ городовъ и земель ежегодно платятъ Государю подать, частію деньгами, а частію произведеніями земными, какъ напр. пшеницею, рожью, ячменемъ, овсомъ и проч. (сію послѣднюю подать называютъ *оброкомъ*); также земноводными животными, птицами и домашними птицами; наконецъ и другими земными произведеніями, какъто: лѣсомъ, воскомъ, медомъ и тому по-

добнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ обязаны обработывать нѣсколько десятинъ земли въ пользу Государя и имъ дается часть земли для обработыванія въ свою пользу. Годовой запасъ, собираемый такимъ образомъ, столь великъ, что не только не можетъ быть истраченъ въ семействѣ Государя, но не можетъ истощиться и на жалованья, даваемыя приближеннымъ его Дворянамъ, а потому остальнаго продается на великую сумму, и деньги сіи вносятся въ Государеву казну.

Доходы такого рода, при Іоаннѣ Васильевичѣ (жившемъ весьма великолѣпно) едва превышали шестьдесятъ тысячъ рублей ежегодно; но при сынѣ его Ѳеодорѣ, тщательнымъ стараніемъ Казначея его Григорія Васильевича Годунова, сумма сія возрасла до 250,000 рублей. Большая часть сихъ доходовъ употребляется на жалованье Министрамъ, служащимъ Государю, или въ его семействѣ или внѣ онаго.

Второй родъ доходовъ называется *тягло* и *подать*, собираемая изъ четырехъ тетрархій Государства. Тягло есть ежегодная подать, платимая за каждый *wilis* (Русская мѣра) хлѣба, растущаго въ провинціи; оно собирается присяжнымъ и доставляется къ Хранителю Государственной казны. *Податью-же* называется ежегодный налогъ на каждый округъ областей. Всѣ сіи доходы вносятся въ Государеву казну ежегодно, какъ изъ слѣдующаго вид

но: Провинція и городъ *Vobsko* ежегодно платитъ 18,000 руб. — Новгородъ 55,000 — Торжокъ и Тверь 8,000 — Рязань 30 000 — Муромъ 12,000 — Холмогоры и Двина 8,000 — Вологда 12,000 — Казань 18,000 — Устюгъ 30,000 — Ростовъ 50,000 — Москва 40,000 — Симбирскъ 20,000 — Кострома 12,000. Общій итогъ составляетъ 400,000 рублей, изъ коихъ каждый равняется шести Голландскимъ флоринамъ. Сіи доходы собираются въ Сентябрѣ, съ котораго мѣсяца Рускіе начинаютъ свой годъ.

Третій родъ доходовъ, называемый ими *большой приходъ*, собирается за ввозъ и вывозъ товаровъ во всѣхъ городахъ Государства, также и съ вольныхъ городовъ. Значительнѣйшій пошлинный доходъ даютъ слѣдующіе города: Москва 12,000 р. — Смоленскъ 8,000 — Vobsko 12,000 — Новгородъ Великій 6,000 — Старая Руса 18,000 — Торжокъ 800 — Тверь 700 — Ярославль 1,200 — Кострома 1,800 — Нижній Новгородъ 7,000 — Казань 11,000 — Вологда 2,000. Таковъ вѣрный и положенный пошлинный доходъ съ значительнѣйшихъ городовъ, ибо ежегодно собирается одинакая сумма. Если оная окажется не вполнѣ, тогда взыскиваютъ со сборщика; если же окажется излишекъ, то оный обращается въ пользу Государя. Сборовъ съ другихъ городовъ съ точностію опредѣлить не возможно по причинѣ возрастающей и упадающей торговли оныхъ. Но изъ запи-

сокъ *Архива достовѣрно извѣстно*, что сей родъ дохода не бываетъ менѣе 340,000 руб. ежегодно.

Должно еще присоединить ежегодный доходъ, приносимый публичными банями и корчмами, хотя онаго не льзя опредѣленно означить; но судя по обычаямъ жителей, которые въ обоихъ сихъ мѣстахъ болѣе всего находятъ удовольствія, должно полагать, что онъ весьма значителенъ.

(Продолж. впредь.)

II. КРИТИКА.

— Undersögelse om det gamle Nordiske eller Islandske Spogs Oprindelse — af R. K. Rask. — Vergleichungstafeln der Europäischen Stammsprachen und Süd-West-Asiatischen — von I S. Vater. — Tripartitum seu de analogia linguarum. — Ueber das Entstehen der Grammatischen Formen — von W. v. Humboldt — Iosephi Dobrowsky institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. — Словарь Россійской Академіи. — Српски Рiечник. — Wuks Stephanowitch Serbische Grammatik, verd. von I. Grimm. — Die Verwandschaft der germanischen und slavischen Sprachen darg. von D. Ch. S. Th. Bernd. — Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens — von W. v. Humboldt.

Книга означенная подъ No 4 мъ есть разсужденіе знаменитаго ученаго Вильгельма Гумбольдта, о происхожденіи Грамматическихъ формъ. Авторъ не ограничивается отдѣльными явленіями, но обни-

маетъ сущность цѣлаго въ образованіи языковъ, касательно Грамматики. Для разрѣшенія важнаго вопроса, какимъ образомъ въ языкахъ составилось грамматическое устройство, болѣе или менѣе насъ занимающее — потребны не одни сравненія языковъ, хотя впрочемъ и они въ семъ отношеніи награждаютъ испытательный взоръ, изощряютъ его и возбуждаютъ къ дальнѣйшему вниманію (между тѣмъ собранія словъ, при всей ихъ важности, односторонни, составляютъ заняшіе почти одной памяти, и подвержены болѣе измѣненію случайнаго соединенія съ вещественною связью). Указаніе путей, коими образовались отдѣльныя явленія и перешли въ вещественную дѣятельность ума, производящую оныя, потребно намъ гораздо болѣе, нежели исчисленіе явленій, въ которыхъ видны успѣхи и производство языковъ. И въ этомъ состоитъ предметъ превосходнаго разсужденія Г. Гумбольдта, какъ видно и изъ заглавія, ибо онъ обѣщаетъ разсматривать не только *происхожденіе Грамматическихъ формъ*, но *и вліяніе оныхъ на развитіе идей.*

Ясность и порядокъ изложенія, остроуміе и богатство примѣчаній отличаютъ сіе сочиненіе и поставляютъ его на высокую степень.

Г-нъ Гумбольдтъ, въ первомъ отдѣленіи, совершенно зная теорію Американскихъ языковъ (о которыхъ донынѣ было упомянуто только въ Митридатѣ, при обозрѣніи сей части свѣта и связи ея народовъ и еще въ Фатеровомъ, Index linguarum), представляетъ глубокія изслѣдованія, разборы и примѣры происхожденія формъ. Здѣсь рѣшилъ онъ, самымъ удовлетворительнѣйшимъ обра-

зомъ, двойной вопросъ, составляющій сущность сего сочиненія: »какъ образуется въ какомъ-либо языкѣ та *взаимность грамматическихъ отношеній*, которая заслуживаетъ названіе *формъ*« — и »важно-ли для мысленія и развитія идей то, чтобы сіи отношенія означены были дѣйствительными формами или другими средствами?« — За симъ Авторъ предостерегаетъ отъ составленія всеобщаго типа, постепенно умножающаго образованія языковъ, ибо въ языкахъ дѣйствіе времени вездѣ связано съ дѣйствіемъ собственныхъ, особенныхъ свойствъ народныхъ; далѣе, предостерегаетъ еще отъ ошибокъ, чтобы мѣриломъ преимуществъ и недостатковъ языка не принимать того, что какой-либо человѣкъ, не исключительно въ томъ или другомъ языкѣ образованный, не можетъ на немъ всего выразить; чтобы не смѣшивать понятій о томъ: имѣетъ-ли какой-либо языкъ (хотя и въ каждомъ можно видѣть грамматическія отношенія) какія нибудь, хотя и не всѣ, грамматическія формы, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ извѣстны въ языкахъ совершенно образованныхъ, и чтобы смѣшавши одну форму съ другою, не вносить въ необразованный еще языкъ такой идеи и такого расположенія, которыя обыкновенно соединяются въ извѣстномъ отношеніи въ языкахъ образованнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ, ибо въ первомъ случаѣ бываетъ часто отношеніе только занимающее мѣсто, а въ послѣднемъ опредѣленная форма. — »Когда,« говоритъ Авторъ, »въ языкѣ, на пр. падежи образуются предлогами, которые ставятся передъ неизмѣняемымъ словомъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ грамматической формы, но только два слова, коихъ грамматическое

отношеніе подразумѣвается. Соединеніе можетъ быть въ умѣ представляющаго, а нѣтъ еще знака въ языкѣ (т. е. нѣтъ такого знака, при которомъ подразумѣвается одна мысль, заключающаяся собственно въ словѣ, но здѣсь подразумѣвается знакъ отношенія грамматическаго)« — »если-же находимъ много случаевъ, въ которыхъ означеніе грамматическаго отношенія не совершенно соотвѣтствуетъ истиннымъ грамматическимъ формамъ, если онѣ составляютъ собственность и характеръ языка, то таковой языкъ, хотя-бы на немъ и все можно было выразить, еще очень удаленъ отъ соотвѣтственности развитія идей, ибо развитіе идей начинаетъ совершенствоваться, когда человѣкъ, кромѣ матеріальной цѣли рѣчи, начинаетъ принимать участіе въ формальномъ свойствѣ оной, а до сей точки не льзя достигнуть безъ соображеній языка.« — О благотворномъ дѣйствіи грамматическихъ формъ на мысленіе говоритъ Авторъ на 11 стр., а на стр. 12 исчисляются имъ средства для означенія грамматическихъ отношеній: »1) Прибавленіе или вставка самозначительныхъ слоговъ, составлявшихъ, или и составляющихъ особыя слова; 2) прибавка не составляющихъ смысла буквъ или слоговъ, единственно для означенія отношеній; 3) перемѣна гласныхъ буквъ перехожденіемъ одной въ другую, или измѣненіемъ количества или тона; 4) перемѣна согласныхъ буквъ въ срединѣ слова, 5) расположеніе однихъ отъ другихъ зависящихъ словъ, по неизмѣняемымъ законамъ; 6) повтореніе слоговъ.« —

Здѣсь не возможно упомянуть обо всемъ, что находится въ превосходномъ разсужденіи Г. Гум-

больша; скажемъ только, что постепенное происхожденіе грамматическихъ формъ объясняется имъ изъ облегченія разумѣнія (понятія) расположеніемъ словъ, отдѣльными словами, рѣченіями (фразами); далѣе правильностію употребленія сихъ вспомогательныхъ средствъ, такъ что они постепенно теряютъ свое значеніе и первообразный свой языкъ. Между значеніемъ веществъ и формъ еще остается неопредѣленность; но словорасположенія получаютъ тогда единство, слова, означающія формы, дѣлаются постоянными (affixa), хотя еще только собранными (aggregate). Наконецъ, на все распространяется форма, слово остается тоже, и только въ грамматическихъ своихъ отношеніяхъ измѣняется черезъ перемѣну склоняемой буквы; слово управляетъ присоединенными къ нему посторонними звуками и единство его образуется выговоромъ (accent). Съ стр. 24 слѣдуетъ столь-же основательное и проницательное разсужденіе о вліяніи грамматическихъ формъ.

Не только всѣ изслѣдователи языковъ, но и всѣ любители исторіи человѣческаго ума должны наслаждаться симъ превосходнымъ сочиненіемъ. Рецензентъ не можетъ довольно изъяснить, сколь великое удовольствіе чувствовалъ онъ при чтеніи сего Разсужденія, и въ заключеніе долженъ замѣтить слѣдующее. Такъ какъ языкъ человѣческій отличается именно тѣмъ, что онъ изъясняется выговариваемыми звуками съ видимымъ мысленіемъ, и такъ какъ въ отношеніи къ сей цѣли изобрѣтены и приняты современниками отдѣльныя изображенія предметовъ, такъ точно возбуждается и внимательность къ изображеніямъ отношеній словъ ка-

кого-либо рѣченія; и тѣмъ болѣе становится она образовательна, чѣмъ болѣе касается до формъ. Но когда въ послѣдствіи изображенія сіи изучаются и употребляются механически, тогда они не много могутъ способствовать къ образованію: тогда народы не заботятся о формахъ, и языки, имѣвшіе отличное грамматическое строеніе, по стеченію различныхъ народныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе искажаются. Примѣры таковаго упадка языковъ приведены Авторомъ въ своемъ мѣстѣ (*).

(Окончаніе впредь).

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

108. *Теоріи о Механизмѣ сводовъ* (**), *изданная Кол. Совѣт. и Кавалеромъ Гавріломъ Мягковымъ; въ пользу воспитанниковъ вышняго класса Архитектурнаго Кремлевскаго училища.* М. 1825 г. in 8. 242 стр.

Книга сія посвящена Сочинителемъ Князю Н. Б. Юсупову, какъ Начальнику Кремлевской Экспедиціи; она состоитъ изъ пяти *главъ* или отдѣленій, изъ коихъ въ трехъ первыхъ предложены *основанія теоретическія*, а въ двухъ послѣднихъ *знанія опытныя.* Сверхъ того, въ любопытномъ *Предисловіи*, Сочинитель предлагаетъ свои мысли о способѣ преподаванія Архитектуры. Вотъ основаніе его мнѣній:

(*) Окончаніе рецензіи заключаетъ совокупное почти разсужденіе о Славянскихъ языкахъ, почему и не могли мы его начать въ сей книжкѣ, не желая прервать и не имѣя мѣста для помѣщенія вполнѣ. Постараемся помѣстить оное въ самомъ скорѣйшемъ времени. *Изд.*

(**) Теорія *сего*, а не *о семъ*.

»Теорія Архитектуры съ давнихъ временъ почитается многими ненужною и потому она почти оставлена и забыта: подтвержденіемъ сему служитъ то, что преподаваніе оной во всѣхъ училищахъ заключается въ одномъ механизмѣ, скопировывать рисунки (*); по сему неосновательному образу преподаванія, Наука Зодчества перестаетъ быть наукою и сравнялась съ искуствомъ рисовальнымъ. Учащіеся пріобрѣтаютъ только навыкъ тянуть рейсфедеромъ смѣло линеи и растушовывать кистью, не получая ни малѣйшаго понятія о томъ, чѣмъ ихъ занимаютъ и *на что убиваютъ* они время (**) — *между тѣмъ какъ всякая наука имѣетъ и свою теорію и свою практику: первая, служа основаніемъ послѣдней, прилагаетъ путь къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Много надобно лѣтъ, чтобъ одною практикою сдѣлаться достойнымъ званія Архитектора. Теорія науки составилась вѣками — и вѣки нужны, чтобъ дознать опытомъ все, ею излагаемое; но и тогда такой Архитекторъ, со всѣмъ своимъ достоинствомъ подобенъ будетъ слѣпцу, который привыкши бродить по одной дорогѣ, не смѣетъ ни на шагъ отъ нее отдалиться. и пр.*«

Слова напечатанныя *курсивомъ*, заслуживаютъ особенное вниманіе: можетъ быть, они заставятъ разсуждать и уничтожатъ слѣпое довѣріе къ *практикантамъ*. Сверхъ того все, сказанное Сочинителемъ о теоріи и практикѣ Архитектуры, относится и къ другимъ Наукамъ.

(*) Горькая истина! *Рец.*

(**) Это голосъ опытнаго наблюдателя. *Рец.*

Послѣ сего, Г. Мягковъ приступаетъ къ объясненію плана, которому надлежало бы слѣдовать въ преподаваніи Архитектуры; мысли его совершенно справедливы, и желательно, чтобъ онѣ хотя отчасти приведены были въ исполненіе. Разсужденіе свое заключаетъ онъ оговоркою, которая рѣшительно доказываетъ его благое намѣреніе, а не тщеславіе или желаніе сдѣлать кому нибудь укоризну.

Предисловіе оканчивается объясненіемъ цѣли, для которой Сочинитель принялъ на себя трудъ написать теорію сводовъ. Онъ желалъ составить для своихъ слушателей учебную книгу, въ которой сія теорія была бы обработана сообразно со степенью ихъ познаній въ Математикѣ.

Рецензентъ могъ-бы указать на многія сочиненія, въ которыхъ важная *теорія сводовъ* предложена со всѣми необходимыми подробностями, требующими высшихъ исчисленій, могъ бы замѣтить что главныя основанія *Статики*, помѣщенныя Г. Мягковымъ въ первой главѣ его сочиненія, далеко отстали отъ нынѣшняго состоянія сей Науки, доведенной до совершенства; могъ бы замѣтить нѣкоторыя излишности и, по видимому, несоблюденіе краткости, необходимой для Математическихъ книгъ, въ которыхъ лишнія слова затемняютъ предметъ, развлекая вниманіе читателя; но во всемъ этомъ Сочинитель оправдается слѣдующимъ:

1-е, Книга его составлена для учениковъ, у которыхъ знанія Математическія не простираются далѣе начальной Геометріи и уравненій второй степени. По этому, онъ принужденъ былъ, какъ

въ основаніяхъ Статики, такъ и въ самой Теоріи сводовъ, довольствоваться только сими небольшими пособіями для вычисленій и для изъясненія законовъ и причинъ равновѣсія тѣлъ твердыхъ.

2-е, Онъ хотѣлъ также, чтобъ книгу его могли читать и понимать не одни ученики, но и другіе, любители Архитектуры, а извѣстно, что многіе изъ нихъ не имѣютъ и ученическихъ свѣдѣній въ Математикѣ, особенно въ высшей.

3-е, Краткость изложенія не соблюдена по тѣмъ-же самымъ причинамъ; ибо кто не имѣетъ достаточныхъ познаній приготовительныхъ, тотъ встрѣтитъ затрудненіе при рѣшеніи всякаго вопроса, въ которомъ умалчивается о подробностяхъ, заимствуемыхъ изъ другихъ частей Науки.

Словомъ: Г. Мягковъ хотѣлъ сдѣлать книгу свою доступною для всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, для того, кто занимается Архитектурою какъ Наукою, и кто не считаетъ ее наравнѣ съ ремесломъ каменьщика или плотника.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, которому Г. Мягковъ, надѣемся, не будетъ противорѣчить. Во всѣхъ математическихъ сочиненіяхъ вычисленія, особенно послѣдніе выводы, составляютъ главное; по этому всегда стараются печатать ихъ такъ, чтобъ они были отличны отъ текста. Но въ *Теоріи сводовъ*, и вычисленія и послѣдніе выводы, напечатаны *прямыми литтерами* и смѣшаны совершенно съ объясненіями. Безъ сомнѣнія, этотъ недостатокъ не значителенъ; но почему не избѣжать и его, если возможно?

Все сказанное относится до теоретической части сочиненія Г. Мягкова; касательно-же прак-

тической, Рецензентъ не можетъ произнести никакого суда, потому что самъ не имѣетъ достаточныхъ въ ней свѣдѣній, и долженъ, по необходимости, предоставить это знающимъ читателямъ. 480.

109. *Физика, изданная Императорскаго Московскаго Университета Профессоромъ Физики, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Двигубскимъ.* Изданіе третіе, исправленное и умноженное. 2 Части, съ фигурами. М. 1825. in 8. 228 стр.

110. *Tractatus anatomico physiologicus de auditu hominis*, auctore Alexandro Fischer, cum 3 tabulis aeri incisis. M. 1825. in 8. 320 стр.

Въ Телеграфѣ, за прошедшій годъ, были уже предлагаемы извѣстія о выходившихъ сочиненіяхъ по части Естественныхъ Наукъ. Здѣсь представляемъ читателямъ общій обзоръ всѣхъ сихъ книгъ вмѣстѣ, расположенный по Наукамъ, дабы такимъ образомъ показать, что сдѣлано и чего недостаетъ.

I. *Физика*, какъ *Наука о свойствахъ общихъ всѣмъ тѣламъ и явленіяхъ, въ общей природѣ замѣчаемыхъ*, почему и полагается она во главу Естествознанія.

Г. Профессоръ Двигубскій окончилъ свою Физику, напечатавши вторую ея Часть. Не входя въ подробности, замѣтимъ вообще, что сіе третіе изданіе обогащено важнѣйшими физическими открытіями и изобрѣтеніями, какія сдѣланы Учеными съ 1814 года, т. е. со времени втораго изданія, противъ коего въ нынѣшнемъ весьма многое измѣнено и исправлено, такъ на примѣръ, въ статьяхъ: *о движеніи, о распространеніи свѣта* — по праву

приложены краткія математическія выкладки, необходимыя для большей доказательности и ясности при механическихъ изъясненіяхъ оныхъ предметовъ; исключены статьи: *о простыхъ веществахъ*, какъ принадлежность Химіи, и *о метеорахъ*; также исправленъ порядокъ самаго сочиненія; теперь онъ такой: въ *первой* Части сначала разобраны свойства вообще всѣмъ тѣламъ принадлежащія и движеніе; потомъ, въ особенности, свойства вещества въ трехъ главныхъ его состояніяхъ — свойства тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ; во второй Части изложены невѣсомыя. Такимъ образомъ, сіе третіе изданіе Физики, Г. Двигубскаго, составило лучшее и полнѣйшее руководство изъ всѣхъ доселѣ на нашемъ языкѣ вышедшихъ.

II. *Химія — Наука о частныхъ видахъ вещества*, разсматривающая свойства, такъ сказать *атомическія*, веществъ, какъ матеріаловъ, кои являясь подъ опредѣленными формами, составляютъ *тѣла*.

Во *Всеобщей Химіи*, Г. Гизе, мы имѣемъ сокровищницу свѣдѣній по сей части, но она очень пространна, притомъ-же написана въ 1813 — 17 году, а кому не извѣстно, какъ быстро совершенствуется и измѣняется сія Наука? Съ тѣхъ-же поръ, на Русскомъ языкѣ не вышло въ свѣтъ ни одного порядочнаго руководства общей Химіи. За то въ прошломъ году Г. Павловъ подарилъ насъ *Земледѣльческою Химіею*, которая, содержа въ себѣ вѣрныя, выведенныя изъ познанія природы основанія Земледѣлія, и будучи написана ясно и систематически, составляетъ весьма важное пособіе для

основательнаго познанія Сельскаго Хозяйства. Книга сія заслуживаетъ всякое вниманіе тѣмъ болѣе, что къ ней приложена *приготовительная часть*, содержащая въ себѣ главнѣйшія свѣдѣнія изъ Физики, Химіи, Ботаники и Зоологіи, способомъ, какимъ у насъ было предлагаемо немногое (о семъ подробно см. Телеграфъ, 1825, No 21 и 24). Г. Павловъ показалъ примѣръ, какимъ образомъ въ сочиненіяхъ, предлагаемыхъ не для одной, собственно такъ называемой, ученой публики, можно сохранить всѣ достоинство Науки; истины глубокія и отвлеченныя переселить, такъ сказать, въ обыкновенный кругъ, и сдѣлать ихъ до очевидности понятными, тѣмъ удобнѣе что у него вездѣ одни начала, одна теорія, вездѣ необходимая послѣдовательность. Земледѣльческая Химія вообще, въ систематическомъ видѣ, какъ Наука — является въ свѣтъ еще въ первый разъ и — на нашемъ языкѣ!

III. *Астрономія.* Хотя ни одна книга не издана у насъ по сей части въ прошедшемъ году, по крайней мѣрѣ здѣсь можемъ увѣдомить читателей, что скоро выйдетъ Астрономія, написанная сообразно Уранографіи Франкера; мы видѣли нѣсколько отпечатанныхъ листовъ ея и полагаемъ, что Авторъ, извѣстный своими знаніями, изданіемъ оной замѣнитъ недостатокъ, который чувствуемъ въ Математической Астрономіи, ибо Астрономія Шульца хотя и съ достоинствами, но не полна и не имѣетъ надлежащей системы, а изданная Стойковичемъ есть *Физическая*.

IV. По части *Физической Географіи* и *Метеорологіи* не вышло ничего — а надобно-бы,

V. равно какъ и по части *Минералогіи*.

VI. *Ботаника. Г. Щегловъ* издалъ 5 тетрадей *Хозяйственной Ботаники*. Въ No 11 Телеграфа, 1825 года, было говорено о первой тетради. Дать подробный отчетъ и такимъ образомъ рѣшить положительно достоинство сего сочиненія можно будетъ тогда только, когда оно окончится; теперь-же ограничимся замѣчаніемъ, что такое изданіе можетъ принести значительную пользу своими описаніями полезныхъ и вредныхъ для человѣка растеній и раскрашенными ихъ изображеніями, кои заимствованы большею частію изъ Шпурмовой Германской Флоры и Шмидтовой Экономико-Технологической, и почти ничѣмъ имъ не уступаютъ. — При семъ случаѣ непремѣнною обязанностію поставляемъ себѣ извѣстить читателей, что давно начатая и не оконченная *Санктпетербургская и Московская Флора*, Г-дъ Либошица и Триніуса, очень пышно объявляется въ Газетахъ не по достоинству; что она можетъ занимать мѣсто въ библіотекахъ только развѣ своимъ количествомъ, для числа книгъ; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ гораздо съ большею выгодою можно имѣть Хозяйственную Ботанику, Г. Щеглова: пожелаемъ только, чтобы Издатель въ слѣдующихъ тетрадяхъ улучшилъ Русскую номенклатуру растеній.

Разсужденіе о жизни растеній, воспитанника Благороднаго Московскаго Пансіона *Г. Головина* (см. Телегр. No 7, Сѣвер. Пчела 1825 No 42), есть выборъ мнѣній изъ новѣйшихъ Авторовъ о семъ предметѣ, предложенный въ хорошемъ, нашу-

ральномъ порядкѣ. Для перваго опыта молодаго Автора сіе Разсужденіе написано удачно.

Нѣкоторыя части Физіологіи растеній весьма хорошо обработаны въ 3-мъ отдѣленіи Приготовительной Части Земледѣльческой Химіи.

Сюда-же относятся переводы *Г. Шварца* о садоводствѣ и цвѣтоводствѣ (Тел. No 7, 12 и 16).

VII. По части *Зоологіи*, ученая Русская Литература не пріобрѣла ничего особенно важнаго въ прошедшемъ году. Здѣсь можемъ замѣтить хорошо выгравированную *таблицу животныхъ*, изданную И. Д. при Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ, съ приложенными объясненіями. Она представляетъ примѣры животныхъ изъ всѣхъ классовъ и порядковъ, что весьма полезно для начинающаго учиться Зоологіи, ибо онъ можетъ обнять однимъ взглядомъ и такимъ образомъ вдругъ получитъ первоначальное понятіе о животномъ царствѣ (Телегр. No 20).

Г. Фишеръ (Готгельфъ), Директоръ Московскаго Общества Испытателей Природы, въ особой программѣ (на Французскомъ языкѣ) извѣстилъ о новомъ родѣ раковинъ, названномъ имъ Choristites и составленномъ изъ породъ Теребратулы, въ числѣ коихъ четыре попадаются въ Московской Губерніи окаменѣлыми (см. Телегр. No 22).

Скоро отпечатается Зоологія, Г. Ловецкаго, составленная по системѣ *Фишера*, основанной, какъ извѣстно, на органахъ дыханія.

VIII *Антропологія Физическая*, также не получила никакихъ приращеній, кромѣ Трактата о человѣческомъ слухѣ, написаннаго Г. *Александромъ Фишеромъ*, который однакожъ не относится соб-

ственно къ Русской Литтературѣ, ибо написанъ на Латинскомъ языкѣ. Онъ имѣетъ, особенно въ отношеніи анатомическомъ, достоинство по своей ясности, аккуратности, полнотѣ и новымъ предположеніямъ Автора. Въ 3 мъ отдѣленіи, названномъ Auditus ipse, разобраны съ большою тонкостію назначеніе и состояніе во время слышанія каждой части слуховаго органа, но auditus ipse — сущность слуха — сей Гордіевъ узелъ для Физіологовъ, и у нашего Автора остался неразсѣченнымъ! Въ концѣ книги приложены очень хорошія изображенія слуховаго органа.

Печатается: *Земледѣліе*, Г. Шелехова, и *Сельское Хозяйство* извѣстнаго Таэра, переведенное трудолюбивымъ В. А. Левшинымъ.

Технологія давно уже не является на горизонтѣ нашей ученой Литтературы, а сколько изобрѣтено новаго и замѣчательнаго для фабрикъ и заводовъ?

Наконецъ мы не можемъ не обратить вниманія читателей на прекрасную статью: *о способахъ изслѣдованія природы*, по содержанію своему принадлежащую къ сферѣ Наукъ Естественныхъ (Мнемозина, 1825 г., ч. 4), въ которой чрезвычайно хорошо раскрыто, съ какой стороны мы должны разсматривать природу, дабы получить о ней полное и настоящее познаніе.

Вотъ все, что представило намъ Московское и Санктпетербургское книгопечатаніе, по части Естествознанія, въ прошломъ году, не включая сюда того, что содержитъ въ себѣ *Новый Магазинъ*, *Указатель открытій*, *Земледѣльческій*, *Гор-*

ный и Технологическій Журналы. Не льзя сказать, чтобы много — однакожъ все болѣе чѣмъ въ запрошедшемъ году; и какъ видно, болѣе въ центрѣ великой нашей Имперіи — въ Москвѣ. Что-то скажетъ 1826 годъ? Будемъ однакожъ ушѣшаться мыслію, что и Естественныя Науки у насъ пойдутъ къ совершенству, что Рускіе способны производить *свое хорошее;* только ихъ направленіе и назначеніе въ области Наукъ другое.

Французы и Англичане болѣе всѣхъ сдѣлали полезныхъ открытій въ Естественныхъ Наукахъ, и ихъ удѣлъ заниматься наружностію предметовъ, частностями, а не сущностью, не цѣлымъ: это главный характеръ ихъ учености — имъ онъ и приличенъ! Французъ не способенъ сосредоточиться, направленіе ума его — *средобѣжное* (центрифугальное); по сему-то во Французскихъ теоріяхъ мнимая связь замѣняетъ истинное единство: онѣ частны, или случайны. Если Французъ станетъ философствовать, то онъ болѣе мечтаетъ, нежели умствуетъ, и справедливо замѣчаютъ, что во Французской прозѣ столько поэзіи, сколько прозы въ ихъ стихотворствѣ. — Девизъ Англинской учености — cui bono? — Направленіе Нѣмецкаго ума нынѣ — къ общности, *средостремительное.* Русской-же Учености характеръ еще не обозначился; но если онъ когда нибудь долженъ быть, если наша Ученость должна имѣть свое *собственное направленіе,* то для нея, кажется, предоставлено соединить въ себѣ обѣ крайности — общность Германскую съ частностію Французовъ и Англичанъ, сгармонировать умозрѣніе съ опытностью, возможность съ дѣйствительностью, опытность направить по умозрѣнію, умо-

зрѣніе воспитать и упрочить опытностію — и создать такимъ образомъ стройныя цѣлыя въ наукахъ. Pia desideria!! . . . .

W. W.

1826.

19. *Ботаника для юношества*, содержащая начальныя основанія Ботаники и изображенія 102 растѣній съ тридцатью таблицами. Спб. 1826. въ 12. стр. XXII и 276.

Ботаника сія, написанная во Французскомъ вкусѣ, т. е. *легко* и *пріятно*, хорошо переведена съ Французскаго-же языка на Русскій Г. Касталь-скимъ. Сначала въ ней изложены кратко общія понятія о растеніяхъ; потомъ — что весьма хорошо для Рускихъ — слѣдуетъ обозрѣніе растеній по системѣ Жюсье, съ любопытными и занимательными для юношества о нихъ замѣчаніями; не малое также достоинство сей книжки составляютъ раскрашенныя картинки, на коихъ представлены важнѣйшія видоизмѣненія органовъ (Терминологія) и по образцу цвѣтковъ и плодовъ изъ всѣхъ семействъ растительнаго царства: этого у насъ еще не было! Такимъ образомъ сіе небольшое красивое изданіе заключаетъ миніатюрно всю Ботанику и можетъ дѣйствительно служить для юношества полезнымъ и занимательнымъ руководствомъ въ сей Наукѣ.

Въ Русскомъ переводѣ сдѣланы нѣкоторыя прибавленія и перемѣны, приноровленныя къ Россіи, однакоже не все, что, по нашему мнѣнію, должно было-бы сдѣлать. 1) Должно было Французскія имена растеній или замѣнить Латинскими систематическими или по крайней мѣрѣ прибавить сіи послѣднія, какъ

необходимыя въ Ботаникѣ, для избѣжанія сбивчивостей чего не избѣжалъ и самъ Переводчикъ; такъ, напр., Pimpinella по-Русски бедренецъ; Переводчикъ счелъ по сходству звуковъ, что Французская Pimprenelle есть Pimpinella и назвалъ ее бедренцомъ, между тѣмъ какъ это совсѣмъ другое растеніе — Poteriam Sanguisorba. 2) Пропущены иногда ошибки подлинника; на прим. на стр. XX сказано, что Линней въ своей системѣ »порядки основалъ на числѣ расположеній и помѣщеніи пестиковъ« между тѣмъ какъ это относится къ первымъ только 13 классамъ, а порядки прочихъ 11 классовъ имѣютъ совсѣмъ иное основаніе. 3) Для утвержденія Русской номенклатуры лучше-бы имена вновь переведенныя съ Французскаго замѣнять уже принятыми Русскими, отечественными или переводными, не противными нашему языку и благозвучію, наблюдать сколько можно одно-словность именъ и тѣмъ самымъ принадлежность растеній къ своимъ родамъ; такъ на пр вмѣсто *птичій клей* лучше Амела, вмѣсто *Пеларгоній* — употребительное Геранй, вмѣсто варварскаго *Баобабъ* — Аданзонія; Dictamnus наз. Ясенецъ и *Диктамъ* гораздо хуже, равно и Cistus, почему не *Ладанникъ*, а *Цистонъ?* Почему *Мыльная трава*, а не Мыльнянка; *Подснѣжный левкой* (Galanthus), а не просто Подснѣжникъ? *Гусиною лапкою* наз. Potentilla anserina, а не Chénopodium (по-Франц. Patte d'oie): его, а вовсе не Teverium, называютъ *Марь;* Mouron по-Русски Курослѣпникъ и такъ далѣе. Впрочемъ, надобно сказать и то, что Русская Ботаническая Литтература очень еще несовершенна, хотя Гг. Двигубскій и Мартыновъ сдѣлали для нее много. Не смотря на сіе однакожъ,

трудъ Г. Кастальскаго полезенъ и мы Ботанику для юношества рекомендуемъ читателямъ какъ хорошую книгу.

W. W.

19. *Драматическій Альбомъ* для любителей Театра и Музыки на 1826 годъ. Изданный А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ. M. in 16. 376 стр. и къ нимъ ноты (26 стр. въ продолговат. осьмушку).

Въ прошломъ году разсматривая Русскую Талію, *первый* драматическій Альманахъ Русскій, мы сказали: »желаемъ, чтобъ и на будущій годъ Издатель сдѣлалъ Публикѣ такой-же, только улучшенный, подарокъ (Тел. 1825. II. 17).« *Доброе желаніе не исполняется*« — подумалъ Рецензентъ, смотря на некрасивую книжку, которую, вмѣсто Таліи, представили Публикѣ подъ именемъ Драматическаго Альманаха Гг. Писаревъ и Верстовскій.

Книжка начинается прозаическою статьею одного изъ Издателей, Г. Писарева. Это что-то неслыханное ни въ какой Литературѣ: *Разговоръ одного изъ Издателей съ будущимъ читателемъ онаго* – »если будетъ« — прибавляетъ Издатель. Не понимаемъ, что онъ хотѣлъ сказать и доказать этимъ страннымъ сочиненіемъ, влагая въ уста будущему читателю — похвалы своему Альманаху! Мы видали примѣры, что Поэты и Прозаики заставляли пріятелей хвалить себя, но, признаемся, не видывали еще, чтобы *Авторъ хвалилъ самъ себя*, какъ сдѣлалъ это Г. Писаревъ!

Онъ говоритъ своимъ читателямъ — »что *бываетъ* такое время, когда природа *утомится (?) производить* большихъ писателей, а Публи-

ка *читать* большія произведенія« и что тогда господствуютъ Журналы и Альманахи. »Журналъ« продолжаетъ Г. Писаревъ »Журналъ есть цвѣтникъ, гдѣ найдешь и розы, и траву и песокъ; Альманахъ-же можно сравнить съ букетомъ, въ который помѣщаются цвѣты избранные.« — За тѣмъ Г. Писаревъ объявляетъ Публикѣ, что она Публика, не любитъ читать, нелюбитъ имѣть собственнаго мнѣнія, и что *Альманахи помогаютъ ей имѣть мнѣніе* Онъ рѣшительно говоритъ будущему читателю своего Альманаха слѣдующее: »Знаю, что для многихъ вашихъ товарищей танцы, карты, визиты, злословіе, моды, или даже новый романъ Дарленкура *дороже всякой Русской книги*« — учтиво-ли? »Но вы не похожи на нихъ; вы вѣрно радуетесь *всякому* новому явленію въ нашей Словесности и *будете съ удовольствіемъ читать* опыты нашихъ Драматическихъ Писателей« — то есть *Альманахъ Г. Писарева.*

Вотъ, кажется, *вся цѣль* Разговора! Положимъ, что Г. Писареву позволялось сказать: »Мм. »Гг.! покорнѣйше прошу читать мой Альманахъ: »право онъ хорошъ.« — Но для этого надобно-ли было унижать нашу Публику, нашъ вѣкъ и нынѣшнюю Русскую Литтературу? Не уже-ли въ самомъ дѣлѣ Альманахи руководствуютъ у насъ въ Литтературѣ общественнымъ мнѣніемъ? Не уже-ли въ самомъ дѣлѣ природа утомилась производить у насъ великихъ (или, какъ говоритъ Авторъ, *большихъ*) Писателей? Напрасно Г. Писаревъ безъ всякой причины оскорбляетъ невинныхъ Русскихъ читателей и Литтераторовъ.

На долю ихъ довольно; но есть въ Литературѣ нѣчто ужасающее маленькихъ поэтовъ и прозаиковъ, нѣчто грозное, обличающее ихъ Грамматическія и Логическія ошибки, нѣчто такое, что громко, передъ всѣми, говоритъ имъ правду и преслѣдуетъ ихъ какъ неумолимая Немезида: это Критика, это Журналы, и Г. Писаревъ, раздѣлавшись съ Публикою, почелъ необходимымъ застращать Русскихъ Журналистовъ и Рецензентовъ. Бѣдные! Чего не наговорилъ онъ имъ! Чѣмъ не поражалъ! И стихами и прозой, и прозой и стихами! Онъ увѣряетъ, на примѣръ, что у насъ *скоро мѣщане и цѣховые сдѣлаются Журналистами;* напередъ проситъ Издателя Русской Таліи защитить его отъ нападенія *злонамѣренныхъ Рецензентовъ-самоучекъ*, которые Словесность *превращаютъ въ ремесло, а республику писателей въ цѣхъ или гильдію торгашей;* разсказываетъ Анекдотецъ; какъ одному торгашу совѣтовали издавать Журналъ, а онъ отвѣчалъ: эхъ, батюшка, плохо грамотѣ знаю« и проч. и проч.

Спрашиваемъ: къ чему ведетъ это? Угрозы и гнѣвъ Г. Писарева возбудятъ улыбку сожалѣнія, а ни мало не сдѣлаютъ Альманаха его лучшимъ, если онъ дуренъ; такъ какъ и злыя рецензіи не сдѣлали-бы его дурнымъ, если-бы онъ былъ хорошъ. Здѣсь невольно вспомнишь стихи, недавно сказанные Г. Писаревымъ *про самого себя:*

Онъ ожидаетъ и боится,
Что нынче ужъ не въ первый разъ
Отъ васъ онъ съ носомъ возвратится!

Положимъ однакожъ, что Г. Писареву позволялось даже гнѣваться на Рецензентовъ и Публику, но

можно-ли ему было хвалить самого себя? Вопросъ затруднительный, который разрѣшенъ однакожъ Г. Писаревымъ, ибо онъ съ самою невинною откровенностію хвалитъ свой Альманахъ, увѣряетъ что въ немъ *стишки, ей Богу, хороши* — и простираетъ родительскую нѣжность до того, что говоритъ слѣдующее:

»Форматъ Альманаха хорошъ и лучше формата Таліи, которая огромностію своею болѣе похожа на Лексиконъ, нежели на *карманный подарокъ* и вѣрно не помѣстится даже *въ карманѣ* лихоимца или въ ридикюлѣ экономки.« — Такъ говоритъ онъ, и въ лицѣ издателя самъ себѣ отвѣчаетъ: »Очень благодаренъ вамъ за похвалу наружной формѣ нашего изданія (*)!«

(*) Г. Писаревъ не только говоря о форматѣ, но и вообще старается униженіемъ *Русской Таліи* возвысить свой Альбомъ. На это отвѣчалъ ему Г. Булгаринъ прекрасно и благородно. — Упомянувъ о *Разговорѣ съ будущимъ читателемъ*, Г. Булгаринъ говоритъ такъ: „Въ началѣ книжки помѣщенъ, въ родѣ предисловія, *Разговоръ одного изъ Издателей Драматическаго Альбома съ будущимъ читателемъ онаго*. Здѣсь взвѣшиваются на аптекарскихъ вѣсахъ всѣ статьи, помѣщенныя въ *Русской Таліи*, сравниваются съ отрывками, напечатанными въ *Драматическомъ Альбомѣ*, и доказывается, что сей послѣдній лучше *Русской Таліи*. Даже формату *Русской Таліи* нѣтъ пощады въ семъ Разговорѣ: говорятъ, что она огромностью своею похожа болѣе на лексиконъ, нежели на *карманный* подарокъ, и вѣрно не помѣстится даже въ карманѣ лихоимца или въ ридикюлѣ экономки. Издатель *Таліи* вовсе не имѣлъ притязаній къ *карманамъ* своихъ читателей, не называлъ своего Альманаха *карманною* книжкою, и желалъ ей мѣстечка на полкахъ библіотеки, а не въ удушливомъ карманномъ уединеніи. Впрочемъ, не осуждая формата *Драматическаго Альбома*, замѣчу мимоходомъ, что вторая книжка сего изданія, съ нотами, также скорѣе помѣстится въ мѣшкѣ, нежели въ карманѣ, ибо она именно въ полтора раза длиннѣе Та-

Откровенность въ нашъ вѣкъ рѣдкое явленіе, но, кажется, ослѣпленіе родительской нѣжности слишкомъ велико въ Г. Писаревѣ. Рецензентъ, безъ всякой *злонамѣренности* осмѣливается замѣтить Г. Писареву, что изъ всѣхъ Русскихъ и иностранныхъ Альманаховъ, онъ не видывалъ ни одного безобразнѣе Драматическаго Альбома: смотря на бумагу, переплетъ, портреты, подумаешь, что этотъ Альманахъ относится къ временамъ Гуттенберга. . . .

Въ первой книжкѣ Драм. Альб. помѣщена 21 пьеса. Г. Писаревъ почитаетъ въ Драматическомъ Альманахѣ *нужными* статьями: »Исторію Русскаго Театра, въ Литтературномъ отношеніи; взглядъ *на галлерею* иностранныхъ Драматурговъ; опредѣленіе *искуственнаго характера какого нибудь* отличнаго Драматическаго Писателя; статьи о теоріи различныхъ родовъ Поэзіи Драматической и *вспомогательныхъ искуствахъ сцены.*«

Мы съ нимъ согласны (хотя слова его: *искуственный характеръ и вспомогательныя искуства сцены*, принадлежатъ къ отдѣлу Логогрифовъ) и благодарны Г. Верстовскому за помѣщенный въ

ліи. Я упомянулъ о семъ обстоятельствѣ для того только, чтобы показать моимъ читателямъ, съ какимъ безпристрастіемъ Гг. Издатели Альбома судятъ о его совмѣстницѣ, Русской Таліи. *Понынѣ не было примѣра, чтобы Издатели книги сами сравнивали ее съ другою въ томъ-же родѣ, и отдавали преимущество своей.* Но я люблю откровенность и чистосердечіе, и потому для рѣдкости вовсе не намѣренъ защищаться, предоставляя просвѣщенной публикѣ *оцѣнить намѣреніе Гг. Издателей*, сравнить Альбомъ съ Таліею, рѣшить, который Альманахъ лучше, и *пристойно-ли было помѣщать подобное предисловіе въ Альбомѣ.*“ Сѣв. Пчела.

Драматическомъ Альбомѣ *Отрывокъ изъ Исторіи Драматической музыки.* Онъ написанъ перомъ знатока, совершенно понявшаго свой предметъ. Жаръ, съ какимъ говоритъ Авторъ о великомъ Моцартѣ, уваженіе, съ какимъ отзывается о недостаткахъ Россини, и все сказанное имъ о музыкѣ Древнихъ доказываетъ, что съ пламеннымъ воображеніемъ онъ соединяетъ глубокое изученіе теоріи и Исторіи Музыки. — Какъ хороша, отчетиста и изящна статья Г. Верстовскаго, такъ нехороша, странна и сбивчива другая прозаическая статья: *О качествахъ, необходимыхъ для Драматическаго Артиста* (-я-ъ-аго). Вообразите, что Авторъ, говоря о Мимикѣ и Декламаціи, совѣтуетъ актеру — *учить роли наизусть!* Почему не посовѣтовалъ онъ ему притомъ знать Русскую азбуку — и это дѣло необходимое. Но если нѣтъ чего другаго, за то Публикѣ опять достается и въ этой статьѣ — бѣдные зрители! они во всемъ виноваты! — Къ прозѣ надобно отнести еще *Театральные анекдоты*, очень милые и забавные, на примѣръ, какъ помѣщикъ далъ пощечину своему актеру и проч. Не это-ли почитаетъ Г. Писаревъ вспомогательными искуствами сцены?

Но теоретическая проза дѣло постороннее. Главное состоитъ въ томъ, что покажутъ намъ Издатели практическаго. Г. Писаревъ увѣряетъ напередъ, что всѣ статьи ихъ Альбома *должны быть хороши:* однѣ *по именамъ Авторовъ*, другія *по новости*. Посмотримъ.

Отрывокъ изъ Эсхиловой Трагедіи Агамемнонъ (А. Ѳ. Мерзлякова). Классическая услуга нашей Словесности. Не знаемъ, похожъ-ли переводъ

на подлинникъ; по крайней мѣрѣ въ переводѣ есть нѣсколько прекрасныхъ, сильныхъ стиховъ. — *Отрывокъ изъ Комедіи: Урокъ старикамъ* (пер. Ѳ. Ѳ. Кокошкина; но почему *урокъ?* Подлинникъ называется: *Школа стариковъ* — L'école des vieillards). Вопреки увѣреніямъ Г. Писарева, что мы найдемъ здѣсь силу стиховъ *Мизантропа* и легкость разговора нынѣшней Комедіи, признаемся, что Русскій Переводчикъ далеко отсталъ отъ подлинника. Стихи его могли быть *слышаны* съ удовольствіемъ; но появленіе ихъ въ печати не услуга ни Переводчику, ни Автору. Надобно вспомнить, что Авторъ Комедіи, Казиміръ Делавинь, есть первый современный Поэтъ Французскій и что Комедія его, по стихосложенію, едва-ли не лучшее его произведеніе. Сличимъ нѣсколько стиховъ.

И такъ, *чтобъ сохранить души моей покой*,
Систему сдѣлалъ я изъ жизни холостой;
И такъ въ ней твердъ, *что вѣчно не исправлюсь.*
Привыкнувъ разсуждать по правиламъ такимъ,
Вѣкъ жилъ, живу, и вѣрь *умру я холостымъ.*

Pour agir prudemment dans cette conjoncture,
J'ai fait du célibat ma seconde nature;
J'y tiens, j'y prends racine, et je suis convaincu
Que je mourrai garçon, ainsi que j'ai vécu. . .

»Чтобъ сохранить *души моей покой; привыкнувъ разсуждать по правиламъ такимъ* — я такъ твердъ, что *вѣчно* не исправлюсь?« Это-ли разговорный слогъ? Къ чему тутъ словцо: *вѣрь*? И какъ Бонаръ, *жилъ вѣкъ* и еще *живетъ*? — Говорится-ли вообще: *сдѣлать систему?* Притомъ, во Французскомъ подлинникѣ совсѣмъ нѣтъ всѣхъ этихъ украшеній: »хочу поступать благоразумно и потому холостая

жизнь сдѣлалась у меня второю природою. — Я въ этомъ спою, это укоренилось въ душѣ моей и я *увѣренъ*, что какъ жилъ, такъ и умру неженатымъ.« — Просто и ясно! Данвиль отвѣчаетъ:

L' hymen a des douceurs que ta vieillesse ignore.

Переводчикъ хотѣлъ непремѣнно выразить des douceurs *сладостью* — вотъ что вышло:

И многимъ старикамъ *безвѣстна брака сладость.*

Стихъ не гладкій, и то-ли у Делавиня? — »Въ супружествѣ есть такія пріятности, которыхъ твоя старость не знаетъ« — на это отвѣчаетъ Бонаръ:

Il a tel déplaisir qu'elle craint plus encore.

»Есть и такія неудовольствія, которыхъ еще болѣе она страшится.« — Что-же по-Русски:

И многихъ въ *бракѣ бѣдъ* должна страшиться
старость.

Кромѣ какофоніи и бѣдной риѳмы, какой стихъ!

Я, другъ мой, не изъ тѣхъ, *вся цѣль которыхъ*
въ томъ,
Чтобъ дюжины дѣтей счастливымъ *быть отцомъ;*
Которые, весь вѣкъ *корпя надъ сундукомъ,*
Себя *нужду* терпѣть охотно заставляютъ,
За тѣмъ, что дочерямъ приданое *скопляютъ.* . .

И это Делавинь? »Не изъ тѣхъ, *которыхъ вся цѣль въ томъ, чтобъ быть* счастливымъ *отцомъ дюжины дѣтей* и *корпѣть надъ сундукомъ* — *скоплять* приданое, *нужду* терпѣть» и такими выраженіями замѣнена тонкая насмѣшливость Делавиня:

Je ne suis pas de ceux qui font leur volupté
Des embarras charmans de la paternité,
Pauvres dans l'opulence, et dont la vertu brille
A se gêner quinze ans pour doter leur famille. . .

Притомъ посмотрите, какъ риѳма: *сундукомъ*, заставила Переводчика вставить лишній стихъ, о которомъ Делавинь и не думалъ —

Которые вездѣ съ женами ихъ рядкомъ!

Что значитъ: вездѣ съ женами *рядкомъ?* У Делавиня продолжается исчисленіе:

De ceux qu'on voit pâlir, dès qu'un jeune éventé
Lorgne en courant leur femme assise à leur côté,
Et, geoliers maladroits de quelque Agnès nouvelle,
Sans fruit en soins jaloux se creuser la cervelle.

Видите, какая послѣдовательность описанія: »Я не изъ тѣхъ, которые блѣднѣютъ, когда молодый вѣтрогонъ, пробѣгая мимо, взглянетъ на женъ подлѣ нихъ сидящихъ.« Гдѣ тутъ: »*Вездѣ* съ женами ихъ *рядкомъ?*« А между тѣмъ отъ этого Переводчикъ перемѣшалъ другіе стихи —

Которые, вездѣ съ женами ихъ рядкомъ,
Блѣднѣютъ *отъ того, что* щеголи *съ лорнетомъ*
Разъ двадцать въ *личико Агнесъ* (?) ихъ поглядятъ.
Безъ пользы, сторожи смѣшные передъ свѣтомъ,
То видятъ не впопадъ, то не порою спятъ.

Переводчикъ продолжаетъ:

За то, Данвиль, твой другъ, женѣ своей въ угоду,
Ни въ красный день, ни въ непогоду
Ни въ гости, ни на балъ
Не ѣздилъ по неволѣ.
И въ этой танцовальной школѣ
Подъ скучный котильонъ до утра не дремалъ.

Угода женѣ — красный день — непогода — гости — ѣздить по неволѣ — танцовальная школа — скучный котильонъ — ничего этого нѣтъ у Делавиня. Онъ знаетъ что подобныя подробности были-бы не у мѣста и говоритъ просто:

Jamais le bon plaisir de madame Bonnard,
Pour danser jusqu'au jour, ne me fait coucher tard,
Ne gonfle mon budjet par des frais de toilette; —

замѣтьте, что послѣдній стихъ есть у него послѣдствіе двухъ первыхъ и отъ этого слѣдуетъ далѣе:

Et jamais ma dépense, excédant ma recette,
Ne me force à bâtir un espoir mal fondé
Sur le terrain mouvant du tiers consolidé.

Положимъ что послѣдніе два стиха перевесть трудно, ибо они составляютъ мѣстность Парижа, но чѣмъ все это замѣнилъ Переводчикъ?

Дохода моего *расходъ* не *превосходитъ*;
За долгомъ *вѣкъ* ко мнѣ торговка модъ не *ходитъ*;
Чтобъ было чѣмъ платить, вещей не продаю:
По курсу спать ложусь, по курсу я встаю . .

Торговка модъ — продавать вещи — ходитъ — превосходитъ, хотя и старо, все еще позволительно; но что значитъ послѣдній стихъ:

По курсу спать ложусь, *по курсу* я встаю?

Не уже-ли Переводчикъ *такъ* понялъ мѣстность, изображенную въ стихахъ Делавиня:

Aussi, sans trouble aucun, couché près de ma caisse
Je m'éveille à la hausse ou m'endors à la baisse.

Кажется, довольно для заключенія, что Русскій Переводчикъ не только не сравнялся съ подлинникомъ, но далеко отсталъ отъ него, что шутки подлинника у него грубѣютъ, краткость, отчетность замѣняются многословіемъ и ненужными словами.

Отрывокъ изъ Волшебной Трилогіи Финъ. — Отрывокъ изъ Комедіи: Школа женщинъ. — Отрывокъ изъ Трагедіи: Марія Стуартъ. Прекра-

сные, свободные стихи отличаютъ всѣ сіи отрывки. Г. Хмѣльницкій, какъ мы уже имѣли случай и прежде замѣтить передаетъ Мольерову Комедію какъ не льзя лучше. О Трагедіи Г. Павлова мы уже сказали наше мнѣніе, а потому здѣсь замѣтимъ только Издателямъ, что сіи три пьесы хороши, но *не новы*: изъ первыхъ двухъ были уже отрывки въ Таліи, ихъ вполнѣ играли на театрѣ много разъ, а Трагедія: *Марія Стуартъ*, не только была играна, но и *напечатана въ прошедшемъ году!* Фингалъ, Озерова, или Недоросль, Фонъ-Визина, конечно отличныя пьесы; но можно-ли помѣщать изъ нихъ отрывки въ Альманахѣ на 1826 годъ?

Замѣтна разница между переводами и собственнымъ сочиненіемъ Г. Хмѣльницкаго, въ *Отрывкѣ изъ Комедіи: Свѣтскій случай.* Г. Хмѣльницкій сочиняетъ стихи превосходно, и въ этой Комедіи даетъ новые опыты въ мастерствѣ писать стихами легкими, непринужденными — и не рѣдко остроумными. Языкъ сего Комическаго Писателя вообще естественъ и пріятенъ. Дѣйствующія лица его точно разговариваютъ, а не читаютъ на распѣвъ стихи Автора, которому трудно совладѣть и съ стопами и съ риѳмами. Но самая легкость его стихотворнаго языка, скажемъ откровенно, имѣетъ свою погрѣшность, или свое излишество. Удалившись отъ скованныхъ принужденіемъ стиховъ Княжнина, Капниста, наши лучшіе Комическіе Писатели современные впали въ другую крайность. Тѣ съ трудомъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ выливали часто тяжелые стихи въ грубыя формы невыдѣланнаго стихосложенія; они, если смѣемъ

сказать, по чрезмѣрной легкости иногда заговариваются. Пользуясь излишнею свободою, они вдаются въ плавное лепетаніе, многословіе, не служащее къ живѣйшему очертанію драматическихъ лицъ и характеровъ или хода дѣйствія. Вообще въ новѣйшихъ Комедіяхъ видимъ мало отчетности: послѣдующее не бываетъ въ нихъ слѣдствіемъ предыдущаго, отвѣтъ вопроса. Почти такъ и въ Комедіи *Свѣтскій случай.* — *Отрывокъ изъ Комедіи: Чванство Транжирина.* Мы согласны съ мнѣніемъ Г. Греча, что *изъ двухъ или трехъ усыпительныхъ фарсовъ, появившихся въ* 1822 *г., самый дѣйствительный: Чванство Транжирина* (*). И отрывокъ изъ него печатаютъ въ Альманахѣ на 1826 годъ! . . . Вообще о немъ и объ *Отрывкѣ изъ водевиля: Фениксъ или утро Журналиста,* можно сказать, что это не смѣхъ, а дикій хохотъ Таліи. Но пусть бы она хохотала и тѣшила партеръ и раекъ *Встрѣчами дилижансовъ, Горбунами, Транжиринымн*, зачѣмъ печатать въ Альманахѣ, какъ будто изъ чего нибудь изящнаго, отрывки изъ подобныхъ произведеній? — *Отрывокъ изъ Комедіи, Благородный Театръ*, М. Н. Загоскина. Это не новость, и что, по отрывку судя, можно говорить, мы сказали въ прошломъ году (Тел., 1825, No 2). *Выкупъ Барда* (не отрывокъ, а цѣликомъ) *Драматическая картина*, соч. М. А. Дмитріева. — Объ этомъ пѣснопѣніи надобно-бы сказать наше мнѣніе; но вспомня что нѣсколько словъ сказанныхъ въ Телеграфѣ объ *извѣстномъ Прологѣ* произвели эхо, которое цѣлый годъ раздавалось и

(*) Сынъ Отечества, 1823 г., No 1, стр. 12 и 13.

отзывалось въ Журналахъ, куда пріятели Автора посылали отвѣты безъ конца, мы удерживаемся отъ сужденія, чтобы снова не завести безпредѣльныхъ толковъ и не придать безконечности тому, что едва-ли обречено на долгоденствіе. »Въ сей пьесѣ« (говоритъ самъ Авторъ, Др. Ал. 235) «нѣтъ дѣйствія, нѣтъ характеровъ, одинъ разсказъ: словомъ, она, имѣя Драматическую форму, не имѣетъ драматическаго движенія. . . Она написана мною по дружескому предложенію А. Н. Верстовскаго, желавшаго сочинить музыку на *послѣднюю пѣснь Барда*: все прочее есть ничто иное, какъ рама, какъ разговоръ, написанный для вставки сей пѣсни» — къ искреннему признанію Сочинителя объ его *рамѣ*, мы прибавимъ, что если Царь Скандинавскій отпустилъ Барда, выслушавъ пѣснь его, и если Г. Дмитріевъ вѣрно передалъ намъ эту пѣснь, надобно признаться, что Царь Скандинавскій былъ не большой знатокъ въ Поэзіи (*). — *Отрывокъ изъ Комедіи Эгоизмъ и филантропія.* О немъ повторимъ слышанное нами отъ одного читателя: »Вижу тутъ эгоизмъ Автора, но гдѣ-же его филантропія къ читателямъ?»

Отрывокъ изъ Трагедіи: Орестъ, Альфіери. У насъ почти не знаютъ сего великаго Итальянскаго Трагика. Французскій переводъ, хотя довольно вѣрный, но по свойству самаго языка Французскаго, не можетъ дать полнаго понятія о силѣ и краткости, главнѣйшихъ достоинствахъ сочиненій Альфіери, весьма замѣчательныхъ по многимъ отноше-

(*) Любопытно знать, *гдѣ* царствовалъ *Царь Скандинавскій?* Для Исторіи это новость, въ первый разъ слышимая.

ніямъ. — Альфіери былъ послѣднимъ отголоскомъ Французскаго Классицизма, отголоскомъ, который, на перекоръ природѣ, былъ гораздо звучнѣе голоса, его произведшаго Упрямый геній Альфіери, кажется, нарочно искалъ препятствій: ему легки казались оковы, наложенныя Французскимъ Классицизмомъ, онъ увеличилъ ихъ тяжесть, но они не остановили быстроты сего генія, не подавили его, какъ другихъ изчадій Французской школы. Не будемъ говорить о томъ, что-бы могъ произвести Альфіери, сбросивши сіи оковы: это завело-бы насъ въ длинное разсужденіе. Обратимся къ переводу изъ Ореста, одной изъ лучшихъ Трагедій Альфіери. Русскимъ Переводчикамъ предоставлено, кажется, передать намъ силу и краткость сего Писателя, столь свойственныя языку Русскому. Къ несчастію, мы не замѣчаемъ этого въ переводѣ, помѣщенномъ въ Драм. Альбомѣ. Не смѣемъ разгадывать анонимовъ, но знаемъ, что Переводчикъ могъ-бы съ большею вѣрностію передать намъ красоты Альфіери; нѣкоторыя мѣста въ семъ-же самомъ переводѣ увѣряютъ насъ въ этомъ. Тѣмъ болѣе жалѣемъ, что вообще переводъ растянутъ и рѣзкія черты подлинника въ ономъ сглажены. Переводчикъ, кажется, самъ чувствовалъ это, ибо (какъ видно изъ примѣчанія) просилъ Издателей Альбома не печатать его перевода. Напрасно Издатели не согласились на его просьбу: говоримъ это въ увѣренности, что при большемъ стараніи Переводчика исчезла бы водяность его перевода, а между тѣмъ Альфіери на первое знакомство съ нашею публикою не предсталъ-бы не въ своемъ видѣ. Переводчикъ начинаетъ такъ:

Прошелъ десятый годъ — ужасный для меня!
И за моремъ исчезъ послѣдній отблескъ дня,
И ночь, усѣяна *печальными звѣздами*,
На землю *налегла кровавыми крылами*! . . .
Скажи, угрюма ночь, не съ кровью-ль мщенья ты
Спустилась на Аргосъ съ небесной высоты? . . .

Здѣсь многое прибавлено и еще больше пропущено. Въ подлинникѣ:

Notte! funesta, atroce, orribil notte,
Presente ognora al mio pensiero! ogni anno,
Oggi ha due lustri, ritornar ti veggio
Vestita d'atre tenebre di sangue;
Eppur quel sangue, ch'espiar ti debbe,
Finor non scorre. . . . .

»О ночь пагубная, жестокая, ужасная ночь! Ты всегда предо мною. Уже два люстра, какъ ты каждый годъ возвращаешся мрачная, окровавленная (*); а нѣтъ еще крови, долженствующей омыть тебя.«

Здѣсь нѣтъ ни *моря*, ни *послѣдняго отблеска дня*, ни *печальныхъ звѣздъ*, ни *кровавыхъ крылъ*.
Сильная простота послѣдняго стиха:
Eppur quel sangue, ch'espiar ti debbe,
Finor non scorre. . .
не выражена стихами:
Скажи, угрюма ночь! не съ кровью-ль мщенья ты
Спустилась на Аргосъ съ небесной высоты?
Стихи —
Мнѣ живо помнится та ночь, тотъ часъ *ужасный*,
Когда въ чертогахъ сихъ Агамемнонъ *несчастный*

(*) Слово въ слово: *облетѣнная густымъ мракомъ и кровію.*

Подъ *нечестивой* палъ Эгистовой рукой. . .
не выражаютъ мысли подлинника. Тамъ просто сказано:

Oh rimembranza! oh vista!
Agamennon, misero padre! in queste
Soglie svenato io ti vedea; svenato;
E per qual mano!..

„О воспоминаніе! о страшное видѣніе! Агамемнонъ, отецъ злощастный! Въ сихъ чертогахъ я зрѣла тебя умерщвленнаго .... умерщвленнаго и кѣмъ?...«

У Альфіери Электра боится оскорбить свою гордость, назвавъ по имени убійцу Агамемнонова; она говоритъ съ ужасомъ: E per qual mano! »И чьей рукою!« Въ переводѣ Электра спокойно описываетъ это происшествіе.

Стихи —

Tributo, il sol ch'io dar per or ti possa,
Di pianto, o padre, e di non morta speme
Di possibil vendetta. . . .

»Одни дары могу принести тебѣ, отецъ мой: слезы и надежду отмщенія« — растянуты на пять стиховъ —

Отъ сердца дочерей, отъ горестныхъ созданій,
Родителямъ въ землѣ — какой еще ждать дани?...
Убійцамъ мщенія?.. Ахъ, нѣтъ, Агамемнонъ,
Не мнѣ имъ облегчить твой тяжкій въ гробѣ сонъ,
Не мнѣ. . .

Стихи —

. . . Io ti salvai, fratello;
A te mi serbo; infin che sorga il giorno,
Che tu, non pianto, ma sangue nemico
Scorrer farai sulla paterna tomba.

»Я спасла тебя, братъ мой, для тебя храню себя до того дня, когда ты не слезы, но кровь

вражескую прольешь надъ отчей могилой« — совѣмъ не выражены стихами :

. . . Приди, о братъ мой милой !
Я слезы только лью надъ отческой могилой ;
Ты въ день торжественный пошоками на ней
Изъ вражеской груди кипящу кровь пролей.

Мы разобрали сряду цѣлое 1-е явленіе, во второмъ явленіи замѣтимъ мѣсто, которое кидается въ глаза своею невѣрностію :

Электра у Альфіери говоритъ Клитемнестрѣ :
Ma poichè al petto tuo tu non torcesti
L'acciar del sangue marital fumante;
Poichè in te stessa il braccio parricida
L'usato ardir perdea ; perchè il tuo ferro
Non rivolgesti , o non rivolgi , al seno
Di quell' empio , che a te l'onor , la pace ,
La fama toglie , ed al tuo Oreste il regno ? . .

»Но какъ ты не обратила на грудь свою желѣза , дымящагося супружней кровью ; какъ и преступная рука твоя потеряла привычную смѣлость, то зачѣмъ (сокращенно) *не занесла ты меча на Эгиста ?*«

Въ переводѣ потерялся жестокій укоръ Электры, черта , рѣзко обрисовывающая ея характеръ — потерялась вся сила ея вопроса. Въ переводѣ Электра разсуждаетъ :

. . . Умереть.
Когда-жъ при мысли сей не можешь не робѣть ,
Когда-же переходъ на берега Тенара
Ужасенъ для тебя ; не можешь-ли удара ,
Не въ правѣ-ль надъ главой Эгистовой занесть,
Который у тебя похитилъ — миръ и честь ,
А у Ореста — тронъ.

Весь отрывокъ переведенъ съ такою-же невѣрностію, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, мѣстъ. Между сими послѣдними замѣтимъ одно, которое своею красотою равняется съ подлинникомъ:

Съ тѣхъ поръ во тьмѣ ночей, при яркомъ свѣтѣ дня,
Вездѣ кровава тѣнь преслѣдуетъ меня:
Иду-ль куда — она кровавою тропою,
Съ упреками въ очахъ, идетъ передо мною;
Сажусь-ли за пиры — она со мною въ рядъ;
Ищу-ли въ лонѣ сна потерянныхъ отрадъ, —
И тамъ, едва глаза тяжелые закрою,
Вдругъ призракъ возстаетъ ужасный предо мною,
И грудь себѣ раздравъ, съ свирѣпостью очей,
Онъ полной горстію кровь черпаетъ изъ ней,
И прямо мнѣ ее въ трепещущія очи. . .

Dal punto in poi, quel sanguinoso spettro
E giorno e notte orribilmente sempre
Sugli occhi stammi. Ov'io pur muova, il veggo
Di sanguinosa striscia atro sentiero
Precedendo segnarmi: a mensa, in trono,
Mi siede a lato: infra le acerbe piume,
Se pure avvien che gli occhi al sonno io chiuda,
Tosto, ahi terribil vista! ecco mostrarsi
Nel sogno l'ombra; e il già squarciato petto
Dilaniar con man rabida, e trarne
Piene di negro sangue ambe le palme,
E gittarmelo in volto. . .

Невозможно ближе и лучше перевести!

Послѣдній стихъ краткостію своею превосходитъ даже самый подлинникъ: выпущенный глаголъ производитъ необыкновенное дѣйствіе. Если бы вся Трагедія была переведена такъ, какъ сіи стихи, тогда-бы мы поздравили Русскихъ читате-

лей съ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, и, на такомъ условіи, просимъ усердно Переводчика продолжать трудъ его. — *Объ отрывкѣ изъ Андромахи* мы не скажемъ ничего, ибо знаемъ, что Переводчикъ занимался имъ давно, слегка и никогда не думалъ его печатать.

Послѣдняя статья Драматическаго Альбома есть *Прологъ Комедіи: Христофоръ Колумбъ*, сочиняемой Г. Писаревымъ. Стихи хороши; жаль, что будучи помѣщенъ въ окончаніи Альманаха, по содержанію своему этотъ Прологъ кажется другимъ полюсомъ *Разговора съ будущимъ Читателемъ*. И тамъ и здѣсь, однѣ мысли, одинакіе способы выражаться. Авторъ выводитъ на сцену, *въ кондитерской лавкѣ (!)*, нѣсколькихъ Писателей, Журналиста и *своего пріятеля* Теорова: тѣ бранятъ Г. Писарева, а Теоровъ его защищаетъ и — *хвалитъ*; а какъ въ лицѣ Теорова говоритъ *самъ Г. Писарева*, то и выходитъ, что точно также, какъ въ Разговорѣ хвалилъ свой Альманахъ, въ Прологѣ Г. Писаревъ *хвалитъ свою Комедію*.

Жалобы на невниманіе Публики, на пристрастіе къ Французскому языку, составляютъ половину Пролога. Это *тождество* мыслей, вѣчно слышимое отъ Литтераторовъ нашихъ, становится уже скучно. — Кромѣ того, что за мысль Г. Писареву — въ Прологъ свой брать остроты изъ *Веселаго разскащика* (*), и выводить на сцену лю-

(*) *Фіалкинъ.*

Позвольте мнѣ у васъ одно спросить: скажите,
Серьезно это вы, иль въ шутку говорите?

Теоровъ.

Серьезно!

дей подобныхъ Фіалкину, Истову и Хлѣвскому, который говоритъ:

Я, милостивецъ мой, вамъ въ ножки поклонюсь,
Когда узнаю, что за звѣрь Литтература (*). . . .
Споръ объ стихахъ! стихи! . . . Ну да стихи-то что-же?

выводитъ, и по симъ лицамъ дѣлая заключеніе о Публикѣ, восклицаетъ:

И вотъ какимъ судьямъ оставлена Словесность!

Вотъ кто даетъ успѣхъ и дѣлаетъ извѣстность! Не смотря на хорошіе стихи въ Прологѣ, такая несвязность и несообразность заставляетъ насъ повторить стихъ Пролога:

Мой Богъ! предохрани отъ шиканья его!

Повторяемъ, что это *о себѣ* говоритъ Авторъ.

Впорую книжку Альбома составляютъ куплеты, къ которымъ приложена музыка. Объ нихъ нѣчего говорить. Жаль одного: зачѣмъ Издатели не поставили надъ ними, вмѣсто эпиграфа, извѣстной аксіомы Фигаро. ce qui ne vaut pas la peine d'être dit, on le chante. Музыка Гг. Верстовскаго, Алябьева, Графа Віельгорскаго и Шольца прелестна.

Фіалкинъ.

То-то же! *я* шутокъ не люблю.

(Драмат. Альбомъ, кн. 1, стр. 333.)

„Двое молодыхъ людей, гуляя однажды въ саду, заспорили „между собою; отъ спора дошло до брани; одинъ изъ нихъ „до того разгорячился, что далъ другому славную пощечи„ну. — „*Тьфу пропасть!* воскликнулъ сей; *что ты шутишь, „или нѣтъ?*“ — „*Нѣтъ!*“ отвѣчалъ съ жаромъ первый.

„*Это-то твое счастіе,*“ возразилъ сей; *ибо я не люблю подобныхъ шутокъ!*“

(*Веселый Разскащикъ*, М. 1824. кн. 2. стр. 40.)

(*) Хорошъ и Теоровъ, который на вопросъ Хлѣвскаго отвѣчаетъ — *Литтература есть Словесность!!..*

Предоставляемъ читателямъ произнесть рѣшительный приговоръ Альбому, Намъ кажется, онъ точно походитъ на Альбомы, въ которыхъ бываетъ сборъ хорошаго и дурнаго и послѣднее обыкновенно перевѣшиваетъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Обозрѣніе 1825 *года.— Италія.* Римъ, сія бывшая столица міра, существуетъ нынѣ единственно какъ городъ искуствъ, какъ великая мраморная шкатель исторіи прошедшаго. Здоровье Папы Льва XII было очень плохо и часто возбуждало опасенія. Онъ продолжалъ истреблять толпы разбойниковъ переселеніемъ и постояннымъ водвореніемъ подозрительныхъ семействъ; учредилъ вновь тюрьмы Инквизиціи, которыя однакожъ служатъ только полицейскими судилищами. Въ Римѣ скончались двое извѣстныхъ людей: Наполеонова сестра, Принцесса Паулина Боргезе, и, какъ эксцентрическій Нѣмецкій писатель, извѣстный живописецъ Миллеръ, или такъ называемый Дьяволь-Миллеръ.

Главный городъ Ломбардо-Венеціянскаго Королевства, Миланъ, куда имѣли торжественный въѣздъ Императоръ и Императрица Австрійскіе 10 Мая, въ тоже время былъ удостоенъ посѣщеніемъ многихъ Италіянскихъ Князей, Короля и Королевы Неаполитанскихъ, Эрцъ-Герцогини Парменской Маріи Луизы, Великаго Герцога Тосканскаго и Герцога Моденскаго. Только Короля Сардинскаго не

было между высокими владѣтелями, но за то онъ принималъ у себя въ Генуѣ Императора Австрійскаго. Впрочемъ въ Миланъ прибылъ и Папскій Легатъ, но тамъ не было никакого политическаго Конгресса, хотя можно было бы переговорить о дѣлахъ Итальянскаго полуострова. 26 Іюля, Императоръ и Императрица посѣтили Венецію и оттуда возвратились въ столицу. Къ важнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ учрежденіямъ въ Италіи принадлежитъ новая дорога къ Комскому озеру, которая идетъ черезъ Алпійскія горы на вышинѣ 9000 футовъ.

Сардинская торговля цвѣтетъ. Болѣе 4000 судовъ плаваютъ по окрестнымъ морямъ; новыя суда строются и морская сила предохраняетъ Сардинскій флагъ отъ Варварійцовъ. Принцъ Кариньянскій снова приобрѣлъ благосклонность Короля.

Турція. Здѣсь въ борьбѣ Эллиновъ съ Османами происходили въ прошедшемъ году замѣчательныя историческія происшествія: будущее, кажется, готовитъ тамъ еще важнѣйшія событія. Эллада была на краю гибели и потомъ возстала съ новымъ блескомъ. Окончаніе 1824 года ознаменовалось морскою побѣдою Грековъ при Кандіи, гдѣ въ битвѣ 12 Ноября Египетскій флотъ потерялъ 4 большіе корабля и 20 транспортныхъ судовъ. 3 Декабря, славный Эллинскій Адмиралъ Міаули опять взялъ одинъ фрегатъ, много мѣлкихъ военныхъ судовъ и 12 транспортныхъ. Въ тоже время тѣснѣе обложенъ былъ Греками Патрасъ и, казалось, наступалъ счастливый періодъ внутренняго спокойствія въ образованіи Эллинскаго Правительства. Выборы Законодательнаго Собранія кончились спокойно; 13 Ок-

тября Законодательный Корпусъ, составленный изъ 63 Членовъ, открылъ свои засѣданія въ Наполи-ди-Романія; исполнительная власть была утверждена и занималась не только средствами войны, но и просвѣщеніемъ народа, для чего учреждались Университетъ, нѣсколько Лицеевъ и другія воспитательныя заведенія. Къ сожалѣнію, единомысліе Грековъ продолжалось не долго: Колокотрони развернулъ посреди Пелопоннеза знамя возмущенія противъ центральнаго Правительства и многіе извѣстные Греческіе вожди поддержали его въ беззаконномъ дѣлѣ, именно: Никита Туркоѣдъ, славная Бобелина, Майнотскій Бей Петро Мавро-Михали и столь-же рѣшительный, сколь невѣрный Одиссей. Возмущеніе не удалось; сынъ Колокотрони былъ убитъ въ сраженіи при Триполицѣ, самъ Колокотрони разбитъ Кондуріотіомъ и покорился Правительству, которое сослало его на Идру; Бобелина пала отъ кинжала одного Грека, влюбленнаго въ ея дочь, и, какъ сказываютъ, которому она не согласилась отдать руки ея; Одиссей, угрожавшій Аѳинамъ, взятъ Гурою (сильно возвысившимся съ тѣхъ поръ) и заключенъ въ башню, нѣкогда самимъ имъ построенную для защиты Аѳинъ. Неудовольствіе Пелопонезскихъ Капитановъ-грабителей не уменьшилось: они были на сторонѣ грубаго полководца, подобнаго имъ умоначертаніемъ Колокотрони. Слѣдствія разномыслія скоро обнаружились при высадкѣ Ибрагима Паши въ Пелопоннезѣ и едва не погубили всей Греціи. Въ то время, какъ ужасныя приготовленія Турокъ продолжались и Омеръ-Вріоне, прекративъ переговоры съ Греками, перешелъ къ сторонѣ

Турокъ, сынъ Вице-Короля Египетскаго, Ибрагимъ-Паша (въ переѣздѣ на Родосъ лишившійся извѣстнаго въ Европѣ Адмирала Измаила-Гибралтара), спокойно приспалъ 22 Февраля между Короною и Модоною, съ 4500 человѣкъ, и къ началу Марта усилилъ войска свои до 12,000. Въ тоже время Сераскиръ Решидъ-Паша пошелъ съ большими силами къ Миссолунги и Анатолико, а Капуданъ-Паша явился съ флотомъ, на которомъ было отъ 8 ми до 10 ти тысячь человѣкъ войска. Ибрагимъ-Паша немедленно по выходѣ на берегъ началъ осаждать Наваринъ Египетскими войсками, которыя, дисциплиною, Французскими офицерами, множествомъ холоднаго оружія и стройною конницею, оказались для Грековъ гораздо опаснѣе нестройныхъ Турецкихъ толпъ. Побѣда Міаули, съ 12 на 13 е Мая, истребившаго Египетскій фрегатъ, 2 корветты, 3 бригга и много транспортныхъ судовъ, была безполезна. Недѣятельность Пелопоннезскихъ Капитановъ, внутреннее несогласіе между ними, Идріотами и Правительствомъ были причиною, что Наваринъ 18 Мая сдался на капитуляцію Ибрагиму Пашѣ, который послѣ сего немедленно пошелъ къ Триполицѣ. Тогда съ ужасомъ увидѣли Греки, какой опасности подверглись они взаимными раздорами. Непріятель Греческаго Правительства, Колокотрони, былъ прощенъ со всѣми его приверженцами, призванъ съ Идры и въ концѣ Мая ему было поручено главное начальство въ Пелопоннезѣ. Между тѣмъ Турецкое войско 22 Апрѣля снова начало осаду Миссолунги и Анатолико, сего оплота Греческой свободы, а Решидъ-Паша одержалъ побѣду при Салонѣ. Не такъ счи-

стливъ былъ Капуданъ-Паша, который въ Маѣ мѣсяцѣ, въ бытвѣ съ Сахтури при Капо д' Оро потерялъ нѣсколько кораблей; но ему удалось однакожь войдти въ Модонъ. Тщетно старался Кондуріоти поспѣшать на помощь къ Наварину: возстаніе одного начальника, партіи Колокотрони, задержало его, Ибрагимъ занялъ Каламату и Аркадію, обложилъ Триполицу, которую Греки сожгли и отдали ему. Онъ прошелъ даже до Аргоса, но принужденъ былъ наконецъ отступить къ Триполицѣ, послѣ нѣсколькихъ сраженій съ войсками Колокотрони. Въ защитѣ Миссолунги, жестоко бомбардируемой, снова возсіяло геройство Эллиновъ. Старанія Европейскихъ Агентовъ, склонить осаждаемыхъ къ сдачѣ, были совершенно уничтожены, особенно твердостію Ното Боццари, и во время жестокой осады, продолжавшейся нѣсколько дней, гдѣ Турокъ было 35000 на землѣ и 4000 на морѣ, сіи послѣдніе потеряли 9000 человѣкъ. Во время самой осады явился Міаули, опять сжегъ многія Турецкія суда и принудилъ Турецкій флотъ къ отступленію. Слѣдствіемъ сего было, что Турки, взявъ одну крѣпостцу Анатолико, принуждены 21 Іюля перемѣнить осаду на слабое бомбардированіе и блокаду. Между тѣмъ Ибрагимъ-Паша, избравъ Триполицу главнымъ мѣстомъ своихъ дѣйствій, распространялъ страхъ и ужасъ во всемъ Пелопоннезѣ. Противоборствовавшіе ему Колокотрони и Димитрій Ипсиланти были опрокинуты въ разныхъ битвахъ и при Наполи-ди Романія собралось множество бѣжавшихъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, можетъ быть, по внушенію самого

Коммодора Гамильтона, исполнительная власть опредѣлила, 22 Іюля, просить помощи у Іонійскихъ острововъ, а 24 го, положено отдаться подъ покровительство Англіи. Противъ этого сильно протестовали, многіе представители Французскаго и Сѣверо-Американскаго Комитета Филеллиновъ, Генералъ Рошъ и Вашингтонъ, племянникъ освободителя Америки. Греческіе депутаты отправились въ Лондонъ, но прежде ихъ прибытія послѣдовало объявленіе о неутралитетѣ Англіи, который препятствовалъ отправленію Британской вспомогательной экспедиціи отъ частнаго общества. Тогда смѣлый Канари рѣшился на такое дѣло, которое превосходило въ дерзости всѣ преждебывшія. 10 Августа онъ отправился съ 3 брандерами въ Александрійскую гавань съ тѣмъ, чтобы сжечь тамъ Египетскій флотъ! Предпріятіе не удалось, но такъ раздражило Вице-Короля Египетскаго, что онъ самъ на кораблѣ преслѣдовалъ Канари, хотя и не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Капудань-Паша пришелъ съ своимъ флотомъ въ Александрійскую гавань, гдѣ принятъ былъ съ большими почестями, и присоединилъ къ себѣ Египетскій флотъ, надъ которымъ онъ принялъ главное начальство. Съ сею многочисленною армадою, состоявшею изъ большихъ военныхъ и многихъ транспортныхъ, частію Европейскихъ, судовъ, съ 10 брандерами и даже съ однимъ паровымъ судномъ, онъ отправился къ Кандіи, гдѣ во многихъ мѣстахъ вспыхнула инсурреккія. Отсюда онъ счастливо сдѣлалъ высадку, 5 Ноября, въ Наваринѣ. Флотъ Греческій, перевезшій между тѣмъ вспомогательныя войска съ острововъ Архипелага

въ Пелопоннезъ, оставилъ 3 Ноября Идріотскія воды съ 75-тью военными кораблями и 35 брандерами, въ намѣреніи идти на Турецкій флотъ къ Наварину: онъ былъ обманутъ слухомъ, будто Турецкіе корабли скоро хотѣли обратиться къ Идрѣ и Спецціи. Турки видѣли себя принужденными по окончаніи послѣдняго штурма въ третій разъ снять осаду Миссолунги, послѣ чего всѣ дѣйствія были оставлены на $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, но военачальники ихъ собрали опять свои войска, рѣшившись на новое нападеніе и даже на неслыханный между ними и затруднительный зимній походъ. Одна часть флота должна была подкрѣпить продолжавшуюся осаду Миссолунги, а другая Ибрагима-Пашу, который, по нѣкоторымъ извѣстіямъ (кажется, увеличеннымъ), повелѣвалъ еще 9,800 человѣкъ Египетской пѣхоты, 5000 Албанцовъ и 1400 человѣкъ конницы, встрѣтилъ мало сопротивленія и только ждалъ прибытія высаженныхъ войскъ, чтобы въ главной битвѣ нанести послѣдній ударъ возстанію Пелопоннеза. Внутреннее состояніе Греціи, даже по описаніямъ ея друзей, гораздо опаснѣе внѣшняго: повелители Греческіе неуважаемы и даже ненавидимы; несогласія еще болѣе умножаютъ интриги Французскихъ и Англійскихъ филеллиновъ; Правительство считаетъ у себя 35,000 солдатъ, но подъ ружьемъ едва находится 6000; въ Наполи ди Романіи Капитаны жили въ бездѣйствіи и только тратили деньги, на которыя должны были содержать войска. Самъ Колокотрони, получивъ въ нѣсколько мѣсяцовъ 800,000 піастровъ, не выставлялъ и 2000 человѣкъ. Только одинъ баталіонъ

Французскаго Полковника Фабвье, былъ устроенъ подъ покровительствомъ Маврокордато; но именно потому что сей вождь старался о порядкѣ, его ненавидѣли и не брали въ примѣръ, такъ что онъ самъ отчаявался въ дѣлѣ Грековъ. Усилія Правительства, собрать общую конскрипцію и вербовать за деньги — остались безъ успѣха. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ рѣшились созвать въ Январѣ мѣсяцѣ національное собраніе. Жители острововъ, до сихъ поръ мало принимавшіе участія въ дѣлахъ Пелопоннеза, должны были, при настоящей крайней опасности, употребить всѣ возможныя пособія. Британское общество Филеллиновъ вело переговоры съ славнымъ Кохреномъ, приглашая его, по оставленіи Бразильской службы, принять начальство надъ Греческими морскими силами, но это не состоялось. Въ семъ смущенномъ и нерѣшительномъ состояніи дѣла Грековъ остаются донынѣ. Новѣйшія извѣстія однакожь кажутся благопріятнѣе.

Возстаніе Сербіи, которое могло-бъ быть очень полезно Эллинамъ, утишено въ самомъ началѣ Княземъ Милошемъ; Молдавія и Валлахія въ прошедшемъ году очищены отъ Турецкихъ войскъ, но за то находились въ печальномъ состояніи раздора. Въ Константинополѣ не случилось никакихъ значительныхъ безпокойствъ, но внезапная смерть Оттоманскаго Наслѣдника Абдулъ-Гамида (род. 6 Марта 1811), которымъ Янычары нерѣдко угрожали Султану и котораго хотѣли поставить противъ отца — произвела сильное подозрѣніе въ умахъ сихъ буйныхъ и вѣчно недовольныхъ солдатъ. Единствен-

ный братъ умершаго Принца, Абдулъ Мешидъ, разстроенъ здоровьемъ и у Султана остается еще только двое дѣтей, такъ, что поколѣніе Падишаха легко можетъ прекратиться въ это роковое время. Неудовольствіе, возбужденное подкрѣпленіемъ, какое дѣлали Англинскіе офицеры и особенно Коммодоръ Гамильтонъ Грекамъ, было утишено объявленіемъ нейтралитета Англіи. Послѣдняя перемѣна въ Турецкомъ Министерствѣ сдѣлала перевѣсъ на сторону умѣренной партіи и очень благопріятна для сохраненія мира съ Европейскими Державами. Но какія происшествія скрыты въ 1826 году? Зрѣетъ-ли въ немъ новая жизнь Эллады, или паденіе Греціи совершится?

Франція. Если отвративъ взоръ отъ раздираемой бѣдствіями Южной части Европы, обратимся къ наслаждающимся миромъ и тишиною Государствамъ средней Европы, мы по справедливости должны назвать самою счастливою изъ нихъ — Францію, гдѣ, подъ державою Карла X, быстро возрастаетъ промышленность, торговля и вмѣстѣ съ ними благосостояніе, духъ народа и внутреннее согласіе. Франція вступаетъ на одно поприще съ Великобританіею и Сѣверною Америкою: въ ней настало новое время, обѣщающее прекрасные цвѣты и богатые плоды. Важнѣйшій изъ дипломатическихъ актовъ въ сей новой Исторіи, который долженъ имѣть благія слѣдствія, есть признаніе независимости прежняго Сен-Доминго или Испаньолы, нынѣ сего острова Гаити. Онъ объявленъ былъ въ видѣ Королевскаго повелѣнія, по которому корабли подъ Французскимъ флагомъ платятъ остро-

ву половину обыкновенныхъ пошлинъ, а Гаити единовременно вноситъ 150 милліоновъ франковъ для вознагражденія прежнихъ владѣльцовъ. Не менѣе благопріятно снисхожденіе къ торговлѣ съ Юго-Американскими республиками, корабли которыхъ будутъ дружески принимаемы, хотя изъ уваженія къ Испаніи имъ и не позволяется поднимать своихъ флаговъ во Французскихъ гаваняхъ. Также выгодно приближеніе къ торговому союзу съ Мексикою взаимнымъ наименованіемъ торговыхъ Агентовъ, изъ уроженцовъ обѣихъ націй, и полномочіе, данное Французскому Генеральному Консулу, Графу Жесма, заключить торговый и дружественный трактатъ съ Бразиліею. Благодѣтельныя послѣдствія сихъ распоряженій явны оживленіемъ торговли съ Новымъ Свѣтомъ, возрастающимъ благосостояніемъ и великими народными предпріятіями, которыя отъ нихъ происходятъ и должны произойти. Къ нимъ причисляемъ мы преимущественно начатіе канала, посредствомъ котораго на всемъ пространствѣ между Парижемъ и Дюнкирхеномъ учредится судоходство; устройство чугунныхъ дорогъ между Гавромъ, Парижемъ и Страсбургомъ, основаніе большаго общества для поощренія торговли и промышленности, капиталъ котораго простирается до 50 милліоновъ и будетъ увеличенъ до 100, великій планъ — сдѣлать Парижъ морскою гаванью, увеличеніе и украшеніе столицы, между прочимъ, великолѣпнымъ домомъ для биржи и учрежденіе торговаго Трибунала. Вмѣстѣ съ торговыми судами увеличивается и Французская морская сила.

Важнѣйшія дѣла, которыми занимались Камеры Перовъ и Депутатовъ (послѣдняя опять подъ пред-

сѣдательствомъ Равеза) были: проэктъ закона о вознагражденіи эмигрантовъ, которыхъ имѣнія проданы въ пользу Государства; предположенія о богоугодныхъ женскихъ обществахъ; законы о святотатствѣ, бюджетъ, ревизія 1823 года, дѣло о злоупотребленіяхъ подрядчика Уврара и другихъ поставщиковъ во время Испанскаго похода, посаженныхъ въ тюрьму. Краснорѣчивый Мартиньякъ представилъ столь-же остроумное, сколь умѣренное донесеніе о вознагражденіи эмигрантовъ; но противъ него жестоко возстала оппозиціонная сторона. Генералъ Фуа сказалъ между прочимъ, что сколь-бы велико ни было за сей проэктъ большинство голосовъ въ Палатѣ, гдѣ засѣдаетъ 320 человѣкъ прежнихъ владѣльцовъ, но въ народѣ въ семъ случаѣ противъ одного будетъ тысяча голосовъ; а Г. Мешенъ упомянулъ, что старая армія также можетъ требовать милліоновъ и гораздо съ большимъ правомъ нежели эмигранты. Не смотря на всѣ споры оппозиціи, законъ о вознагражденіи былъ принятъ въ обѣихъ Палатахъ большинствомъ голосовъ. Законъ о вычетѣ изъ доходовъ былъ принятъ въ Камерѣ Перовъ, хотя и боялись здѣсь оппозиціи, большинствомъ 134 хъ противъ 92 голосовъ, также какъ и бюджетъ на 1826 годъ, по которому доходы означены 924, а расходы 915 милліонами. Еще во время засѣданій Палатъ, 29 Мая, послѣдовало великолѣпное коронованіе, 67-лѣтняго, но еще крѣпкаго здоровьемъ, Короля Карла X, въ Реймсѣ. Это торжество доставило Ліонскимъ фабрикамъ богатый сбытъ драгоцѣнныхъ тканей. На немъ роскошью и великолѣпіемъ затмилъ всѣхъ Англинскій Посланникъ, Герцогъ Портумбер-

ландскій. Ламартинъ воспѣлъ коронованіе въ своемъ сочиненіи Chant du sacre. Король присягнулъ царствовать въ силу Хартіи и издалъ три декрета, коими простилъ политическія заблужденія и бѣгство. Вскорѣ по окончаніи всѣхъ празднествъ, 13 Іюня, послѣдовало закрытіе Палатъ. Первый Министръ, управляющій финансовою частію, Виллель, столь много сдѣлавшій въ семъ году для блага Франціи, по закрытіи Палатъ былъ жестоко аттакованъ въ противу-оппозиціонныхъ газетахъ за то, что покровительствовалъ торговлѣ и промышленности, ничего не сдѣлалъ для аристократическихъ плановъ и сильно возражалъ противъ Камеры Депутатовъ (большею частію наполненной ультрами) при случаѣ закона о 3хъ процентахъ, признанія Гаити и въ Увраровомъ процессѣ. Впрочемъ сіи нападенія ни сколько не измѣнили благосклонности къ нему Короля и всей Королевской Фамиліи. Съ особенною жестокостію нападалъ на него Эксъ-Министръ и Поэтъ Шатобріанъ въ Journal des Débats. Всѣ вольныя выраженія публичныхъ листовъ не могли быть смягчены цензурою, введенію которой особенно воспротивился Дофинъ. Constitutionel и Courrier français съ отличною жестокостью напали на злоупотребленія Іезуитовъ и Миссіонеровъ, были позваны по возникшимъ на то жалобамъ къ суду и оправданы замѣчательнымъ приговоромъ Королевскаго Суда, принятымъ съ шумнымъ восторгомъ. Особенно-живое участіе оказали жители Парижа во время торжественнаго погребенія Генерала Фуа, который въ прошедшемъ году умеръ въ Парижѣ на 5омъ году жизни. 7000 гражданъ и депутація отъ всѣхъ легіоновъ національной гвардіи провожали знамени-

шаго оппозиціоннаго Оратора. Для дѣтей его тотчасъ собрано было по добровольной подпискѣ болѣе полумилліона франковъ. Кромѣ сего, во Франціи въ прошедшемъ году скончались многія особы, игравшія значительныя роли въ современной Исторіи, именно: 69-лѣтній Графъ Ласепедъ, магнетизеръ Маркизъ Пюисегюръ; 75-лѣтній Кошонъ, бывшій Депутатомъ Конвента и Министромъ Полиціи; Баронъ Денонъ, столь много сдѣлавшій для искусствъ и познанія Древностей; Леиде бывшій Членомъ ненавистнаго Комитета народнаго благосостоянія, и 80-ти лѣтній Жирондистъ Кервельгенъ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ — Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ.* Если воспоминаніе есть долгъ, котораго требуетъ отъ насъ память знаменитыхъ современниковъ, оканчивающихъ земное свое поприще, тѣмъ болѣе потребно признательное воспоминаніе наше къ памяти соотечественниковъ, принадлежащихъ Исторіи по ихъ подвигамъ, дѣяніямъ, или вліянію на просвѣщеніе.

Въ Январѣ сего года, Россія лишилась двухъ знаменитыхъ Бояръ. Мы говоримъ о Графѣ Н. П. Румянцовѣ и Графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ. Первый скончался, въ С. Петербургѣ, въ началѣ Января; второй, въ Москвѣ, Января 18 дня.

Сожалѣемъ, что не имѣя надлежащихъ свѣдѣній, не можемъ сообщить подробностей о Государственной службѣ того и другаго. Смѣемъ надѣяться отъ многихъ, облагодѣтельствованныхъ ими особъ, что они предупредятъ иностранцовъ

и издадутъ жизнеописанія сихъ именитыхъ сыновъ Отечества.

Графъ Н. П. Румянцовъ, сынъ славнаго Героя Задунайскаго, Графа Петра Александровича, и внукъ любимца Петра Великаго, Графа Александра Ивановича, кончилъ свое Государственное поприще въ 1812 году. Награжденный знаками почестей отъ Монарховъ Россійскихъ и иностранныхъ, бывшій въ важнѣйшихъ политическихъ дѣйствіяхъ, и удостоенный перваго сана Россійскихъ Вельможъ — званія Государственнаго Канцлера, онъ достигъ глубокой старости, посвятивъ остатокъ дней на возможное споспѣшествованіе просвѣщенію соотечественниковъ.

Способы, какими онъ дѣйствовалъ на семъ поприщѣ, были многочисленны и многообразны. Кромѣ большихъ пожертвованій въ учебныя заведенія, кромѣ участія въ Ученыхъ Обществахъ, Графъ Н. П. учредилъ въ помѣстьяхъ своихъ многія образцовыя экономическія заведенія, школы и училища.

Любимѣйшее занятіе его составляли старанія усовершенствовать Географическія и Историческія знанія. Для сего, въ 1815 году, отправлялъ онъ, на свой счетъ, въ ученое путешествіе, кругомъ свѣта, бригъ Рюрикъ, подъ начальствомъ Г. Коцебу, возвратившійся въ Россію 1818 г. — Хотя путешествіе сіе не достигло предположенной цѣли, не открыло пути чрезъ Полярныя моря, но обогатило Географію многими важными свѣдѣніями. Г. Коцебу открылъ нѣсколько острововъ, коимъ далъ слѣдующія названія: *Острова Кутузова*, *Острова Графа Румянцова*, Купа *острововъ Графа Румянцова* (какъ думаютъ, извѣстныхъ еще прежде Англи-

чанамъ), цѣпь *острововъ Рюрика*, купа *острововъ Графа Аракчеева* и *острова Спиридова*. Описаніе путешествія Г. Коцебу издано на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ, а на Французскомъ напечатано живописное описаніе онаго Г. Хорисомъ, бывшимъ при сей экспедиціи.

Въ Исторіи Графъ Н. П. преимущественно обращалъ вниманіе на Исторію отечественную. По его волѣ дѣланы были изысканія во многихъ Европейскихъ библіотекахъ, гдѣ и отысканы драгоцѣннѣйшіе матеріалы. Нѣсколько монастырскихъ библіотекъ, на его счетъ, были описаны и разсмотрѣны, при чемъ, кромѣ драгоцѣннаго Сборника Святославова, законовъ В. К. Іоанна Васильевича, сочиненій Кирилла Туровскаго и проч., узнано много важнаго. Синодальное хранилище рукописей разбирается теперь К. Ѳ. Калайдовичемъ. Въ 1811 году, Графъ Н. П. пожертвовалъ 25 т. рублей для изданія Государственныхъ Грамотъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ слѣдствіе чего особенная Коммисія, сначала подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, а потомъ, знаменитаго нашего Археолога, А. Ѳ. Малиновскаго, издала три, и скоро выдастъ четвертый томъ Грамотъ. На изданіе древнѣйшаго списка Несторовой Лѣтописи (Лаврентьевскаго) Графъ Н. П. пожертвовалъ большую сумму, и какъ сіе дѣло *давно уже приняли на себя А. И. Оленинъ и А. И. Ермолаевъ, то вѣроятно и кончатъ его вскорѣ* (*). Трудно исчислить всѣ сноше-

(*) Окончанія свода и изданія *Волынской Лѣтописи мы бъ правѣ ожидать отъ Г. Анастасевича*, которому особо Графъ Н. П. вручилъ на сіе предпріятіе значительную сумму денегъ.

нія, какія имѣлъ Графъ Н. П. со всѣми отечественными и многими иностранными учеными мужами, занимающимися или собственно Русскою Исторіею, или матеріалами для оной. Наименуемъ Гг. Круга, Газе, Сартюрія, Келлера, Лерберга, Френа, Калайдовича, Строева, Востокова, Берха, Ермолаева и Кеппена, которымъ онъ или задавалъ предметы для изысканій, или помогалъ своими свѣдѣніями и средствами. — Изданіе книгъ на его иждивеніе весьма большое количество, изъ которыхъ, кромѣ *Собранія Государственныхъ Грамотъ*, кому неизвѣстны *Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*, *Памятники Русской Словесности XIII вѣка*, *Древнія Русскія стихотворенія*, *Законы В. К. Іоанна и Царя Іоанна Васильевича*, *Исторія Льва Діякона*, *Софійскій Временникъ* и другія важнѣйшія творенія? Наконецъ, путешествуя самъ, отправляя путешествовать и собирая отвсюду, Графъ Н. П. составилъ богатѣйшее собраніе рукописей, печатныхъ книгъ, монетъ, медалей и другихъ памятниковъ. Онъ завѣщалъ предоставишь сіи сокровища для всеобщаго употребленія, учредивъ въ Петербургскомъ своемъ домѣ Музей. Благородное стремленіе быть полезнымъ и по смерти! Можемъ утвердительно сказать, что *никто еще не оказалъ такихъ услугъ отечественной Исторіи, какъ Графъ Н. П. Румянцовъ.* Имя его останется для насъ незабвеннымъ.

Онъ похороненъ въ мѣстечкѣ Гомелѣ (Могилевской Губерніи), куда, по собственной волѣ, изъявленной предъ кончиною, отправлено тѣло его изъ Петербурга, Января 9 дня.

Графъ Ѳ. В. Растопчинъ скончался на 60 году. Онъ достигъ до первѣйшихъ званій Государства, исправлялъ въ теченіе своей жизни важнѣйшія Государственныя должности и былъ взысканъ обильными милостями Монарховъ. Но имя его всего болѣе напоминаетъ намъ славный для Россіи 1812 годъ. Графъ Ѳ. В. былъ Градоначальникомъ Москвы, когда въ нее стремились полчища враговъ. Кажется, ему принадлежитъ великая рѣшительность сжечь Москву, рѣшительность, погубившая надежды завоевателя (*). Въ послѣдствіи Графъ Ѳ. В. жилъ долгое время въ Парижѣ. Умереть возвратился онъ въ Отечество. Погребеніе его происходило 21 ч. Января, безъ всякаго великолѣпія, по собственной его волѣ.

Бывши въ Парижѣ, Графъ Ѳ. В. издалъ небольшое сочиненіе, на Французскомъ языкѣ (оно переведено на Русскій языкъ, подъ названіемъ: *Правда о пожарѣ Москвы*), въ которомъ отказывался отъ своего подвига. Кромѣ того, извѣстно сочиненіе его принятое нѣкогда съ особливымъ восторгомъ: *Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ* (изд. въ 1807 году и нынѣ весьма рѣдкое). Онъ сочинилъ еще Комедію: *Вѣсти или убитый живой*, также въ свое время принятую съ большимъ участіемъ. Есть и другія сочиненія его, изъ коихъ важнѣйшее о знакомствѣ съ Суворовымъ (напечатано было въ Русскомъ Вѣстникѣ) (**). Вообще, вездѣ

(*) См. Исторію похода 1812 г., изд. Г. Бутурлинымъ.

(**) Суворовъ однажды, разговаривая съ нимъ, запѣлъ пѣтухомъ; Графъ Растопчинъ оскорбился, но Суворовъ усмѣхнувшись сказалъ: поживи съ мое, будешь и курицей пѣть. —

въ сочиненіяхъ Графа Ѳ. В. замѣтенъ былъ горячій патріотизмъ, въ слогѣ его отличительная черта: умѣнье говорить простонароднымъ Русскимъ языкомъ. Такъ написаны имъ были *Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ* и объявленія или аффишки, которыя издавались въ Москвѣ, въ 1812 году, и любопытны по многимъ другимъ отношеніямъ. Любители рѣдкостей хранятъ сіи аффишки съ особеннымъ тщаніемъ. Нѣсколько ихъ напечатано было при жизнеописаніи Архіепископа Августина, изданномъ И. М. Снегиревымъ.

Счастливецъ (*).

(Посвящается Г. Г. К. К. . . . . ому.)

На мирномъ брегѣ водъ любимыхъ,
Покрытый мудрости щитомъ
И чуждъ пустыхъ суетъ, толпой боготворимыхъ,
Смиренно ты живешь въ наслѣдіи родномъ,
Гдѣ время мчится съ быстротою,
Блаженства твоего не унося съ собою!
Разсвѣтъ твой ясенъ былъ, и на зарѣ моей
Завиденъ мнѣ закатъ твоихъ прекрасныхъ дней!
Земныя радости, отрады, наслажденья,
Летятъ какъ молніи подъ бурею ночной,
И лишь любви одной
Мы навсегда хранимъ святыя впечатлѣнья!
Кто, кто изъ насъ не преданъ имъ?
Ей вѣчный, чистый огнь, внутри души горящій
И смертнаго животворящій,
Раждается и гаснетъ вмѣстѣ съ нимъ! . . .
Возвысить разумъ нашъ, смирить страстей порывы —
Отъ тайна бытія, сокрытая отъ всѣхъ!
Другъ! ты постигъ ее: твой уголокъ счастливый
Есть для тебя предѣлъ веселій и утѣхъ!
За отческій рубежъ ты не стремишь желанья;
Но всеобъемлющей, свободною душой
Паришь надъ сферой мірозданья —

(*) Изъ Ламартина.

И знаній горній свѣтъ сіяетъ надъ тобой! . . .
Ты зришь что Гангеса иль Тибра на брегахъ
Все люди были тѣжъ, всегда, во всѣхъ странахъ,
Лишь въ разныхъ образахъ, и что среди вселенной
Въ порядкѣ вѣчномъ все кружилось безпремѣнно!

Ты зришь сквозь тайный мракъ временъ
Затменье тысячи племенъ,
Какъ звѣздъ въ надоблачномъ эѳирѣ!

Отъ прошлаго лишь остается тѣнь. . .
Такъ! срокомъ бытія назначено въ семъ мірѣ:
Народу вѣкъ, а человѣку день!

И время, оправдавъ законъ сей неизмѣнной,
Низвергло троны всѣхъ вѣковъ!
Оно съ собой умчало дерзновенно
И самыхъ Древности боговъ! . . .
Средь сихъ всеобщихъ разрушеній,
Подъ мрачной тучей заблужденій,
Скажи: безбѣдно-ли пройдетъ своимъ путемъ
Мудрецъ — мірскихъ превратностей свидѣтель,
Доколѣ онъ себѣ не изберетъ вождемъ
Спасительную добродѣтель? . . .
Ты истинный мудрецъ! Въ твоихъ стѣнахъ,
Въ прелестныхъ рощахъ и садахъ,
Твоей рукою насажденныхъ,
О! сколько дней я проводилъ блаженныхъ,
Гостепріимствомъ услажденныхъ! . . .
Творецъ! всегда внемли ему,
Когда, въ жару святаго изступленья,
Къ Тебѣ возноситъ онъ смиренныя моленья:
Кто проситъ малаго, все низпошли тому!
Пусть онъ съ подругою веселыми очами

Въ дни мирной старости своей
Любуется красой дѣтей,
Какъ древо юными плодами!
Пусть златомъ жатвъ блестятъ поля его всегда,
Пусть воды озера яснѣютъ,
Пусть тополи его густѣютъ,
Пусть небосклонъ его не тмится никогда! . . .
А я, надеждами и юностью влекомый,
На утломъ челнокѣ въ путь дальній, незнакомый
Пускаюсь противъ бурь и яростныхъ валовъ...
И счастливъ, если я, отъ бѣдствія спасенный,
Свой броту якорь притупленный
Близъ сихъ привѣтныхъ береговъ! . . .

И. Бороздна.

Село Медвѣдовъ.
1825 г. Іюля 18.

Князю Н. Н. Голицыну.

Сверкай, кипи, бокалъ заздравный!
Ты ѣдешь въ путь, любезный Князь;
Въ твой парусъ вѣтръ подулъ желанный;
Но съ Невскимъ берегомъ простясь,
Не позабудь насъ въ шумѣ свѣта!
Поэтъ душой тебя любилъ,
Съ тобою объ руку три лѣта
Одной дорогой проходилъ. —
Теперь тропинка раздѣлилась;
Инѣ тотъ-же путь . . . тебѣ другой . . .
Стезя веселая открылась,
Цвѣты раскинуты весной!
Зефиръ струи перебираетъ,

Рѣзвясь подъ зеленью древесъ,
Ручей твой легкій челнъ ласкаетъ,
Синѣя ясностью небесъ.
Прости! . . мнѣ — поле предъ глазами,
Видъ одинокой пустоты,
И рѣдко, рѣдко гдѣ-бъ мѣстами
Проглядывали тутъ цвѣты.
Что будетъ далѣе? Не знаю!
Но можетъ быть . . . люблю мечтать —
Тебя я снова повстрѣчаю:
Тогда захочешь-ли узнать
Шутливой Таліи питомца?
Быть можетъ, новый Генералъ,
Взглянувъ на стараго знакомца,
Промолвитъ: »Я его видалъ!«
И важно шаркнувъ по паркету
Придворной, ловкою ногой:
»Сердечно радъ!« — а самъ въ карету —
И загремѣлъ по мостовой;
А пѣшеходъ ступай домой.
Нѣтъ! вѣрю я душѣ прекрасной!
Власть времени слаба надъ ней.
Потомокъ славныхъ ты Князей —
Которыхъ духъ, къ добру лишь страстной,
Любовь къ отчизнѣ и Царямъ
Во всѣхъ дѣлахъ руководили,
Они себя, въ отпоръ врагамъ,
За благо ближнихъ не щадили!
По сердцу — ты достоинъ ихъ,
Достоинъ предковъ благородныхъ!
И суетность честей земныхъ
Не ослѣпитъ очей твоихъ,
Не перемѣнитъ чувствъ природныхъ.

Всегда возвышенный душой,
Ты знаешь къ счастью путь прямой.

Всѣ ищутъ счастія на свѣтѣ;
Но льстясь сей милою мечтой,
Съ невѣрнымъ будущимъ въ предметѣ —
Теряютъ истинный покой.
Одинъ за счастіе считаетъ —
Сундукъ богатствомъ нагрузить,
Другой богатство расточаетъ —
Чтобъ нѣжить слухъ и взоръ прельстить.
Паросскихъ мраморовъ столбами
Онъ ограждаетъ пышный домъ,
Тѣнисты рощи съ цвѣтниками
Онъ видитъ предъ своимъ окномъ:
Тамъ свѣтлые шумятъ фонтаны
Подъ наклоненный вязовъ сводъ,
Тамъ видны Нимфы, Сильфы, Фавны
И розами укрытый гротъ.
Лежъ тѣмъ какъ въ освѣщенныхъ залахъ
Веселье къ танцамъ всѣхъ зоветъ
И пѣнится вино въ бокалахъ,
И улыбкой роскошь подаетъ
На Хинскомъ дорогомъ фарфорѣ
Прохладные плоды гостямъ —
Хозяинъ не доволенъ самъ,
Усталость чувствъ видна во взорѣ,
И пресыщенный — скученъ онъ.
Вся жизнь роскошныхъ — пышный сонъ!
О сердце мнѣ твое свидѣтель,
Что совершенство чистыхъ благъ,
Источникъ счастія — въ душахъ,
И другъ, одна лишь добродѣтель!

Да мирно вѣкъ твой пролетитъ
Равнину жизни безмятежной,
И тихій Ангелъ осѣнитъ
Тебя въ часъ, смертнымъ неизбѣжной!
Но долго, долго ты живи —
На радость дружбы и любви!

Б. Федоровъ.

Спб.
1821.

Совѣтъ.

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, смазливыя вострушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь-ли вамъ оставить въ забытьи
Для жалкихъ риѳмъ? Надъ риѳмами смѣются,
Уносятъ ихъ Летійскія струи —
На пальчикахъ чернила остаются.

Баратынскій.

---

*Къ **

На небѣ много звѣздъ прекрасныхъ —
Но мнѣ одна тамъ всѣхъ милѣй,
Звѣзда любви, звѣзда дней ясныхъ
Счастливой юности моей.

*

Цвѣтовъ прелестныхъ много въ полѣ,
Но лишь одинъ меня манитъ;
Къ нему стремлюсь я по неволѣ,
Его видъ сердце веселитъ.

*

ь толпѣ прелестныхъ дѣвъ, уныло,
сегда одну лишь я ищу.
вижуль образъ сердцу милой,
ь него очей я не свожу.

*

вѣти-жь, цвѣточикъ мой безцѣнной!
яй, здѣзда любви моей!
долго, долго неизмѣнной
прадой будь моихъ очей!

. . . . въ
Харьковъ.

Ответъ.

Нѣтъ, Делія! не мнѣ пенять судьбѣ своей,
мнѣ завидовать удѣлу богачей.
сть гордость, суетность, томимыя мечтами,
ю жизнь скитаются за чуждыми морями,
Страдаютъ, день и ночь не спятъ,
объ блескомъ пышности прохожихъ изумлять;
дьбу твою навѣкъ соединивъ съ моею
гу-ли для другихъ, могуль жить для себя?
гатъ я дружбою, любовію твоею,
Хочу быть счастливъ для тебя.
ежели порой задумчивымъ кажуся,
вѣрь, не суетность тогда въ душѣ моей:
Творцу всесильному я мыслью возношуся,
годаря — молю, не злата и честей,
радость тихую да дастъ намъ въ жизни сей.
кошные пиры, чертоги дорогіе,
Не прочно счастіе для насъ:
овь и дружество гостятъ тамъ краткій часъ!
Но Геніи сіи благіе

И въ хижинѣ моей съ тобою любятъ жить.
Чемужь завидовать? О чемъ могу грустить? . .
Одинъ твой нѣжный взглядъ — и сердце оживаетъ,
И радостно душа сливается съ душой!
Кто любитъ, Делія, тотъ зависти не знаетъ:
Любовь, любовь ему замѣнитъ все собой.

Ъ — ъ.

Тамбовъ.

Байскій заливъ, близъ Неаполя (*).

Смотри, какъ плещетъ въ молчаливый
Сей брегъ игривая струя;
Смотри, какъ вѣтеръ легкокрылый,
Лобзая спящія моря,
Волнуетъ ихъ кристаллъ спокойный!
Взойдемъ мы въ этотъ челнъ покорный
И пустимся, мой другъ, съ тобой
Въ слѣдъ за шумящею волной.

Уже залива брегъ пространной
Отъ насъ скрывался въ мглѣ туманной. . . .
Межъ тѣмъ, какъ другъ держалъ
Послушный руль рукой смятенной,
Къ шумящему веслу склоненной,
Я волны моря разсѣкалъ.

О Боже! какъ все жизнью полно!
Какъ все здѣсь дышетъ и цвѣтетъ!
Въ объятіяхъ Ѳетиды томной
Покоясь, Фебъ, при плескѣ водъ,
Свой уступалъ чертогъ спокойной
Уже задумчивой лунѣ.

(*) Переводъ изъ Ламартина. Одинъ изъ первыхъ опытов
юнаго Поэта, которому желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. *Из*

Цвѣты ночные по землѣ
Свой ароматный запахъ лили
И вѣтры по морскимъ зыбямъ
Его на крыльяхъ разносили.

Но что за звуки по волнамъ
Къ намъ быстро издали несутся,
И что за пѣсни раздаются
По усыпленнымъ берегамъ?
Не смѣя ввѣриться звѣздамъ,
Рыбакъ, сложивъ свой парусъ бѣлый,
Спокойный кровъ благословлялъ;
А тамъ гласъ юности веселый
Восторгомъ воздухъ колебалъ,
Свой празднуя возвратъ счастливый.

Но облекаетъ мракъ моря
Уже въ покровъ свой молчаливый;
Скрываются бреговъ края;
Звукъ исчезаетъ пѣсни громкой
И воцарилась тишина....
Возсѣвъ, печальна и грустна
Задумчивость, на одинокой
И безотвѣтный брегъ морской,
Среди развалинъ запустѣлыхъ,
Бросаетъ взоръ унылый свой
На скатъ холмовъ шѣхъ посѣдѣлыхъ,
Гдѣ гордые столпы палатъ
И храмы древніе стоятъ
Въ магическомъ очарованьѣ.

О Древность! ли святой и славы пребыванье!
Храмъ добродѣтелей и колыбель мужей!
О славный Римъ! ты палъ .... и нѣтъ уже въ твоей

Странѣ твоихъ героевъ несравненныхъ. . . .
Но умъ возвышенный на монументахъ тлѣнныхъ
Не престаетъ и днесь ихъ геніемъ дышать:
Такъ дышетъ онъ еще во храмахъ, сокрушенныхъ
Величіемъ Творца .... Но для чего смущать,
Нетлѣннымъ лавромъ осѣненныхъ,
Покой и тишину безмолвныхъ сихъ могилъ,
Гдѣ подъ землею прахъ Катоновъ,
Героевъ Древности, великихъ Сципіоновъ!
Приближимся мы къ симъ стѣнамъ, гдѣ сохранилъ
Развалинъ скромный видъ намъ болѣ вдохновеній
И гдѣ покоятся счастливѣйшія тѣни!

Вотъ здѣсь средь мира и прохладъ —
Пѣвецъ - Горацій вдохновенный,
Отъ блеска пышнаго палатъ
Въ свой домикъ убѣгалъ смиренный,
Украшенный не златомъ, не рѣзьбой, —
Но Генія рукой нетлѣнной
И милою, пріятной простотой.
Тамъ Делія въ очахъ безцѣнной
Тибуллъ восторгъ любви вкушалъ.
Здѣсь Цинтію Проперцій посѣщалъ.
А тамъ . . . . вотъ кровъ, куда шворецъ Еруса-
лима —
Тассъ — жертва Генія, судьбы неумолимой —
Съ унылой по землѣ блуждающій душой,
Минутный наконецъ пришелъ вкусить покой;
Куда явился онъ на гласъ призывный славы,
Гдѣ, мнилось, пальмы вѣнвь побѣдной, величавой
Готова ужъ главу его вѣнчать собой,
Какъ вдругъ подъ бременемъ онъ золъ изнемогаетъ
И лавръ безсмертія лишь камень осѣняетъ
Его могилы роковой.

О Байскій холмъ ! о кровъ поэтовъ драгоцѣнной !
Долина славная , гдѣ нѣсколько вѣковъ
Изящное столь было совершенно !
Раздастся-ли когда среди твоихъ луговъ
Опять громъ славы и любовь ?
Я ждалъ отвѣта . . . все молчало . . . .
Лишь эхо изрѣдка шептало
Съ морской стенающей волной ,
Полупрозрачной и сонливой ,
Плескавшей въ берегъ молчаливой !

Вотъ все какъ тлѣнно подъ луной !
Какъ все проходитъ невозвратно !
Увы ! такъ сами мы пройдемъ
Стезею жизни сей превратной !
Какъ въ морѣ слѣдъ ладьи , въ которой мы плывемъ
И ясну зыбь браздимъ, все въ гладкій токъ сольется
И мѣсто на волнахъ , гдѣ мы скользимъ , сотрется.

И в. Тюринъ.

Рязань. 1825.

Эпиграмма.

»Что ты одинъ? Иль чемъ встревоженъ?«
— Бесѣдую съ самимъ собой.
— »Любезный другъ ! будь остороженъ :
Не льстецъ-ли говоритъ съ тобой !«

Н. И - П. —

Совѣсть.

Гласъ совѣсти рѣчистъ; всѣ выдумки напрасны:
Ее заговорить не можемъ мы, друзья.
Она всѣхъ нашихъ дѣлъ товарищъ ежечасный,
Доносчикъ и законъ, свидѣтель и судья.

Н. И. П. —

Вольферъ Вебберъ
или
Золотые сны.

(Продолженіе.)

— »Всѣ вы, любезные друзья, знаете Блакъ-Сама, стараго Негра, рыбака, обыкновенно называемаго Модъ - Самъ, который, болѣе полустолѣтія, ловитъ рыбу въ нашихъ заливахъ. Вотъ уже прошло тому множество лѣтъ, какъ этотъ Самъ, бывшій тогда однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ, молодыхъ Негровъ, работалъ на мызѣ почтеннаго Киліана Сюйдама, въ Лонгъ-Исландѣ Дневную работу свою кончилъ онъ рано и вздумалъ половить рыбы въ окрестностяхъ Гелль-Гата. Вечеръ былъ лѣтній и прекрасный.

»Онъ сѣлъ въ свою маленькую лодочку и совершенно зная всѣ теченія близь береговъ, перемѣнялъ направленіе лодочки, смотря по приливу отъ *Генъ-эндъ-Чикенъ-*

а Гогсъ-бекъ къ *Гогсъ-беку*, и отъ *Пота* къ *Потъ а Фрейндъ-Пану*. Совершенно занятый своимъ любимымъ упражненіемъ, онъ и не примѣтилъ, что море пошло на отливъ: объ этой опасности увѣдомилъ его уже страшный шумъ волнъ между утесами, гдѣ тогда онъ находился. Самъ началъ работать, но не легко ему было избавиться отъ бѣды и кое какъ уткнуться въ островокъ Блаквель. Тутъ надобно было бросить якорь и дождаться, пока приливъ дастъ ему средства возвратиться домой. Приближалась ночь; на Западѣ сбирались страшныя тучи, гонимыя сильнымъ вѣтромъ; вдалекѣ перекатывался громъ съ ужасною молніею — все показывало, что будетъ страшная буря. Самъ испугался, и не безъ причины. Онъ оставилъ свое якорное мѣстечко, поплылъ около береговъ острова Мангаштанъ и наконецъ, подъ однимъ огромнымъ утесомъ, нашелъ затишье, привязалъ лодочку къ корню стараго дерева, выростшаго между щелями утеса, у котораго обширныя вѣтви образовали какъ будто родъ навѣса надъ водою.

»Буря загремѣла: вѣтръ несъ издалека пѣну волнъ, дождь съ шумомъ падалъ на вѣтви деревъ, молнія сверкала и освѣщала вздутыя волны. Но нашъ Самъ, подъ защитою утеса и стараго дерева, былъ совершенно спокоенъ; волненіе толь-

ко качало его въ лодкѣ, какъ въ люлькѣ, и укачало: онъ крѣпко заснулъ.

»Все было тихо, когда Самъ проснулся Буря перестала; только на Востокѣ еще проблескивала молнія; за то ночь сдѣлалась темна хоть глазъ выколи, и только по приливу Самъ догадался, что время было уже за полночь. Онъ хотѣлъ отвязать свою лодочку и плыть назадъ, какъ вдругъ на водахъ мелькнулъ огонекъ, свѣтитъ и приближается къ нему. Самъ тотчасъ замѣтилъ, что огонекъ этотъ свѣтитъ изъ фонаря, привязаннаго на носу лодки, которая плыветъ около береговъ. Въ самомъ дѣлѣ, недалеко отъ Сама лодка остановилась въ маленькомъ заливѣ, выскочилъ изъ нее человѣкъ, казалось, чего-то искалъ при свѣтѣ фонаря и вдругъ закричалъ своимъ товарищамъ: »Здѣсь, вотъ и кольцо наше!« — Лодку крѣпко привязали къ кольцу, незнакомцы пособляли товарищамъ вытаскивать изъ лодки какую-то тяжелую поклажу и при свѣтѣ фонаря, съ ними бывшаго, Самъ различилъ пятерыхъ человѣкъ, здоровыхъ и пресильныхъ, у которыхъ на головахъ были красныя шапки и которые предводимы были начальникомъ въ трехъ-угольной шляпѣ. Они были вооружены кинжалами, длинными ножами, пистолетами; разговаривали между собою тихоньку и отъ времени до времени говорили на такомъ языкѣ, котораго Самъ никакъ не могъ понять.

Оставя лодку, пошли они сквозь кустарникъ и сгибались подъ тяжестью ноши, которую тащили среди утесовъ. Любопытство Сама возбудилось въ высочайшей степени. Онъ вылѣзъ изъ лодочки своей и тихо, осторожно, поползъ на утесъ, который былъ выше другихъ и съ котораго можно было видѣть, что́ внизу дѣлаютъ незнакомые люди. Они остановились, отдохнули съ минуту, и начальникъ съ помощію фонаря обглядѣлъ вокругъ себя. — »Съ нами-ли заступы!« спросилъ одинъ. — Вотъ они — сказалъ другой, принесшій ихъ на плечѣ. — »Надобно выкопать яму поглубже, чтобы не замѣтили« — примолвилъ третій.

Холодный потъ прошибъ Сама. Онъ думалъ что видитъ передъ собою скопище убійцъ, которые хотятъ закопать свою жертву. Онъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и не въ силахъ болѣе остерегаться, пошевелилъ вѣтвь дерева, за которую держался, смотря внизъ, съ утеса.

»Что это!« закричалъ одинъ изъ незнакомцовъ — »въ кустарникѣ кто-то шевелится?«

Фонарь оборотили къ тому мѣсту, гдѣ скрывался Самъ. Одинъ изъ красныхъ шапокъ схватился за пистолетъ и направилъ его туда, гдѣ Самъ лежалъ, неподвижно, не смѣя дохнуть и воображая себя при послѣдней минутѣ жизни. Къ счастію, темный цвѣтъ его рожи не да-

валъ имъ различить ее отъ окружавшаго кустарника.

— Никого нѣтъ, сказалъ человѣкъ державшій фонарь — не стрѣляй — этимъ можно взбудоражить всю окрестность!

Пистолетъ спрятали и незнакомцы пошли далѣе, едва таща свою ношу. Самъ пристально смотрѣлъ на нихъ, и тогда только осмѣлился вздохнуть свободно, когда они ушли изъ виду. Онъ хотѣлъ было возвратиться въ свою лодку, чтобы скорѣе отплыть отъ этого опаснаго мѣста; но любопытство его было такъ велико, что онъ передумывалъ, не рѣшался, слушалъ и не зналъ что дѣлать. Отъ времени до времени доходили до него глухіе звуки ударовъ заступами. »Они роютъ яму,« говорилъ онъ про себя, и холодный потъ снова выступалъ на лбу его. Каждый ударъ заступа, раздаваясь въ тишинѣ ночи, производилъ въ немъ сильное движеніе. Замѣтно было, что незнакомцы старались какъ можно менѣе дѣлать шуму и все показывало какую то страшную тайну. Самъ и тогда былъ страстный охотникъ до страшнаго. Исторія объ убійствѣ была для него находка, и я долженъ вамъ сказать, что по этому-то онъ всегда являлся при дракахъ и ссорахъ. И тутъ онъ не могъ противиться желанію, не смотря на опасность, присутствовать при таинственномъ явленіи и посмотрѣть на дѣтей ночнаго мрака въ ихъ работѣ;

осторожно пошелъ скользнулъ между кустарниковъ, трепеща каждую минуту, чтобы шумъ листочковъ не измѣниль ему. Такимъ образомъ Самъ достигъ до утеса, раздѣлявшаго его отъ незнакомцовъ и увидѣль что на деревьяхъ по другую сторону утеса отсвѣчивался свѣтъ изъ Фонаря. Самъ, въ глубочайшемъ молчаніи, взлѣзъ на утесъ и выставя голову сверхъ его безплодной вершины, увидѣлъ внизу разбойниковъ такъ близко, что испугавшись смертельно, не смѣлъ уже воротиться назадъ, трепеща, что малѣйшее движеніе измѣнитъ ему. Вотъ онъ и остался неподвиженъ, выставя черную рожу свою на утесѣ, круглую, какъ солнце подымающееся на горизонтѣ, или какъ полная луна.

Красныя шапки въ это время почти кончили свою работу. Яма была засыпана. Закрывая ее какъ можно лучше дерномъ, они засыпали ее сухими листьями. »Теперь« сказалъ начальникъ, »пусть самъ злой духъ найдетъ нашу поклажу!«

— Убійцы! вскричалъ Самъ невольно. — Работавшіе затрепетали и — круглая, черная голова Негра явно была ими замѣчена на вершинѣ утеса, съ ея бѣлыми, выпучившимися глазами и хлопающими отъ страха, одинъ о другой, зубами и блестящею отъ холоднаго пота кожею.

»Мы открыты« — сказалъ одинъ изъ разбойниковъ. — Долой его! закричалъ другой.

»Самъ видѣлъ, какъ они схватились за пистолеты, но не дождался выстрѣла: бросившись на кустарники и каменья, куда глаза глядятъ, онъ скатился внизъ, какъ ежъ, и побѣжалъ далѣе, какъ лѣсная мышь. Со всѣхъ сторонъ слышны были крики бѣгущихъ за нимъ и преслѣдовавшихъ его во всѣхъ направленіяхъ. Самъ добѣжалъ наконецъ до утесовъ, ограничивающихъ самый берегъ, и тутъ — утесъ круглый и отвѣсный какъ стѣна загородилъ ему дорогу! Одинъ изъ красныхъ шапокъ гнался за нимъ по пятамъ — спасибо, нашъ бѣглецъ увидѣлъ длинную, толстую вѣтвь дерева, которая свѣсилась къ низу. Вѣтвь была высоко — онъ прыгнулъ, какъ прыгать можетъ человѣкъ въ отчаяніи живота, и вотъ — уцѣпился за вѣтвь — тогда еще былъ онъ цѣпокъ, легокъ — и мигомъ вскарабкался на утесъ! Ловокъ былъ и красная шапка: видя передъ собою человѣка убѣгающаго, хлопнулъ изъ пистолета — только на волосокъ прожужжала пуля мимо ушей Сама; но съ удивительнымъ присутствіемъ духа, въ опасности, онъ нашелся что сдѣлать: закричалъ страшнымъ голосомъ, прилегъ на утесъ и схвативши превеликій камень, покатилъ его къ морю . . . тотъ упалъ въ воду съ шумомъ.

»Конченъ!« сказалъ красная шапка двумъ или тремъ товарищамъ, которые прибѣжали запыхавшись — »этотъ не разскажетъ ничего, а развѣ и разскажетъ что нибудь рыбамъ!«

»Разбойники пошли назадъ къ другимъ товарищамъ, а нашъ Самъ тихомолкомъ сползъ къ берегу, вскочилъ въ лодочку свою, отвязался — и далъ волю приливу несть его куда угодно. Далеко отплывши, осмѣлился онъ употребить весла. Тогда, какъ стрѣла разсѣкая волны, проплылъ онъ Гелль-Гатъ, и тутъ не думалъ еще быть внѣ опасности, и проплывши Потъ и Фрейндъ-Панъ, все еще не думалъ, и даже въ Гогсъ-Баккѣ не думалъ — а тогда уже увидѣлъ что опасность миновалась, когда пришелъ въ мызу почтеннаго Сюйдамса и тамъ легъ на солому въ старомъ сараѣ.«

Здѣсь почтенный Пешія Провъ остановился перевесть дыханіе и выпить пива изъ огромной кружки, подлѣ него находившейся. Слушатели его остались съ разинутыми ртами и вытянутыми шеями, подобно ласточкамъ, ожидающимъ корма.

— Все-ли? вскричалъ инвалидный офицеръ.

»Все« — отвѣчалъ Пешія Провъ. — И Самъ не открылъ послѣ того, что закопали туда красныя шапки? съ живостью спросилъ Вольферъ Вебберъ, безпрестанно думавшій о золотѣ и дублонахъ.

»По крайней мѣрѣ мнѣ это не извѣстно« отвѣчалъ Пешія Провъ »Ему нѣкогда было послѣ того оставлять своихъ занятій, и сказать правду, у него не было и большаго желанія предпринять снова опасное путешествіе по утесамъ Впрочемъ, какъ могъ онъ распознать мѣсто, гдѣ вырыта была яма? Днемъ предметы представляются совсѣмъ иначе нежели ночью. Наконецъ, что за мысль вырывать убитаго, если не льзя повѣсить убійцъ его?«

— Да точно-ли вы увѣрены, что это былъ убитый? возразилъ Вольферъ.

»Совершенно увѣренъ!« вскричалъ Пешія Провъ съ торжественнымъ видомъ. »Развѣ духъ его не посѣщалъ послѣ того нашего сосѣдства?«

— Посѣщалъ? вскричало множество слушателей, глядя во всѣ глаза и придвигая стулья.

»Да посѣщалъ,« отвѣчалъ Пешія. »Не слыхали-ль вы о чудакѣ въ красной шапкѣ, который являлся въ горѣлой деревнѣ, въ лѣсу и на берегу, подлѣ Гелль-Гата?«

— Такъ! правда — и мнѣ что-то сказывали подобное, но я почелъ этотъ разсказъ старушечьимъ разсказомъ.

»Старушечьимъ-ли, нѣтъ-ли« сказалъ Пешія Провъ, »а эта деревня очень близко подлѣ мѣста о которомъ я говорилъ. Съ незапамятныхъ временъ она необитаема, находится въ дикой, пустой сторонѣ и окрестные рыбаки слыхали въ ней

странный шумъ; даже видали въ лѣсу, ночью, въ самомъ этомъ мѣстѣ, огонь, и много разъ замѣтили, что изъ развалинъ дома глядѣлъ какой то старикъ въ красной шапкѣ: разумѣется, что это духъ того, который закопанъ въ семъ мѣстѣ. Вотъ, однажды, ночью, трое солдатъ пошли туда, пришли и нашли старика красную шапку: онъ сидѣлъ въ погребу, на боченкѣ сидра и держалъ въ одной рукѣ кружку, а въ другой стаканъ. Онъ подалъ имъ выпить; но только что одинъ солдатъ взялъ стаканъ и поднесъ къ губамъ, вдругъ — бррръ! .. вспыхнуло пламя, ослѣпило ихъ на нѣсколько минутъ; огляну-лись — а красная шапка уже исчезъ и передъ ними былъ — пустой боченокъ безъ сидра!«

Тутъ инвалидный офицеръ, начинавшій уже дремать и наклонившій голову до самаго стакана своего, засверкалъ своимъ глазомъ и вспыхнулъ какъ догоравшая лампада.

— Это вздоръ! вскричалъ онъ, когда Пешія кончилъ исторію.

»Я и не ручаюсь за вѣрность,« отвѣчалъ Пешія Провъ. »А между тѣмъ всѣ знаютъ, что въ горѣлой деревнѣ и въ окрестностяхъ ея происходили странныя вещи. Что касается до похожденія Модъ-Сама, я вѣрю ему также, какъ бы это съ самимъ мною случилось.«

Живое участіе, какое принимало все общество въ разговорѣ, препятствовало собесѣдникамъ слышать бурю, безпрерыв-

но продолжавшуюся, какъ вдругъ страшный ударъ грома, за которымъ послѣдовалъ еще болѣе страшный трескъ и стукъ, казалось, разрушившій въ основаніи весь домъ, заставилъ ихъ всѣхъ запрепетать и подумать: не землетрясеніе-ли это? Стали слушать, но ничего не слышно было, кромѣ дождя, сильно стучащаго въ ставни, и вѣтра, свистящаго между деревьями. Трескъ и стукъ изъясненъ былъ приходомъ стараго Негра, у котораго большіе бѣлки глазъ странно отсвѣчивали къ его гагатовой кожѣ, облитой дождемъ, и который, въ едва понятныхъ выраженіяхъ объявилъ, что трубу въ кухнѣ разбило громомъ.

Въ это время буря сдѣлавшись на минуту тише, позволила всѣмъ услышать пистолетный выстрѣлъ, за которымъ послѣдовалъ страшный крикъ или, лучше сказать, вой. Всѣ бросились къ окошкамъ — другой пистолетный выстрѣлъ сопровождался вторичнымъ воемъ, мѣшавшимся съ свистомъ вѣтра и, казалось, выходившимъ изъ морскихъ волнъ, ибо, не смотря на блескъ молніи освѣщавшей всю окрестность, на берегу не видно было ни единаго живаго существа.

Вдругъ, во второмъ этажѣ отворилось окошко и таинственный незнакомецъ громкимъ голосомъ отвѣчалъ на слышимый вопль. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались сигналами; но языкъ, на которомъ

говорили, не понятенъ былъ ни одному человѣку бывшему въ трактирѣ. Услышали, что морское чудовище [illegible]ерло окошко, стучало на верху страшнымъ образомъ, какъ будто опрокидывало и ломало всѣ мебели и въ тоже время оно приказывало старому Негру пособить тащить тяжелый сундукъ его съ лѣстницы.

Всѣ вышли. Изумленный трактирщикъ осмѣлился сказать чудовищу: »Конечно, вы не думаете отправляться въ такую бурю...«

— Бурю! — отвѣчалъ тотъ съ презрѣніемъ — развѣ этотъ вѣтерокъ буря?

»Вы промокнете до костей. Вы идете на явную гибель! сказалъ съ участіемъ Пешія Провъ.

— Громъ и молнія! заревѣлъ морякъ. Полно говорить о дурной погодѣ съ человѣкомъ, всю жизнь проведшимъ въ буряхъ и ураганахъ!

Почтительный Пешія Провъ былъ принужденъ къ молчанію, а съ берега снова послышались крики нетерпѣнія. Зрители съ ужасомъ смотрѣли на таинственнаго духа бурь, который вышедъ изъ волнъ невидимо, казалось, хотѣлъ идти туда обратно. Съ помощію стараго Негра онъ спокойно несъ свой тяжелый сундукъ къ берегу. Всѣ глядѣли на него суевѣрными глазами и, казалось, ждали, что онъ просто отправится по волнамъ на своемъ сундукѣ, среди рева и плеска волнъ.

»Туши огонь« — закричалъ хриплый голосъ съ берега — »огня не надобно!«

— Громъ и молнія! ревѣло чудовище ужаснымъ образомъ, обратившись къ толпѣ зрителей, провожавшихъ его съ фонаремъ — исчезните въ минуту!

Вольферъ и товарищи его отступили со страхомъ, но любопытство не позволило имъ совсѣмъ удалиться. При блескѣ молніи, освѣщавшей волны, они замѣтили шлюпку, качаемую волненіемъ моря. На ней видно было множество народа и она то подымалась, то почти захлестывалась огромными валами, но мореходы упорно придерживались берега, не смотря на быстрое теченіе Ужасный морякъ приближился, вдвинулъ одинъ край своего сундука въ шлюпку и ухватился за скобку, прибитую на другомъ краю, желая совсѣмъ стащить его въ шлюпку; но его усиліе покачнуло край шлюпки, сундукъ скользнулъ въ море и увлекъ за собою моряка. Пронзительный крикъ раздался со стороны зрителей и страшныя ругательства послышались съ лодки: видно что и лодку и моряка увлекло быстротою отлива; впрочемъ было чрезвычайно темно. Вольферу Вебберу послышалось что зовутъ на помощь, показалось даже, что онъ слышитъ голосъ моряка, требующій спасенія; но когда снова блескъ молніи освѣтилъ берегъ и море, не видно было ни людей, ни шлюпки.

Всѣ собесѣдники возвратились въ трактиръ дожидаться окончанія бури Каждый занялъ свое мѣсто и смотрѣлъ на другаго съ ужасомъ. Все явленіе не продолжалось и пяти минутъ, и дюжины словъ не было сказано. Смотря на кресла съ ручками, собесѣдники съ трудомъ могли убѣдить себя, что необыкновенное существо, человѣкъ полный жизни, сильный какъ Геркулесъ и за нѣсколько времени занимавшій сіи кресла, теперь былъ бездушный трупъ. Вотъ, на столѣ стоялъ еще стаканъ, только что опорожненный имъ, вотъ и пепелъ изъ трубки, которую онъ курилъ почти при послѣднемъ издыханіи своемъ. Размышляя о необыкновенномъ семъ приключеніи, почтенные бургеры погрузились въ мрачную думу о невѣрности человѣческой жизни и послѣ роковаго примѣра гибели, имъ казалось, что земля подъ ногами ихъ потеряла свою твердость.

Но большая часть собесѣдниковъ не знали той полезной философіи, которая научаетъ переносить съ твердостію нѣсчастіе ближняго, и старались утѣшить себя вразсужденіи печальной кончины страннаго моряка. Хозяинъ, особенно довольный тѣмъ, что любезный постоялецъ его передъ смертію заплатилъ за все имъ забранное, произнесъ при семъ случаѣ нѣчто въ родѣ надгробной рѣчи: »Онъ пришелъ съ бурею и ушелъ съ бурею,“ сказалъ хозяинъ — »онъ пришелъ ночью

и ушелъ ночью; онъ пришелъ неизвѣстно откуда и ушелъ неизвѣстно куда. Все что я знаю есть то, что онъ пустился еще разъ по морю на своемъ сундукѣ и что онъ переправился на немъ, можетъ быть, въ другой свѣтъ. Жаль, если онъ попался въ сундукъ особеннаго рода, жаль и того, что не оставилъ онъ сундука своего въ здѣшнемъ мірѣ, на берегу.« —

— Своего сундука! Сохрани насъ Боже! вскричалъ Пешія Провъ. За все золото въ мірѣ я не пожелалъ бы имѣть этотъ сундукъ въ моемъ домѣ. Я увѣренъ что хозяинъ каждую ночь приходилъ-бы ко мнѣ требовать его и что домъ мой сдѣлался-бы тогда гульбищемъ мертвецовъ. Это приключеніе приводитъ мнѣ на память, что случилось однажды на кораблѣ Скиндеръ-Ондердонкѣ, который шелъ изъ Амстердама. Видите: умеръ Лейтенантъ во время бури — что съ нимъ дѣлать? Завернули его въ сукно, положили въ сундукъ и — бросили черезъ бортъ! Что-же? Буря сдѣлалась еще сильнѣе, а мертвецъ сѣлъ на сундукъ и поплылъ за кораблемъ. Саванъ служилъ ему парусомъ и море, разбиваясь объ сундукъ, покрывало мореходца блестящею пѣною. Такъ плылъ корабль и плылъ сундукъ: мореходцы думали, что насталъ часъ ихъ гибели. Всякую ночь видѣли они, какъ Лейтенантъ догонялъ ихъ, слышали, какъ свисталъ онъ

вмѣстѣ съ вѣтрами и подымалъ такія волны, какъ горы — и вѣрно утопилъ-бы ихъ, если-бъ не нашелся у нихъ смышленый человѣкъ и не заклялъ его. Вотъ каковы эти мертвецы съ ихъ сундуками. . . .«

Буря, столь долгое время задержавшая собраніе, утихла; часы въ трактирѣ ударили полночь и каждый спѣшилъ идти, ибо мирные бургеры рѣдко бодрствовали до такого поздняго времени. Хотя небо сдѣлалось ясно, но буря, не задолго предъ тѣмъ мрачившая горизонтъ, еще видна была вдалекѣ: она образовала черную тучу, освѣщенную мѣсяцомъ, который казался серебряною лампадою, повѣшенною въ облачныхъ чертогахъ.

Страшныя приключенія этой ночи и страшные разсказы за ними слѣдовавшіе наполнили суевѣрнымъ страхомъ умы всѣхъ бургеровъ. Они робко озирались на то мѣсто, гдѣ исчезъ буканьеръ; имъ казалось что онъ, того и смотри, появится плывущій на своемъ сундукѣ, при сіяніи мѣсяца, освѣщавшаго морскую поверхность. Но все было спокойно на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ неизвѣстный этотъ человѣкъ, и только теченіе рисовало по морю длинныя полосы.

Возвращаясь домой, наши смѣльчаки жались одинъ къ другому, особливо когда надобно было имъ идти черезъ пустое поле, на которомъ, какъ говорили, нѣкогда зарѣзанъ былъ человѣкъ. Принужден-

ный оканчивать свой путь одинъ, безъ товарищей. дьячокъ которому пора было, кажется, привыкнуть къ мертвецамъ и къ смерти, сдѣлалъ большой объ·одъ, чтобы миновать кладбище, впрочемъ знакомое ему съ давнихъ временъ

Вольферъ Вебберъ принесъ домой порядочный запасъ разсказовъ, о которыхъ на свободѣ могъ хорошенько подумать. Эти описанія горшковъ, наполненныхъ золотомъ, Испанскихъ сокровищъ, закопанныхъ тамъ и тамъ, и все между устьевъ и заливовъ, по дикимъ берегамъ, сдѣлали его почти сумасшедшимъ. »Боже мой!« шепталъ онъ про себя со вздохомъ, »развѣ не льзя дотронуться до этого закопаннаго золота и въ одно мгновеніе сдѣлаться богачемъ? Не ужасно-ли это: цѣлый вѣкъ рыть землю, чтобы достать себѣ кусокъ хлѣба, въ то время, какъ одинъ удачный разъ стоитъ копнуть заступомъ — и цѣлый вѣкъ разъѣзжай въ каретѣ съ полными карманами.«

Онъ долго обдумывалъ всѣ обстоятельства того, что разсказали ему объ удивительномъ приключеніи рыбака Негра; но Вольферъ все дѣло изъяснялъ по своему. Въ шайкѣ этихъ красныхъ шапокъ онъ видѣлъ морскихъ разбойниковъ, закопавшихъ свою добычу, и жадность его къ золоту снова усилилась при мысли, что есть возможность открыть которое нибудь изъ множества скрытыхъ сокровищъ.

Разгоряченное воображеніе Вольфера все обращало въ чистое золото. Онъ испыталъ чувство того корыстолюбиваго обитателя Багдада, у котораго глаза, помазанные волшебнымъ составомъ, открывали всѣ подземныя сокровища: онъ видѣлъ зарытые ящики съ драгоцѣнностями, сундуки набитые золотомъ и серебромъ и боченки съ иностранными монетами; все это, казалось, катится, влечется къ нему изъ тайныхъ мѣстъ, гдѣ было скрыто и проситъ его освободить изъ мрачнаго заточенія! . . .

Разспрашивая о томъ мѣстѣ, на которомъ являлся старикъ красная шапка, Вольферъ еще болѣе утвердился въ своихъ подозрѣніяхъ. Онъ узналъ, что это мѣсто часто было посѣщаемо искателями кладовъ, знавшими исторію Сама, но что ни одинъ не имѣлъ успѣха, и напротивъ, почти всякій изъ нихъ испытывалъ непріятности — безъ сомнѣнія, заключалъ Вольферъ, потому что они пренебрегали завѣтную минуту, или что не исполняли всѣхъ надлежащихъ при томъ обрядовъ. Послѣднее покушеніе дѣлалъ нѣкто Кобусъ Кваккенбосъ. Онъ работалъ цѣлую ночь и встрѣчалъ невѣроятныя препятствія, на примѣръ, когда выбрасывалъ землю изъ ямы, невидимыя руки бросали ее обратно. Наконецъ онъ дорылся до желѣзнаго сундука, но вдругъ окружила его толпа страшныхъ привидѣній,

которыя забѣгали и завыли вокругъ ямы и безчисленные удары не видимыхъ палокъ принудили его бѣжать отъ сего страшнаго, заколдованнаго мѣста. Кобусъ Кваккенбосъ открылъ тайну на смертномъ одрѣ: можно-ли было сомнѣваться въ истинѣ! Кобусъ цѣлый вѣкъ провелъ въ исканьи кладовъ и всѣ говорили, что онъ почти уже отыскалъ сокровища, какъ вдругъ смерть прекратила дни его въ больницѣ, гдѣ онъ умеръ въ крайней бѣдности.

Вольферъ былъ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ. Онъ трепеталъ, что какой нибудь искатель приключеній, болѣе его счастливый, откроетъ слѣды закопанныхъ богатствъ, почему и рѣшился поскорѣе и тайно сыскать рыбака-Негра, просить его: показать мѣсто, на которомъ былъ онъ свидѣтелемъ таинственнаго явленія зарыванья сундука въ землю. Сама сыскать было не трудно: этого старика зналъ весь бѣлый свѣтъ! Не было ни одного ребенка, который не говорилъ-бы о Модь-Самѣ рыбакѣ и который не почиталъ-бы себя въ правѣ пошутить надъ нимъ. Уже болѣе полувѣка, Самъ велъ земноводную жизнь по берегамъ моря. Время у него проходило или на водѣ, или подъ водою, особенно около Гелль-Гата, и въ бурное время можно было почесть его за одного изъ духовъ, посѣщающихъ сіи берега. Его видѣли тамъ безпрестанно и во всякую погоду. иногда въ лодочкѣ на яко-

рѣ, среди утесовъ; иногда, какъ рекина, подлѣ лодочки; иногда по цѣлымъ часамъ сидѣвшаго на утесѣ и смотрѣвшаго сквозь туманъ и мракъ, какъ цапля ожидающая добычи. Самъ совершенно зналъ всѣ мѣста по берегамъ, отъ Валла Вуда до Гелль-Гата и отъ Гель-Гата до Девиль-Степпингъ-Стонеса. Многіе увѣряли, что онъ зналъ по именамъ всѣхъ рыбъ и даже кликалъ ихъ.

Вольферъ нашелъ Сама въ его хижинѣ, которая была не болѣе порядочной собачьей кануры. Она кое какъ построена была изъ обломковъ судовъ, на утесѣ, тамъ гдѣ послѣ построили большую баттарею. Запахъ рыбою слышанъ былъ издалека; уды, крючки, весла разставлены были вокругъ, сѣть растянута на пескѣ и подлѣ нее лежала вытащенная изъ воды лодка. Модъ-Самъ подлѣ дверей хижины наслаждался величайшимъ блаженствомъ Негровъ — спалъ на солнцѣ.

Много лѣтъ прошло послѣ знаменитаго событія Самовой юности; много зимъ проходя надъ его головою, обѣлили его курчавые волосы и отчасти развѣяли ихъ: впрочемъ, онъ совершенно помнилъ всѣ обстоятельства своей исторіи, потому что часто ее разсказывалъ, хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отступалъ отъ того, что пересказывалъ почтеннымъ бургерамъ Пешія-Провъ, что случается не рѣдко съ двумя величайшими, но одно событіе двояко разсказывающими Истори-

ками. Что касается до искателей кладовъ, Самъ не зналъ объ нихъ ничего, и вообще это не входило въ кругъ его свѣдѣній и превышало его понятія. Скромный Вольферъ не хотѣлъ тревожить его воображенія касательно сего обстоятельства: вся цѣль состояла въ томъ, чтобы старый рыбакъ былъ его проводникомъ и указалъ мѣсто знаменитаго происшествія своей жизни, а на это Вольферъ легко получилъ согласіе Сама. Время разсѣяло весь страхъ Негра, а обѣщаніе небольшой награды побудило его оставить и сонъ и лучи солнечные, которые его грѣли.

Отливъ не позволялъ нашимъ странствователямъ отправиться моремъ, а Вольферъ нетерпѣливо хотѣлъ видѣть обѣтованную землю, и когда тутъ было дожидаться прилива! Они отправились сухимъ путемъ....

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Вѣсти изъ Парижа.

Самые изящные конфекты называются нынѣ въ Парижѣ — *Московскія вафли* (des oublies Moscovites): онѣ довольно дороги и стоятъ не менѣе 50 сантимовъ за штучку! Самые модные контрадансы передѣланы изъ Фрейшица, Свадьбы Фигаро (Моцарта), Сороки-воровки и Крестовыхъ рыцарей (Майербейера), Дамамъ всего болѣе нравится нынѣ званіе Викомта: молодой Викомтъ, особливо съ орденомъ, завидный кавалеръ на балѣ.—Ужиновъ на балахъ не бываетъ, но вмѣсто ихъ вводится слѣдующее: по сторонамъ ставятъ столики, и на каждомъ, какъ въ ресторацiяхъ, найдете роспись винъ, блюдъ: можете выбрать что угодно; потребовать — и все это является немедленно.—Молодые щеголи выдумали еще новый родъ собраній: это *вечера въ двадцать четыре часа*. На нихъ бываютъ одни мущины, съѣзжаются въ 10 часовъ вечера, ѣдятъ пирожки, пьютъ пуншъ, играютъ въ экартѣ всю ночь, а въ 10 часовъ поутру завтракаютъ; и каждый долженъ спѣть пѣсню и предложить особый тостъ. Кстати о щеголяхъ: въ одномъ маскерадѣ, какой-то любезный кавалеръ нарядился сахарною головою и разносилъ дамамъ кусочки сахару, обвернутые *стишками*. Много людей въ послѣднихъ маскерадахъ было одѣто *обезьяною Жоко*, которая еще не совсѣмъ вышла изъ моды. — Извѣстно что мѣдныя ручки у дверей марaютъ и портятъ перчатки: нынѣ замѣнили ихъ хрустальными.

Парижскія моды.

Quelques chapeaux de moire noire, à passe excessivement large tout autour, et doublée de moire bleu de ciel, ont au haut de la forme un grand panache de plumes renouées, noires et bleues Ce panache est attaché par une rossette de satin bleu; il retombe assez bas pour couvrir un des côtés de la passe Les narcisses deviennent de plus en plus à la mode, non-seulement pour les petits bonnets, mais pour les guirlandes de bal, pour les bouquets détachés. Au bal, les merveilleuses qui ne dansent pas, portent des robes d'un nouveau velours écossais, fond bleu à petites raies noires et ponceau. De dessous un mancheron froncé en coquille, sortent des manches longues, en blonde. Le bas de la robe est garni d'un rouleau de velours et d'une rangée de coquilles. Ces coquilles sont alternativement en velours et en blonde. Les chapeaux de moire blanche les plus élégans, ont la forme un peu basse et garnie de deux volans de blonde : leur passe est très-grande et présque plate. Sur le dessus de la forme est attachée, par une rosette de blonde, une guirlande de roses, de pois de senteur et de violettes de Parme, qui descend jusqu'au bord de la passe, tourne en dessous, et est retenue par une rosette de blonde. Le gros de Naples blanc est fort à la mode en soirée. Cependant, pour la grande parure, les femmes entre deux âges lui préfèrent la moire blanche, ou bleu-Raymond, rose-Haïti Le rose-Haïti est un rose vif, ainsi nommé sans doute à cause de la vivacite de la chaleur qui règne dans la colonie d' Haïti. En toilette, la coeffure la plus à la mode pour les grandes élégantes, est un bonnet de gaze lisse, rose ou blanche, sur le devant duquel des rouleaux de satin forment des dents de loup : le dessus est bouillonné et recouvert par cinq ou six larges et longues plumes d'autruche, qui tournent en spirale, et dont les pointes descendent jusque sur les épau-

les. Les chapeaux les plus nouveaux sont de moire blanche et ont des liserés de satin écossais. Des rosettes et des roses panachées en forment la garniture. Toujours des bérets, les uns élevés, les autres plats comme une galette. On les orne de tresses d'or, de fourrure, de plumes roides ou flottantes.

На шляпкахъ изъ черной, морелевой матеріи, съ полями весьма широкими, ровными и подбитыми тою-же матеріею *небеснаго* цвѣта, придѣлываютъ на верху огромный плюмажъ изъ крученыхъ, синихъ и черныхъ перьевъ. Онъ укрѣпляется розеткою синяго атласа и падая внизъ, закрываетъ одну сторону полей. — Нарцизы входятъ въ моду, не только на чепчикахъ, но въ бальныхъ гирландахъ и букетахъ. — На балахъ, *нетанцующія* щеголихи бываютъ въ платьяхъ изъ новаго Шотландскаго бархата, синяго цвѣта съ черными и пунцовыми полосками. Изъ подъ рукавчиковъ, сложенныхъ en coquilles, выставляются длинные, блондовые рукава. Уборку сихъ платьевъ составляютъ бархатная руладка и бархатныя и блондовыя раковины. — У самыхъ модныхъ шляпокъ изъ бѣлой морелевой матеріи, тулья дѣлается не высокая и убирается двумя блондовыми воланами; поля сихъ шляпокъ очень широки и почти плоскія. На верху тульи блондовою розеткою прикрѣпляется гирланда изъ розъ, пахучаго горошка и Пармскихъ фіалокъ, которая идетъ на край полей шляпки, потомъ книзу и укрѣпляется блондовою розеткою. — Бѣлый гроденапль въ большой модѣ въ выѣздахъ на вечера, но въ большомъ нарядѣ, дамы среднихъ лѣтъ предпочитаютъ ему цвѣта: бѣлый, блѣ-

Раймондовый и розовый-Гаитскій. Послѣдній цвѣтъ есть яркій розовый и называется вѣроятно потому Гаитскимъ, что въ Гаити бываютъ большіе жары (*). — Самая модная, нарядная уборка головы — газовый чепчикъ, разовый или бѣлый, на переди котораго атласныя рукадки образуютъ (такъ называемые) волчьи зубы. На верху чепчика буйльнь закрытыя 5-ю или 6-ю широкими, длинными спроусовыми перьями въ спиральномъ видѣ и конхъ концы сходятъ даже на плеча. — Новѣйшія шляпки дѣлаются изъ бѣлой морелевой матеріи съ лизере, изъ Шотландскаго атласа. Розетки и розы составляютъ ихъ украшеніе. — Береты, все еще въ модѣ: одни высокіе, другіе низкіе и плоскіе. Ихъ убираютъ золотыми плетушками, мѣхомъ, прямыми и висячими перьями.

На приложенной картинкѣ:

Шляпка изъ атласа и крепа, съ марабу и перьями. Газовое платье, убранное атласомъ.

(*) Всякая новость производитъ дѣйствіе на модныя названія. Теперь въ Парижѣ много разговоровъ о Гаити — и вотъ причина названія.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О Драматической Поэзіи и Теоріи Изящнаго у древнихъ и новыхъ народовъ.

(Окончаніе.)

Сначала будемъ говорить о Древнихъ, потомъ о ихъ послѣдователяхъ (истинныхъ и мнимыхъ) между Новыми, наконецъ о лѣхъ поэтахъ, между сими послѣдними, которые не заботились о классическихъ образцахъ, или съ обдуманнымъ намѣреніемъ уклонялись отъ нихъ и шли своимъ путемъ.

Между древними Драматиками важнѣе всѣхъ Греки. Римляне, прежде переводчики Греческихъ Авторовъ въ семъ родѣ Литературы, потомъ подражатели ихъ — и всегда несчастные подражатели. Впрочемъ, отъ нихъ и менѣе осталось опытовъ. У новыхъ народовъ, особенно у Италіянцовъ и Французовъ, видимъ стараніе возстановить и гдѣ возможно усовершенствовать Греческую сцену. Болѣе или менѣе, осо-

бенно въ позднѣйшее время, видимъ то
стремленіе и у другихъ въ Трагедіи, и
въ комическомъ родѣ болѣе господствова
ша форма, какую находимъ у Плавта
Теренція. Изъ подражательныхъ сколко
древней Трагедіи, сцена Французская ест
явленіе блистательнѣйшее, заслужив
величайшую извѣстность, и потому о
заслуживаетъ разсмотрѣніе болѣе внима
тельное. Къ ней присоединились новѣйш
Итальянцы, на примѣръ Метастазіо
Альфіери. Драма Романтическая, ко
рую собственно не льзя назвать ни Тра
гедіею, ни Комедіею, въ смыслѣ Древних
возродилась у Англичанъ и Испанцовъ и в
одно время у обоихъ народовъ, именно
съ небольшимъ за двѣсти лѣтъ нача
процвѣтать у Англичанъ съ шекспиром
у Испанцовъ съ Лопецомъ-де-Вегою.

Нѣмецкій театръ есть младшій из
всѣхъ. Онъ испыталъ многоразличныя вл
янія отъ всѣхъ своихъ предшественников
почему будемъ говорить о немъ послѣ дру
гихъ, и такимъ образомъ, намъ можн
будетъ лучше разсмотрѣть его прошедш
направленія и раскрыть виды въ будущем

Предполагая обозрѣть исторію Гр
ческаго и Римскаго, потомъ Италіянска
и Французскаго, наконецъ Англинскаго
Испанскаго Театровъ, разумѣется, я до
женъ буду обозрѣвать и излагать тол
ко существеннѣйшее. Разсматривая
общемъ, мы ограничимся однимъ р

домъ Поэзіи; но и здѣсь подробный обьемъ остался-бы необозримымъ, если-бъ мы стали разбирать какой нибудь частный родъ драмы: одними фарсами можно зачитаться до смерти Въ литературныхъ исторіяхъ, обыкновенно, стихотворцы одного языка и одного рода, безъ всякаго раздѣленія, стоятъ одинъ подлѣ другаго, также какъ въ старинныхъ универсальныхъ Исторіяхъ Ассирійскіе и Египетскіе Цари. Есть люди, одаренные непреодолимою страстью къ названіямъ книгъ: какъ весело имъ умножать число названій книгъ! Это тоже что въ исторіи какой нибудь войны именовать всѣхъ воиновъ, сражавшихся другъ подлѣ друга. Тамъ надобно говорить о военачальникахъ и людяхъ отличившихся необыкновенными подвигами; тоже и въ сраженіяхъ духа человѣческаго, если осмѣлюсь такъ выразиться: и здѣсь бываютъ рѣшителями немногіе герои, одаренные геніемъ; слѣдовательно: въ Исторіи развитія искусства и его различныхъ видовъ должно изобразить характеристику только немногихъ, творящихъ умовъ.

Послѣ всего нами сказаннаго, не приступая еще къ историческому обозрѣнію, необходимо должно опредѣлить главное понятіе словъ: *Драматическое*, *Театральное*, *Трагическое и Комическое*.

Что есть Драматическое? Многіе легко разрѣшатъ этотъ вопросъ слѣдующими

словами: »Драматическое есть то, что изображается разговоромъ разныхъ лицъ, гдѣ Поэтъ ничего не говоритъ отъ своего лица.« Но это одно наружное основаніе формы: она разговорная. Когда лица изъясняютъ свои мысли и чувствованія другъ другу, но не производятъ никакой перемѣны въ сущности, и въ окончаніи всѣ находятся въ томъ расположеніи духа, въ какомъ были при началѣ — разговоръ ихъ можетъ быть по содержанію замѣчательнымъ; но гдѣ тутъ *Драматическій интересъ?* Для ясности представляю въ примѣръ спокойнѣйшій и не для сцены назначаемый родъ сочиненій: Философскіе разговоры. Когда, у Платона, Сократъ спрашиваетъ надмѣннаго Софиста Гиппія: *что такое Изящное?* и тотъ начинаетъ поверхностнымъ отвѣтомъ; но принужденный остроумными оборотами Сократа отказаться отъ перваго изъясненія и тщетно искавши другихъ отвѣтовъ, со стыдомъ и съ досадою на превосходнаго Философа, обличившаго его невѣжество, оставляетъ поле сраженія — разговоръ не просто *поучаетъ философически*, но онъ занимаетъ насъ какъ небольшая Драма. И справедливо прославляютъ въ разговорахъ Платона живое движеніе въ ходѣ мыслей, направленіе къ развязкѣ — однимъ словомъ — *Драматическое.*

Здѣсь уже понятна вся прелесть Драматической Поэзіи. *Дѣятельность* есть

истинное наслажденіе жизнію, скажемъ болѣе — *сама жизнь*. Страдательныя наслажденія могутъ доставить усыпительную пріятность; но и тамъ, если не присутствуетъ внутренняя дѣятельность — скука не избѣжна. Многіе люди, по своему положенію или по неспособности къ необыкновеннымъ усиліямъ, заключаютъ себя навсегда въ тѣсномъ кругѣ ничтожной дѣятельности. Дни ихъ повторяются по усыпительному закону привычки, жизнь подвигается впередъ не замѣтно и изъ кипящей рѣки, которой уподоблялась она страстями юности, дѣлается неподвижнымъ болотомъ. Отъ того сіи люди чувствуютъ неудовольствіе и стараются избавиться отъ него всѣми возможными играми, всегда состоящими изъ произвольно данныхъ трудностей, борьба съ которыми составляетъ легкое занятіе. Но между всѣми играми, театральная, безспорно, есть занимательнѣйшая. Мы видимъ дѣйствіе, оставаясь въ нѣкоторомъ бездѣйствіи. Высочайшій предметъ человѣческой дѣятельности есть *человѣкъ*, а въ театральномъ представленіи мы видимъ людей (человѣковъ) въ счастливыхъ или несчастныхъ дѣйствіяхъ, мѣряющихъ другъ съ другомъ свои силы, дѣйствующихъ другъ на друга, какъ прилично разумнымъ существамъ, мнѣніями, чувствами, страстями и рѣзко изъясняющихъ свои взаимныя отношенія. Удале-

ніемъ всего не принадлежащаго къ существу, всего, что въ настоящемъ быту прерываетъ существенный ходъ дѣйствій дневными необходимостями и мѣлкими занятіями — искуство Поэта умѣетъ соединить въ тѣсномъ объемѣ многое, приковывающее вниманіе и ожиданіе. Поэтъ представляетъ намъ оживленную картину жизни, извлеченіе всего разительнаго, двигающаго человѣческое бытіе.

Но это еще не все. Въ простомъ оживленномъ разсказѣ люди часто заставляютъ говорить самихъ дѣйствующихъ лицъ и отъ того перемѣняютъ голосъ и тонъ; недорисовки, пропуски, остающіеся въ разсказѣ за сими введеніями лицъ, повѣствователь наполняетъ отъ своего лица изображеніемъ побочныхъ дѣйствій и случаевъ. Драматическій Поэтъ отказывается отъ сего пособія и умѣетъ замѣнить его; но какъ? Онъ желаетъ, чтобы каждое изъ его дѣйствующихъ лицъ было представляемо дѣйствительно человѣкомъ; чтобы сей человѣкъ былъ сколько возможно сходнѣе съ замѣняемымъ имъ лицомъ по роду, возрасту и виду, даже принялъ-бы всѣ его особенности, сопровождалъ каждую рѣчь приличнымъ выраженіемъ голоса, движеніемъ, присовокупляя къ тому наружныя отношенія, которыя иначе для уразумѣнія должно-было разсказывать зрителямъ. Еще бо

лѣе: заступившій мѣсто поэтическаго созданія *долженъ* явиться въ приданномъ ему состояніи, возрастѣ, даже въ одеждѣ приличной его странѣ, *для большаго сходства*, и *для того что* въ платьѣ находится нѣчто характеристическое. Наконецъ, Поэтъ хочетъ видѣть дѣйствующихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначено дѣйствіе, или по крайней мѣрѣ въ подобномъ тому, ибо это также способствуетъ созерцанію — и онъ переноситъ ихъ на сцену. Все это ведетъ насъ къ понятію *театральнаго*. Ясно, что въ самой формѣ Драматической Поэзіи, то есть, *представленіи дѣйствія посредствомъ разговора, безъ разсказа*, заключается требованіе Театра, какъ необходимаго дополненія. Конечно, есть Драматическія сочиненія, первоначально не назначенныя авторами для сцены и которыя даже не произвели-бы тамъ особеннаго дѣйствія, хотя въ чтеніи они остаются превосходны; но я сомнѣваюсь, чтобы на того, кто никогда не видывалъ сцены и ничего о ней не слыхивалъ, они произвели столь живое впечатлѣніе, какъ на насъ. Мы неразлучно привыкли, при чтеніи Драматическаго сочиненія, воображать его представляемымъ на сценѣ.

Изобрѣтеніе театральнаго искуства и Театра очень естественно. Человѣкъ одаренъ великою наклонностью къ Мимикѣ, ибо онъ быстро принимаетъ положенія,

ощущенія и страсти другаго, и почти невольно выражаетъ ихъ въ своей наружности. Дѣти безпрестанно подражаютъ: любимая ихъ игра — представлять взрослыхъ людей, которыхъ они имѣютъ случай наблюдать, или даже представляютъ что имъ вздумается, а при счастливой гибкости воображенія имъ все хорошо. Они принимаютъ видъ достоинства и поставляютъ себя на мѣсто отца, учителя и Короля. Одинъ шагъ потребенъ для изобрѣтенія Театра, именно: отдѣлить мимическіе элементы и сцены изъ общественной жизни и представить ихъ въ противуположной съ нею общности; но многіе народы не сдѣлали этого шага. Въ подробныхъ описаніяхъ древняго Египта у Геродота и другихъ я не нахожу никакого слѣда У Этрусковъ напротивъ, во многомъ сходныхъ съ Египтянами, были уже театральныя представленія, и, довольно странно, Этрусское названіе актера, histrio, сохранилось въ живыхъ языкахъ до новѣйшихъ временъ. Весь древній Азіятскій Востокъ, Арабы и Персіяне, при столь богатыхъ поэтическихъ Литературахъ, не знали Театра. Европа въ средніе вѣки тоже: при введеніи Христіанства существовавшіе у Грековъ и Римлянъ Театры были уничтожены, потому, что они относились къ язычеству и въ основаніи имѣли дерзкую безнравственность. Почти тысяча лѣтъ прошло,

прежде нежели они были возстановлены. Даже въ четырнадцатомъ столѣтіи, у Боккачіо, который очень вѣрно рисуетъ весь объемъ общественной жизни, мы не находимъ ничего о Театрѣ Одни Conteurs, Menestriers и Jongleurs занимались имъ. Впрочемъ никакъ не льзя подумать, чтобы изобрѣтеніе Театра было сдѣлано во всемъ свѣтѣ одинъ разъ и всегда переходило отъ одного народа къ другимъ. Англичане, объѣхавшіе кругомъ свѣта, разсказываютъ, что у островитянъ Южнаго моря, которые во всѣхъ умственныхъ способностяхъ и въ образованіи стоятъ на низшей степени, они видѣли (хотя и грубыя) представленія, гдѣ изображаются для забавы обыкновенныя происшествія жизни Перейдемъ въ другую часть свѣта: у народа, отъ котораго разлилось, можетъ быть, все просвѣщеніе человѣчества — у Индійцовъ, Театръ существовалъ гораздо прежде всякаго чуждаго вліянія. У нихъ была, что очень недавно узнали въ Европѣ, богатая Драматическая Литтература, древность которой восходитъ до двухъ тысячь лѣтъ. Образцомъ ихъ театральныхъ сочиненій служитъ у насъ до сихъ поръ одна прелестная Саконтала, которая, при чуждомъ своемъ колоритѣ, въ строеніи цѣлаго имѣетъ такое разительное сходство съ нашею романтическою драмою, что надобно-бъ было подозрѣвать, не придалъ-ли ей этого сходства Англин-

ский переводчикъ Джонесъ, изъ особенной
любви къ Шекспиру, если-бы другіе уче-
ные не утвердили вѣрности его перевода.
Въ золотое время у Индійцовъ представ-
леніе сего Наиака увеселяло блестящій
Дворъ Делійскій; но при многочисленныхъ
бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, театральное
искуство, кажется, погибло тамъ на
всегда. У Китайцовъ, напротивъ, есть
свой собственный Театръ, и вѣроятно
свой во всѣхъ отношеніяхъ: я увѣ
ренъ, что въ утвержденіи произволь-
ныхъ правилъ и въ точномъ соблюденіи
незначительныхъ приличій, они далеко
оставятъ за собою самыхъ строгихъ Евро-
пейцовъ. Послѣ среднихъ вѣковъ, когда на
новыхъ Европейскихъ Театрахъ въ пят-
надцатомъ столѣтіи начали появляться
аллегорическія и духовныя пьесы, назы-
вавшіяся нравоученіями и мистеріями
это дѣлалось совершенно безъ всякаго
дѣйствія со стороны классическихъ дра-
матиковъ, явившихся гораздо позже. В
сихъ грубыхъ началахъ заключалось зерно
романтической Драмы, какъ самобытна-
го изобрѣтенія.

Но при такой всеобщности театраль-
ныхъ увеселеній, опять удивительно, от
чего происходитъ различіе драматическо
способности у народовъ, равно умныхъ,
такое различіе, что, кажется, способност
къ Драматической Поэзіи совсѣмъ отлич
на отъ поэтическаго дара вообще. Про

тивоположность Грековъ и Римлянъ не удивляетъ насъ въ этомъ случаѣ, потому, что Греки были преимущественно обладавшій искусствами, а Римляне практическій народъ. У послѣднихъ Изящныя Искусства были введены единственно какъ пагубная, возвѣщающая паденіе и ужасная роскошь. Эта роскошь вразсужденіи Театра была у нихъ столь велика, что существенное совершенство скоро было вытѣснено побочными украшеніями. И у Грековъ, Драматическая Поэзія всего менѣе была общею. Въ Аѳинахъ былъ изобрѣтенъ Театръ, и въ Аѳинахъ доведенъ до совершенства: Дорическія Драмы Эпихарма здѣсь неважное исключеніе. Всѣ великіе Драматики Греческіе родились въ Аттикѣ и образовались въ Аѳинахъ. Какъ далеко ни распространились Греки, какъ счастливо ни упражнялись они почти повсюду въ Изящныхъ Искусствахъ, но внѣ Аѳинъ они умѣли только удивляться Аттической сценѣ и не могли состязаться съ нею.

Гораздо удивительнѣе великое различіе въ этомъ родѣ между Испанцами и ихъ сосѣдями, ихъ родными по происхожденію и по языку, Португальцами. Испанцы обладаютъ безмѣрными богатствами въ Драматической Литературѣ; обиліемъ Драматики ихъ равняются съ Греками: у нихъ также находимъ по сту пьесъ на Автора. Но какъ-бы ни судили ихъ, никто не отказывалъ имъ

въ творческой силѣ изобрѣтенія: ее призна-
ли слишкомъ *дѣйствительно*, ибо Италіян-
цы, Французы, Англичане, пользовались
богатыми вымыслами Испанцовъ, и часто
не показывали источниковъ. Португальцы,
которые идутъ на ряду съ Испанцами въ
другихъ родахъ Поэзіи, напротивъ почти
ничего не сдѣлали въ этомъ родѣ, и даже
никогда не имѣли національнаго Театра:
къ нимъ пріѣзжали бродящіе Испанскіе ко-
медіянты, и они забавлялись въ театрѣ,
слушая чужое нарѣчіе, не совсѣмъ понят-
ное безъ изученія, но сами не изобрѣли не
перевели ничего и даже ничему не подра-
жали.

Обладая многими талантами въ Иску-
ствахъ и въ Литературѣ, Италіянцы не
превосходствуютъ въ Драматическомъ, и
этотъ недостатокъ, кажется, наслѣдован-
ими отъ Римлянъ, также какъ природный
ихъ, великій мимическій талантъ къ буф-
фамъ перешелъ къ нимъ отъ древнѣйшихъ
временъ. Безъ приготовленія (импровиза-
торски) сочиненныя fabulae Atellanae, един-
ственная, первоначальная, *своя* Драмати-
ческая форма Римлянъ, была, можетъ
быть, касательно плана, несовершеннѣе
такъ называемой commedia dell' arte, импро-
визаторской комедіи съ масками. Вѣроят-
но, въ древнихъ Сатурналіяхъ заключается
начало нынѣшняго карнавала, этого со-
вершенно Италіянскаго изобрѣтенія. У
Италіянцовъ также явились Опера и Ба-

леть, театральныя увеселенія, въ которыхъ драматическое совершенно подчинено музыкѣ и танцамъ.

Если геній Нѣмцовъ развернулся въ области Драмы не съ такою полнотою и легкостью, какъ въ другихъ частяхъ Литературы, причина такого недостатка, можетъ быть, заключается въ истинной особенности. Нѣмцы народъ умозрительный (ein speculatives Volk): они хотятъ посредствомъ размышленія совершенно узнать существо всего, чѣмъ занимаются; именно отъ того у нихъ недостаетъ практики. Чтобы рѣшиться и дѣйствовать вѣрно практически, должно увѣриться, что ученье кончено, и не безпрестанно возвращаться къ испытанію Теоріи своего занятія; даже необходимо надобно утвердиться на какой нибудь извѣстной частности понятія. И особенно въ направленіи и ходѣ театральной пьесы долженъ совершенно господствовать духъ практики. Драматическому Поэту не позволяется мечтать духовно: онъ долженъ идти къ своей цѣли прямою дорогою, а Нѣмецъ такъ легко на пути теряетъ изъ виду свою цѣль! Къ тому, въ Драмѣ должна рѣзко выражаться народность (національность), а Нѣмецкая народность неопредѣленна и не умѣетъ дать себѣ цѣны. Съ благороднымъ стремленіемъ — узнать и присвоить себѣ всѣ чужія совершенства — нерѣдко соеди-

няется худая оцѣнка собственнаго достоинства. Отъ того нашъ театръ, въ формѣ и въ содержаніи слишкомъ много и не всегда къ добру испытывалъ чуждое вліяніе. Назначеніе наше конечно состоитъ не въ жалкомъ повтореніи Греческаго или Французскаго, Испанскаго или Англинскаго Театровъ, но, какъ мнѣ кажется, мы стремимся найти форму истинно поэтическую, которая заключала-бы въ себѣ всѣ формы, исключая основанную на принятой обычаемъ. Въ содержаніи должна преимущественно господствовать народность. . .

Статистическое обозрѣніе свѣта.

(Окончаніе.)

КИТАЙ. *Пространство.* Послѣ Россіи самое обширнѣйшее Государство въ свѣтѣ — 252,448 кв. миль, въ томъ числѣ собственно Китай болѣе 61 т., Манджурія Монголія и Турфань болѣе 153 т. и зависящія отъ Китая — Тибетъ, Бутанъ, Корея и Ликеіоскіе острова болѣе 38 т. миль.

Народонаселеніе. Многолюднѣйшее въ свѣтѣ Государство — около 300 милліоновъ жителей. На квадр. милю въ Китаѣ болѣе 4000 ж., въ Манджуріи и Монголіи около 50 человѣкъ. Всѣхъ городовъ около 1,600, въ томъ числѣ около 20 болѣе 100 т

жителей. Столица *Пекинъ*, $1\frac{1}{2}$ милліона жителей. — *Роды.* Китайцовъ болѣе 253 милл., Манджуровъ бол $1_{\frac{1}{2}}$ милл., Монголовъ болѣе $\frac{1}{2}$ милліона. *Вѣра.* Многоразлична. *Войскъ*, болѣе милліона. *Доходы*, болѣе 340 милліоновъ гульденовъ.

ЯПОНІЯ. *Пространство.* 12,569 кв. м. *Народонаселеніе.* Болѣе 40 милліоновъ. Столица *Іеддо*, величайшій въ свѣтѣ городъ — 1,680.000 жителей. — *Войскъ*, бол. 100 т. — Вообще извѣстія о Японіи весьма неудовлетворительны и земля сія малоизвѣстна.

ОСТРОВА ИНДІЙСКАГО ОКЕАНА.

1. *Суматра*, 6,489 кв. миль и 7 милліоновъ жителей (примѣрно). — Здѣсь, кромѣ Европейскихъ владѣній, важнѣйшія владѣнія *Атшинъ* и *Менанкабо.*

2. *Борнео*, болѣе 10.000 кв. миль и (примѣрно) 3 милліона ж Хотя здѣсь есть Европейскія владѣнія, но островъ сей мало извѣстенъ.

3. *Целебесъ*, $2,590\frac{1}{2}$ кв. миль и 3 мил. жителей. Здѣсь, кромѣ Европейскихъ владѣній, важнѣйшія Государства *Макассаръ* и *Боні*

4. *Ява* и *Мадура*, $2,354\frac{1}{2}$ кв. мили и болѣе 4.800,000 жителей. Ими владѣютъ Нидерланды.

5. *Малые острова*, какъ-то: *Тиморъ*, *Бали*, *Ломбокъ* и проч. мало посѣщаются Европейцами. Пространство около 1700 кв. миль, съ 2 милліонами жителей.

6. *Молукскіе*, изъ коихъ главные *Бандскіе*, *Амбоинскіе*, *Тернатскіе*, 1 694 кв. м. и болѣе милліона жителей. Здѣсь владѣнія Европейцовъ.

7. *Сулуескіе*, 621 кв. м. и съ 280 т. ж., владѣніе Сулугскаго Султана, одного изъ сильнѣйшихъ Государей на островахъ Индійскаго Океана.

8. *Магинданао*, около 1,200 кв. миль и болѣе милліона жителей. Испанцы владѣютъ небольшимъ участкомъ.

9. *Филиппинскіе*, 6,000 кв. миль и $4\frac{1}{2}$ милл. жителей. Испанцы владѣютъ здѣсь 2,529 кв. милями и болѣе $2\frac{1}{2}$ милл. жителями.

10. *Около Западнаго полуострова Индіи лежащіе.* А. *Зейланъ* (Цейланъ), богатѣйшій островъ, принадлеж. Великобританіи (около 1000 кв. м. и болѣе 800 т. ж.). — Б. *Острова Малдивскіе* и *Лакедивскіе* (100 кв. м. и 100 т. ж.).

11. *Около Восточнаго полуострова Индіи лежащіе.* А. *Андаманскіе* и *Никобарскіе.* — Б. *Мергуйскіе*, принадл. Бирманамъ. С. *Островъ Принца Валлійскаго.*

12. *Острова между Австраліи и Африки.* Земля *Кергелена*, *Амстердамъ Діего-Гарція* и проч. до 700 кв. м.

АФРИКА.

МАРОККО. 15 712 кв. миль и до 15 милл. жителей. Здѣсь заключаются *Фецъ*, *Марокко*, *Сусъ*, *Тафилетъ*, *земля* Берберовъ, земля Бледъ-Сиди-Эссемь. — Главные города *Фецъ*, 100 т. ж. — Марокко — 80 т. —

АЛЖИРЪ. 8,975 кв. миль и $2\frac{1}{2}$ милл. ж. — Главный городъ *Алжиръ*, до 90 т. ж.

ТУНИСЪ. 3,533 кв. мили и $4\frac{1}{2}$ милл. ж. Гл. городъ *Тунисъ*, болѣе 100 т. ж.

ТРИПОЛЬ. 18,758 кв. миль и $2\frac{1}{2}$ милл. жителей. Здѣсь Государства *Триполь* и *Феццанъ* и земли *Барка* и *Ливія*.

ОТТОМАНСКІЯ ВЛАДѢНІЯ. Здѣсь *Египетъ*, 8,793 кв. м. и до 4 милл. жителей. Главнѣйшій городъ *Каиръ*, 400 т. ж. — *Нубія*, 4,167 кв. миль и 100 т. ж.

НУБІЯ НЕЗАВИСИМАЯ. 10,273 кв. мили и 2 милл. жителей. Важнѣйшая земля *Фунги*.

ХАБЕШЬ или АБИССИНІЯ. 16,200 кв. миль и 4 милл. жителей. Здѣсь Государства *Тигре*, *Амгара*, *Эфатъ* и проч.

СУДАНЪ или НИГРИЦІЯ И САХАРА. 115,646 кв. м. и 20 милліоновъ жителей (?). — Степь *Сахара*, полагается въ 53,601 кв. м. съ милліономъ жителей. Въ Суданѣ главн. Государства *Борну*, *Борго*, *Фуръ*, *Хаусса*, *Вассаннахъ*, *Томбукту*, *Бамбарра*.

СЕНЕГАМБІЯ. 29,070 кв. м. и 12 милліоновъ жит. Множество Государствъ Европейцы владѣютъ $130\frac{1}{2}$ кв. милями и 60 т. ж.

ГВИНЕЯ. 34,200 кв. миль и 10 милл. жителей. Главное Государство *Ашантіевъ*, полагаютъ до милліона жителей; далѣе Государства *Дагомъ* и *Бенинъ*. Европейцы владѣютъ 21 кв. мил.

НИЖНЯЯ ГВИНЕЯ. 15,750 кв. миль и 5 милл. жителей (?). — Здѣсь *Лоанго*, *Конго*, *Анголa*, *Матамба* и *Бенгуэла*. Есть владѣнія Европейцовъ.

СРЕДНЯЯ АФРИКА. 272,440 кв. миль. Почти неизвѣстна. — Ein Blanket auf der Charte, ein Blanket in der Erdkunde und Statistik, говоритъ Гассель. Жителей *полагаютъ* 15 милл.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ АФРИКИ. 47,925 кв. миль и 4 милліона жителей (?). — Здѣсь земли: *Аянъ*, *Занзебаръ*, *Мозамбикъ*, *Софала*, *Наталь* и проч. Европейскія владѣнія 15,500 кв. миль, съ 286,700 жит.

ЗЕМЛЯ КАПСКАЯ (Мысъ Доброй Надежды) принадлежитъ Великобританіи. 5,68 кв. миль и 249,200 ж. (въ 1822 г.).

АФРИКАНСКІЕ ОСТРОВА.

I. *Восточные*. 9,554 кв. м. и болѣе 4 милл. жит. Здѣсь: *Мадагаскаръ*, 8,981 кв. миля, 4 милл. жителей. — *Коморинскіе*, 90 кв. м. и болѣе 100 т. ж. — *Остр. Св. Маврикія*, прин. Великобританіи — *Иль-де-Франсъ*, принадл. Франціи — *Сокотора*, принадл. Арабамъ.

II. *Западные*. 425½ кв. м. и болѣе 600 т. ж. Здѣсь: *Остр. Тристанъ-де-Акунга* и *Вознесенія*, необитаемы — *Св. Елены*, Великобританскій — *Гвинейскіе*, принадл. Испаніи и Португаліи — *Зеленаго мыса*, *Мадера и Азорскіе*, Португальскіе, и *Канарскіе*, прин. Испанцамъ.

АМЕРИКА.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Республика, состоящая изъ 31 области.

Пространство. 113,802 кв. м.

Народонаселеніе. 10,645,600 (въ 1824 г.) — въ томъ числѣ Европейскаго происхожденія около 8, Негрскаго около 2, Американскаго болѣе $\frac{1}{2}$ милліона. Важнѣйшіе города: *Нью-Іоркъ*, 123,700 ж. — *Филадельфія*, 108,116 ж. — *Балтиморъ*, 62,627 — *Бостонъ*, 43,298 — *Новый Орлеанъ*, 27,176 — *Чарльстонъ*, 24,780.

Военная сила. Въ 1823 г. 9,980 ч. Милиціи въ 1821 г. около 900 т. ч.

МЕКСИКА съ КАЛИФОРНІЕЮ. Республика, раздѣленная на 15 областей.

Пространство. 72,699$\frac{1}{3}$ кв. миль.

Народонаселеніе. 6,868,400 (въ 1824 г.), въ томъ числѣ Европейцовъ около 1$\frac{1}{2}$ милл., Метисовъ и Мулатшовъ болѣе 2 милл. Глав. городъ *Мексико*, до 150 т. ж. — *Войскъ*, до 24 т. чел.

ГВАТИМАЛА. Республика, союзная съ Мексикою, 15,498 кв. миль и до 1$\frac{1}{2}$ милл. жителей. Гл. городъ *Гватимала*, 30 т. ж.

КОЛУМБІЯ. Республика, раздѣленн. на 10 округовъ.

Пространство. 88,199 кв. м.

Народонаселеніе. 3,363,700 (въ 1824 г.) — въ томъ числѣ Европейцовъ 600 т., Мулатшовъ и Метисовъ болѣе 700 т. — Важнѣй-

шіе города: *Квито*, 70 т. ж. — *Караккасъ*, 42 т. — *Санта-фе-де Богота*, 40 т.

ПЕРУ. Республика, союзная съ Колумбіею.

Пространство. 28,329 кв. миль.

Народонаселеніе. 1,929,300 ж. (въ 1824 г.), примѣрно (полагая въ 1795 г. 1,076,997 ч.). — Гл. городъ *Лима*, 60 т. ж.

ХИЛИ. Республика, союзная съ Колумбіею.

Пространство. Считая Арауканъ, 8,437$\frac{1}{3}$ кв. миль.

Народонаселеніе. 1,656,300 ч. (въ 1824 г.), примѣрно (полагая въ 1778 г. 750 т. ж.) Главн. города: *Сантъ-Яго*, 46 т., и *Консепсіонъ*, 13 т. ж.

БУЭНОСЪ-АЙРЕСЪ *или Дела Плата.* Республика.

Пространство. 67,814 кв миль.

Народонаселеніе. 2 милліона. Главный городъ *Буэносъ-Айресъ*, до 45 т. ж.

БРАЗИЛІЯ. Императоръ Петръ I, род. въ 1798 г.

Пространство. 135,612 кв. миль.

Народонаселеніе. До 4 милліоновъ. — Главн. города: *Ріо-Жанейро*, 120 т. ж., и *Багія*, 100 т. ж.

ГАИТИ. Республика.

Пространство 1,585 кв. миль.

Народонаселеніе 700,000 чел. Глав. городъ *Портъ-о Пренсъ* 16 т ж

ПАТАГОНІЯ *съ Фалкландскими островами.* Кромѣ Европейскихъ владѣній, здѣсь

полагается (считая и *Огненную землю*) 24,029 кв. миль и 150 т. ж. (?).

ОСТРОВА ГАЛЛАПАГОССКІЕ. $209\frac{1}{3}$ квад. миль. Необитаемы.

ПОЛЯРНЫЯ ЗЕМЛИ. 108,195 кв. м. — Здѣсь заключается: *островъ Шпицбергенъ*, *Гренландія* (съ Датскою колоніею), *Лабрадоръ*, *Земли около Гудзонова* (къ Сѣверу) *залива* и *около Баффинова залива* — (на нихъ полагаютъ болѣе 20 т. жителей). — *Сандвичева земля*, *Южная Георгія* и *Южная Шетландія*, необитаемы.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ ВЪ АМЕРИКѢ, показаны будутъ особо.

АВСТРАЛІЯ.

АВСТРАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ или *Новая Голландія*. Она извѣстна только по берегамъ. *Пространство*, 138 375 кв. миль, — Колоніи Англинскія заключаютъ 3,218 кв. миль, съ 34,200 ч. ж. — Глав. городъ *Сидней-таунъ* 13 400 ж. (въ 1823 г.). — Природныхъ жителей полагаютъ 100 т. ч. (?).

БОЛЬШІЕ ОСТРОВА. 18,968 кв. миль — жителей болѣе 800 т. ч. — Здѣсь заключаются *Новая Гвинея*, *Новая Британія*, *Новая Ирландія*, *Новая Георгія*, *Новая Каледонія*, *земля Ванъ-Діеменъ*.

МАЛЫЕ ОСТРОВА. 1960 кв. миль — жителей болѣе $1\frac{1}{2}$ милліона. Здѣсь заключаются:

1. *Сѣверные: Сандвичевы, Мульграновы, Каролинскіе, Пелевскіе, Маріаннскіе или Разбойничьи.*

2. *Южные: Крестовскіе, Луизіядскіе, Ново-Гебридскіе, Свят. Духа, Кермандескіе, Дружества, Фиджи, Мореплавателей, Роггевейновы, Общества и Маркизскіе.*

3. *Низменные и Отдѣльные: Рюрика и Румянцова, Монтевердскіе, Питкаирнъ*, и проч.

Владѣнія Европейцовъ въ другихъ частяхъ свѣта суть слѣдующія:

Великобританскія, въ Америкѣ, 102,184$\frac{3}{4}$ кв. миль, съ 1,971,700 жит. — Здѣсь заключаются: 1-е *владѣнія въ Сѣверной Америкѣ* (Канада, Ньюфоундландъ, Бермудскіе острова и проч.); 2-е *острова Антильскіе* (Ямайка, Барбадосъ, Сенпъ-Люція, Богамскіе, и проч.); 3-е *влад. въ Южной Америкѣ* (часть Гвіаны и проч.). *Въ Африкѣ*, 5,688 кв. м. и 249,200 ч. ж. — Здѣсь заключаются: 1-е *Капская земля и колоніи на Западномъ берегу* (Сіерра-Леона и проч.) — 2-е *Острова* (Маврицій, Сешель и друг.). — Въ Азіи) кромѣ владѣній Ость-Индской Компаніи) *Цейланъ* и проч. 978$\frac{1}{3}$ кв. м. и 830,000 ж. — въ Австраліи, 4,516 кв. миль и 42 ц. ж. (Нов. Юж. Валлисъ въ Нов. Голл. и друг.).

Французскія, *въ Съв. Америкѣ* 6$\frac{1}{5}$ кв. миль и 2000 ж., *Антильскіе острова* (Мартиника, Гваделупа и проч.), 59$\frac{1}{4}$ кв. м. и 253,800 ч. ж. — Въ *Южной Америкѣ* (Гвіана и проч.), 430 кв. м. и 16,700 ж. — Въ Африкѣ (*Сенегалъ и острова*), 142 кв. м.

и 100 т. ж. — Въ Азіи (*Остъ-Индскія влад.*), 20 кв. м. и 96 т. ж.

Испанскія, въ Азіи (Филиппинскіе и друг. острова) 2,390 кв. м. и 2,647,500 ж. — *Въ Африкѣ* (Канарскіе остр. и влад. на Сѣв. и Запад. берегу), 163 кв. м. и 227,400 ж. — *Въ Америкѣ* (остр. Куба, Портопико и друг.), 2,498 кв. м. и 707,700 ж. — *Въ Австраліи* (Маріанскіе остр.) $57\frac{1}{3}$ кв. м. и 5,800 ж.

Португальскія, въ Африкѣ (остр. Мадера, Азорскіе, Зеленаго мыса, часть Анголы и Мозамбика), $28,489\frac{3}{4}$ кв. м. и 1,057,000 ж. — *Въ Азіи* (часть Индіи, Макао и на Тиморѣ), $312\frac{1}{2}$ кв. м. и 575,900 ж.

Нидерландскія, въ Азіи (Ява и другіе острова), 3,769 кв. м. и 6,538,300 ж. — *Въ Африкѣ* (влад. на Зап. берегу), 5 кв. м. и 15 т. ж. — *Въ Америкѣ* (Суринамъ и Антил. остр.), 505 кв. м. и 90 т. ж.

Шведскія, въ Африкѣ (остр. Св. Варѳоломея), $2\frac{3}{4}$ кв. м. и 18 т. ж.

Датскіе, въ Америкѣ (Гренландія и Антил. остр.), $208\frac{1}{5}$ кв. м. и 53,700 ж. — *Въ Азіи* (влад. въ Остъ-Индіи), 4 кв. м. и 25 т. ж. — *Въ Африкѣ* (влад. на Запад. берегу), 11 кв. м. и 3,000 ж.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. Если, слѣдуя показанію Гасселя, положить *пространство Россіи* 367,494 кв. м. и *народонаселеніе* 59,263,700 чел. (считая въ Америкѣ 24 т. кв. м. и 50 т. ж., въ вол. городѣ Краковѣ $23\frac{1}{5}$ кв. м. и 96 т. ж. и въ

Киргизской степи 31,681 кв. м. и 360 т. ж.), выходитъ:

Пространство земнаго шара, 2,461,023 кв. мили, изъ коихъ, Европа, болѣе 155 т., Австралія, болѣе 159 т., Африка, болѣе 511 т., Америка, болѣе 816 т., Азія, болѣе 818 т. кв. миль.

Народонаселеніе, 938,421,000, изъ коего, въ Австраліи, болѣе $2\frac{1}{2}$ милліоновъ, въ Америкѣ болѣе 38 милл., въ Африкѣ болѣе 104 милл., въ Европѣ болѣе 206 мил. въ Азіи болѣе 586 милліоновъ человѣкъ. *Роды.* I. *Кавказскаго поколѣнія*, 436,625,000. Оно раздѣляется на 12 отродій: Кавказское собственно (Черкесы, Грузины и проч.), Семитическое (Арабы, Мавры, Жиды, Армяне и проч.), Индійское, Татарское, Греческое, Арнаутское, Славянское, Германское, Латинское, Киммерійское, Цельтское и Иберійское. — II. *Монгольскаго поколѣнія*, 389,375,700. — Оно раздѣляется на 13 отродій: Монгольское собственно, Маджарское, Тангутское, Китайское, Бирманское, Сіамское, Анамезатское, Японское, Манджурское, Чудское, Камчадальское, Самоѣдское и Эскимосское. — III. *Малайскаго поколѣнія*, 32,500,000. — Оно раздѣляется на 3 отродія: Малайское собственно, Цингалезское, Австральное. — IV. *Эѳіопскаго поколѣнія*, 69,633,300. — Оно раздѣляется на 4 отродія: Негрское, Кафрское, Готтентотское и Папуаское. — V. *Американскаго поколѣ-*

нія, 10,287,000. — Оно раздѣляется на 4 отродія: Сѣверо-Американское, Юго-Американское, Караибское и Пешересское (на Огненной землѣ).

Вѣра I. *Народовъ Христіанскаго исповѣданія*, 382,823,700 (изъ сего числа Восточной церкви 62,042,000, Западной церкви 190,523,700). — Раздѣляются на 9 отдѣленій: Грекороссійское, Саббейское, Католическое, Лютеранское, Реформатское, смѣшанное (Арминіяне, Социніяне, Методисты, Меннонисты, Баптисты, Квакеры и проч.). II. *Народовъ признающихъ единаго Бога*: 1. *Музульманскаго исповѣданія*, 120,105,000, 2. *Іудейскаго испов.* 3,930,000, 3. *Сеикскаго исповѣданія* 3 милліона, 4. *Конфуціева* 3 милліона, 5. *Парсскаго* 223,000. III. *Народовъ признающихъ многихъ боговъ* или *идоловъ* 477,530,000. — Раздѣляются на Браминовъ, Буддистовъ, Синтовъ, Таотсовъ. IV. *Народовъ слѣдующихъ неопредѣленнымъ понятіямъ о Богѣ* (Шаманскаго и Фетишскаго послѣдованія) 78,067,300 чел.

Величайшія Государства въ мірѣ — по пространству: — Россія, 375 т. кв. миль, Китай, 252 т. кв. миль, Великобританія, 182 т. кв. миль. *Малѣйшее Государство въ мірѣ* — республика Санъ-Марино, 1 кв. миля; *по народонаселенію* — величайшія: Китай, 293 милліона, Великобританія, 136 милл., Россія, 59 милл. —

Малѣйшее: Княжество Лихтенштейнъ — 5,800 человѣкъ.

Самое многолюдѣйшее мѣсто въ мірѣ: Гамбургскія владѣнія — 18,944 чел. на одну кв. милю; *самое малолюдѣйшее*: Южная Америка — 29 чел. на одну кв. милю.

Величайшіе города въ мірѣ: Эддо, въ Японіи, 1,680,000; Пекинъ, въ Китаѣ, 1,500,000; Лондонъ, въ Англіи, 1,274,600. — Вообще полагаютъ до 90 городовъ, въ которыхъ болѣе 100 т. жителей.

По числу учащихся выходитъ, что во Франціи находится въ учебныхъ заведеніяхъ одинъ изъ 30, въ Англіи и Голландіи 1 изъ 16, въ Пруссіи 1 изъ 18, въ Португаліи 1 изъ 80, въ Сѣверной Америкѣ 1 изъ 4.

Описаніе Россіи, изданное въ 1650 году, въ Голландіи.

(Окончаніе.)

Въ дѣлахъ уголовныхъ, половина имѣнія осужденнаго преступника описывается въ казну, четверть отдается доносителю, а судьи получаютъ послѣднюю четверть. Судъ, въ которомъ производятся сіи дѣла, называется *Разбойный* (Roisboinam). *Разрядными* (Судьямъ?) опредѣлены большіе ежегодные доходы, на кото-

рые они содержатъ войско; но какъ Рус-
ское Государство очень рѣдко бываетъ
безъ военныхъ дѣйствій, то большая
часть сихъ доходовъ остается и обра-
щается опять въ казну, такъ что нерѣд-
ко возрастаетъ сія сумма до 250,000 руб.
Точно также бываетъ и при должности
того чиновника, коего называютъ (Судья)
Стрѣлецкій. Ему поручаютъ извѣстные
годовые доходы для выдачи жалованья пи-
щальникамъ, содержащимъ караулъ какъ
во дворцѣ Государя (числомъ 12 тысячъ),
такъ равно и въ другихъ мѣстахъ. Такая-
же должность и *Приказа Нѣмецкаго*, т.
е. содержатъ войска, и наконецъ, есть еще
Приказъ *Пушкарскій*, коему присвоены
доходы для содержанія военныхъ снаря-
довъ и храненія пороха: что по окончаніи
года остается, то обращается въ Госу-
дарственную казну или *большой приходъ*
(polsha prechod), такъ что общая сумма, по-
ступающая въ *большой приходъ*, ежегодно
простирается до 800,000 руб. или около
того.

Отчеты отъ всѣхъ сихъ Квесторовъ
подаются въ Государственное Казнохра-
нилище, гдѣ хранятся также всѣ драго-
цѣнности и регаліи: корона, скипетръ,
золотая и серебряная посуда, золотыя и
серебряныя деньги, и проч. Посланникъ
Англійской Королевы, *Эдмій Флетчерд*,
человѣкъ чрезвычайнаго ума, вникнувъ
подробно въ отчеты прихода и расхода,

во времена Ѳеодора, пишетъ, что вообще деньгами входитъ ежегодно въ Царскую казну 1,450,000 рублей, за всѣми расходами, какъ домашними, такъ и военными; но что въ сіи отчеты не полагаются ни драгоцѣнные мѣха, получаемые подъ именемъ подати въ чрезвычайномъ изобиліи изъ Сибири, Печоры и Перміи, и продаваемые пріѣзжимъ купцамъ, ни многія конфискованныя имѣнія осужденныхъ преступниковъ, хотя иногда составляютъ они значительную сумму.

VI. *Монета Россійская.* Монетъ въ Россіи четыре рода: Московскія, Новогородскія, Тверскія и Псковскія. Московская монета не круглая, но продолговатая и почти овальной формы, называется *деньга*, и имѣетъ различныя изображенія. На древнѣйшихъ съ одной стороны изображена роза (ab una parte rosa), а съ другой человѣкъ сидящій на лошади; другія съ обѣихъ сторонъ имѣютъ надписи. Шесть таковыхъ монетъ составляютъ *алтынъ*, двадцать *гривну*, сто *полтину*, двѣсти *рубль*, который на наши деньги равняется шести флоринамъ (ефимкамъ) или Фландрскому фунту. *Тверская* монета имѣетъ съ обѣихъ сторонъ надпись, а цѣною равна съ Московскою. На монетѣ *Новогородской*, съ одной стороны изображенъ Князь, сидящій на престолѣ и предъ нимъ кланяющійся человѣкъ, а съ другой стороны надпись. Монета сія вдвое дороже Москов-

ской. Гривна Новогородская содержитъ въ себѣ 14, а рубль 222 деньги. — *Псковская* монета съ одной стороны представляетъ воловью голову въ коронѣ, а съ другой надпись. Кромѣ того, у Псковитянъ есть еще мѣдная монета, называемая *полани* (polani): шестьдесятъ таковыхъ монетъ равняются цѣною Московской деньгѣ.

Золотыхъ монетъ Русскіе сами не чеканятъ, но употребляютъ по большой части Венгерскія, а иногда и Рейнскія (Rhenanis), и часто перемѣняютъ имъ цѣну. По причинѣ сосѣдства употребляютъ также и Рижскіе рубли (rublis), изъ коихъ каждый равняется цѣною двумъ Московскимъ. Монета Московская дѣлается изъ чистаго и хорошаго серебра, хотя нынѣ бываетъ иногда съ подмѣсью. Почти всѣ Московскіе золотыхъ дѣлъ мастера чеканятъ монету. Кто принесетъ слиткокъ чистаго серебра и пожелаетъ получить за него монетъ, тогда взвѣшиваютъ монеты и серебро, и такимъ образомъ платятъ равное количество. *Сіе выбрано изъ Записокъ Герберштейна.*

Нѣкоторый Англичанинъ, писавшій въ 1554 году, говоритъ, что въ Россіи три рода серебряныхъ монетъ: *полденьга*, *деньга* и *новгрота* (nowgrota), которые равняются Англинскимъ монетамъ: полдинарію, динарію и двумъ динаріямъ. Счетъ сихъ монетъ слѣдующій: полденьга, деньга, алтынъ, рубль: двѣ полденьги

составляютъ деньгу, шестъ денегъ алтынъ; наконецъ 23 (33?) алтына и 2 деньги — рубль.

VII. *Войско Русское.* Русскіе воины (говоритъ Флетчерь) называются *Дѣтьми Боярскими;* они почти всѣ дворянскія дѣти, и по тому самому способны для военнаго достоинства; въ Россіи нѣтъ другихъ Дворянъ, кромѣ военныхъ (?). Дѣти Дворянъ, достигши возраста, въ которомъ можно носить оружіе, записываютъ имена свои у великаго Коннетабля, который даетъ имъ извѣстную часть земель, и по большой части тѣхъ, которыми владѣли ихъ родители. Если число воиновъ столь велико, что не остается земель, которыя-бы имъ можно было назначить, и если поля предковъ не могутъ быть достаточны для многихъ, тогда раздача оныхъ откладывается до другаго времени.

Государь имѣетъ пятнадцать тысячь конной гвардіи, считая съ ихъ начальниками и прочими служащими. Они называются *Дворяне*, и раздѣлены на три класса, какъ по жалованью, такъ и по достоинству. Первые называются *Большіе Дворяне*, и получаютъ жалованья по 100, по 80 и не менѣе 70 рублей въ годъ. Вторые называются *Средніе Дворяне*, и получаютъ жалованья по 60, 50 и не менѣе 40 рублей въ годъ. Третьи, *Дѣти Боярскія*, получаютъ по 30, 20 и не менѣе 12 рублей годоваго жалованья. Общая сум-

ма ежегоднаго ихъ жалованья состоитъ изъ 55,000 рублей. Кромѣ сего жалованья, каждый изъ нихъ, по достоинству и заслугамъ своимъ, получаетъ опредѣленную ему землю. Земли сіи по меньшей мѣрѣ дающъ 20 рублей ежегоднаго дохода. Кромѣ сихъ, есть еще 110 человѣкъ отличнѣйшаго достоинства Дворянъ, которые, подобно Римской Преторіанской стражѣ, сопровождаютъ Государя, когда онъ самъ бываетъ при военныхъ дѣйствіяхъ. Тогда они снабжаютъ 63 тысячи конныхъ воиновъ собственнымъ своимъ оружіемъ и потому, для себя и войска своего, ежегодно получаютъ по 40 тысячь рублей, и ежегодно со всѣмъ своимъ войскомъ дѣлаютъ движенія къ границамъ Крымскихъ Татаръ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Такимъ образомъ конное войско состоитъ изъ восьмидесяти тысячь человѣкъ.

Пѣхотнаго войска, называемаго *стрѣльцы*, содержится безпрерывно 12 тысячь человѣкъ; всѣ они съ пищалями: пять тысячь стоятъ около Москвы, или въ томъ городѣ, куда ѣдетъ Государь, а двѣ тысячи находятся въ самомъ дворцѣ, и называются *стрѣменные стрѣльцы*; прочіе-же содержатъ гарнизоны въ пограничныхъ городахъ. Имъ жалованья въ годъ дается по 7 рублей и по 12 мѣръ ржи и овса.

Объ иностранныхъ войскахъ говорить нѣчего, ибо безъ надобности ихъ не со-

держатъ. Наемныя иностранныя войска называются *Нѣмецкія*.

Начальники или предводители войска считаются слѣдующимъ порядкомъ: Главный Намѣстникъ Государя, называемый *Воевода Большой*, избирается изъ знатнѣйшаго Дворянства, хотя, иногда, не отличается знаніемъ военнаго искуства, и для того дается ему помощникъ хотя и не столь высокаго дворянскаго достоинства, но искуснѣйшій въ военномъ дѣлѣ. Подъ начальствомъ обоихъ состоятъ четыре Маршала, между которыми раздѣлено все войско. Отдѣленія войска означаются особенными именами, какъ-то: *Правый полкъ*, *Лѣвый полкъ*, *Разный* (*rasnoy*) *полкъ* (потому что изъ него посылаются лазутчики и прочимъ войскамъ доставляется вспоможеніе), *Сторожевой полкъ*. Каждый изъ четырехъ Маршаловъ имѣетъ двухъ помощниковъ, которые чрезъ двѣ недѣли выводятъ войско на ученіе, судятъ и разбираютъ дѣла между воинами и наказываютъ за проступки. Они почти всегда избираются изъ тѣхъ 110 человѣкъ, о которыхъ говорено выше. Подъ начальствомъ ихъ находятся многіе Трибуны, какъ на пр. *Голова*, Начальникъ Тысячный, Пяти-сотскій, Сотскій, также Пяти-десятскій и Десятскій.

Сверхъ того, въ лагеряхъ находятся два начальника или Воеводы, изъ коихъ первый называется *Нарядный* (Снарядный?) *Воевода*, и имѣетъ смотрѣніе надъ

всѣми военными орудіями; другой называется *Воевода Гулявой*, то есть, предводитель легко-вооруженнаго войска, начальствуетъ надъ 1000 фельдъегерей, и строитъ деревянныя укрѣпленія, называемыя beza, или *Гуляй городъ*, находящіеся всегда при лагеряхъ для пѣхотнаго войска, окружаемаго ими со всѣхъ сторонъ. Сіи укрѣпленія иногда протягиваются на нѣсколько миль и дѣлаются обыкновенно изъ досокъ, но притомъ съ такою легкостію, что почти безъ всякаго труда можно ихъ собрать и разобрать. Укрѣпленія сіи служатъ хорошею защитою противъ Татаръ, которые, вооружены будучи только луками и стрѣлами, легко останавливаются сими, такъ сказать, стѣнами.

Оружія Русской конницы состоятъ по большой части изъ лука, стрѣлъ и меча; небольшое число имѣетъ короткія копья или пики. Всѣ сіи оружія сдѣланы на подобіе Турецкихъ, а дѣйствовать ими Рускіе научились отъ Татаръ. Пѣхота вооружена пищалями, бердышами и мечами (*).

(*) Слѣдуетъ *Историческое извѣстіе* о Царяхъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ и описаніе бунта, при Лжедимитріѣ бывшаго, заимствованныя изъ разныхъ, частію писанныхъ, частію изустныхъ показаній, и особенно изъ книгъ *Ѳуана*. На стр. 114 приводится *Paulus Oderbornius*, въ трехъ книгахъ, жившіе Царя Ивана Васильевича написавшій. Тамъ же упоминается и *Alexander Guagni-*

VIII. *Историческія извѣстія.* Татары, сдѣлавъ нападеніе на Россію, въ знаменитомъ сраженіи разбили Хотяна, предводителя Полоцкаго и Мстислава, сына Романова, Князя Сѣверскаго, и многихъ другихъ призванныхъ на помощь.

Сынъ Царя Іоанна, Василій, въ наше время присоединилъ къ Государству своему Княжество Смоленское *и все что оставалось во власти Князей Сѣверскихъ.*

Лжедимитрій, сбросивъ съ себя монашескую одежду, жилъ нѣсколько времени тайно въ Ливоніи, *гдѣ и научился хорошо говорить и писать по-Латински*, и собственноручно написалъ красивымъ слогомъ письмо къ Клименту VIII, Папѣ Римскому. Проходя Россію, Лжедимитрій привлекъ на свою сторону казаковъ, людей склонныхъ къ внѣшнимъ войнамъ и грабежу, и обольстивъ обѣщаніями, повелъ 10 тысячь туземцовъ въ *наслѣдственное свое Царство,*

---

nus. На стр. 125 говорится, что *Constantinus Fidlerus Livonus Rigensis mortuum* (Borissium Godunow) *laudavit luculenta oratione Regiomonti excusa* и что сего Фидлера братъ, Гаспаръ Фидлеръ, былъ служителемъ при Московскомъ Государѣ (*qui Gasparem fratrem habebat Imperatoris Moscovitici domesticum*). На стр. 145: *Margeretus ex morbo decumbebat, sicuti mihi postea narravit, qui fuit illi galutaris;* а на стр 146 сказано: такъ списано сіе изъ Записокъ Петра Петерсона, Упсальскаго урожденца, бывшаго тогда въ Россіи. *Пер.*

какъ говорилъ онъ. Перешедъ Бористенъ близъ Чернигова и поставивъ сначала лагерь свой за границею, именемъ Димитрія, законнаго Наслѣдника Государства, повелѣвалъ онъ сдаться, а Іоаннъ Такменій, враждовавшій съ Борисомъ, передавшись на сторону новаго Государя, дѣлалъ насилія по сю сторону. Казаками начальствовалъ Корела, человѣкъ извѣстный своими волхвованіями, который осадивъ Путивлъ (многолюдный городъ, защищаемый Михаиломъ Салтыковымъ, съ 8 ю тысячами Волжскихъ казаковъ), убѣдилъ упорствовшаго сначала Михаила, сдать городъ и перейти на сторону Димитрія. Между тѣмъ обѣ арміи построились въ боевой порядокъ близъ Новагорода; главный вождь Сендомирскаго войска, будучи напередъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ непріятелемъ, отважно бросился въ средину хорошо устроенныхъ полковъ ихъ, и послѣ ужаснаго сраженія, окруженъ будучи со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, разбитъ и обращенъ въ бѣгство въ концѣ Января того года. Собравши потомъ остатки своего войска послѣ такого пораженія, пошелъ онъ сначала въ *Carmhoviam* (Кромы, Карачевъ, Коропъ?) и *Путивль* а наконецъ удалился въ Польшу. Димитрій, съ малымъ числомъ своихъ войскъ, избралъ убѣжищемъ крѣпость Рыльскъ, и тамъ, оставленъ будучи своими приверженцами, не потерялъ присутствія духа. Приверженцы Бориса

съ частію арміи приближились къ Рыльску, въ который Димитрій старался собрать войска, съ намѣреніемъ удержать за собою обширныя покоренныя имъ земли, и въ сраженіи происходившемъ въ началѣ Марта между осажденными и осаждающими, чудною игрою счастія, побѣда склонилась на сторону недавно побѣжденныхъ, которые, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ первой стычкѣ убили тысячу человѣкъ изъ непріятельскаго войска, двѣсти взяли въ плѣнъ, а прочихъ обратили въ бѣгство; конница, разстроивши боевой порядокъ, въ бѣгствѣ своемъ смяла пѣхоту, и оставила ее на пораженіе непріятелямъ. Приверженцы Димитрія съ великою добычею обратились въ Путивль, и по ненависти-ли къ прежнему Государю, или по желанію новостей, тотчасъ отдали Димитрію пять крѣпостей, по большой части ближайшихъ, съ городами и землями ихъ: Бѣлгородъ доставилъ побѣдителю 150 большихъ военныхъ орудій. Начальники сихъ крѣпостей отданы были Димитрію какъ военноплѣнные; черезъ нѣсколько дней сдалися Zaleka и Leptina: въ сей послѣдней взятъ въ плѣнъ славный чародѣй Hinsko Qtiopelus. Вскорѣ потомъ, вся Сѣверія, обширнѣйшее Россійское Княжество, и кромѣ того 8 крѣпостей, приняты въ подданство. Кромы (гдѣ находились войска Лжедимитрія) осаждалъ

Иванъ Годуновъ, ближайшій родственникъ Бориса (*).

Иванъ Годуновъ, главный предводитель войска (ибо Mierislawius (Мирославскій?) и Шуйскій, занимавшіе послѣ него первыя мѣста по повелѣнію Бориса возвратились въ Москву) былъ пойманъ въ бѣгствѣ и посаженъ въ тюрьму.

По вшествіи въ Москву, Димитрій, сопровождаемый духовенствомъ, входитъ въ церковь Св. Богородицы, а по начатіи службы, въ Архангельскій Соборъ, въ которомъ погребены были его родственники. Узнавши, что здѣсь похороненъ и Борисъ, приказалъ онъ вырыть его тѣло и перенесть за городъ въ небольшую часовню. Ходя по собственному дому Бориса, не могъ онъ быть равнодушенъ, но, пославъ работниковъ, тотчасъ повелѣлъ срыть его до основанія, подъ предлогомъ, что будто-бы домъ сей осквернень злыми волхвованіями. Говорили также, что въ подземельѣ поставлена была статуя, державшая въ рукѣ зажженную лампаду, и что подъ нею насыпано было множество пороха; все сіе будто-бы устроено было для того, чтобы, когда выгоритъ масло и треснетъ лампада, огонь, упавши въ по-

(*) За симъ описывается обманъ Запора (Zaporius), предводителя войскъ Лжедимитрія, измѣна Петра Басманова и посольство 500 бояръ къ Лжедимитрію въ Путивль, отправленное 10го Іюня. *Пер.*

рохъ, взорвалъ на воздухъ весь домъ и ближайшія къ нему строенія. Но, по открытіи сего, статуя была вынута и разбита.

Димитрій составилъ себѣ новую гвардію изъ Ливонцовъ и Нѣмцовъ, и къ нимъ прибавилъ еще по сотнѣ Французовъ, Англичанъ и Шотландцовъ. Сотникомъ Французовъ, вооруженныхъ бердышами, былъ Яковъ Маржеретъ, Секванецъ, котораго мы послѣ видѣли. Одежда ихъ была шелковая, шаная съ золотомъ. Надъ Англичанами Матвѣй Кнотзенъ, надъ Шотландцами Альбертъ Ланта, исправляли должности Сотниковъ. Оружіе ихъ было обоюду острыя сѣкиры, а одежда въ праздники шелковая, въ будни-же изъ лучшаго краснаго сукна.

Купцы изъ Германіи и Италіи, въ надеждѣ получить большія выгоды, отправились въ Россію, но жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, ибо многіе потеряли жизнь, и только весьма немногіе, съ значительными потерями, избавились отъ смерти. Долготу пути въ Россію можно видѣть изъ того, что купцы, поѣхавши въ исходѣ Января, прибыли въ Москву 6 го Мая.

По смерти Димитрія, для большаго посмѣянія, на пѣло его наложена была отвратительная личина, найденная, какъ говорятъ, между рѣдкостями терема; къ коршу приставлена волынка, употребляе

мая Польскими крестьянами, а въ ротъ положенъ динарій для награжденія музыкантовъ, или какъ говорили другіе, который онъ долженъ былъ заплатить за провозъ его въ адъ.

Не только съ военными людьми и съ тѣми, которые послѣдовали за Димитріемъ, но и съ купцами поступили въ Москвѣ очень жестоко: Амвросій Келларій, кромѣ 30 тысячъ червонныхъ, потерялъ и жизнь; Якову Вину (Winus) собственнымъ его мечемъ отрубили голову; Наванъ спасъ жизнь свою за 40 тысячъ флориновъ; Ник. Ламбургскій, факторъ Польскихъ купцовъ, наканунѣ убіенія Димитрія, отдалъ ему драгоцѣнные камни и другіе рѣдкіе товары; Два Аугсбургца, повѣрившіе Димитрію болѣе двухъ сотъ тысячъ червонцовъ, не получили ихъ обратно; Марцеллій потерялъ 100 тысячъ флориновъ.

Среди ужасныхъ жестокостей замѣчателенъ примѣръ милосердія, оказанный Димитріемъ Ѳеодору Шуйскому, сыну Романову, сановнику изъ боярскаго рода, для укрощенія ненависти изгнанниковъ.

Москва прежде была гораздо обширнѣе нежели нынѣ, ибо имѣла она девять миль въ окружности; но въ 1670 году была разграблена и сожжена Перекопскими Татарами, и теперь не имѣетъ въ окружности болѣе пяти миль; въ ней 30 тысячъ жителей и много рогатаго скота, по извѣстію Поссевина. Нѣкоторые утвержда-

ютъ, что въ прежнія времена Русь была лучше населена, но что послѣ число жителей убавилось въ ней по разнымъ причинамъ: первая была, *морѣ* (происшествіе весьма рѣдкое въ Московіи); вторая, набѣги Татаръ. . . .

Вообще Русь не очень прилежитъ къ торговлѣ, потому что жители оной отъ природы не дѣятельны: тамъ не можетъ быть и много товаровъ, гдѣ не процвѣтаютъ Искуства и Художества; къ тому-же, Московитянамъ не позволяется выходить за предѣлы своего Государства, и потому у нихъ нѣтъ мореплаванія. Они мѣняютъ только произведенія своей земли, какъ-то: мѣха, смолу и пр., на сукно и другіе товары, привозимые Армянами въ Астрахань по Каспійскому морю, и Англичанами къ монастырю Николаевскому, по заливу Graduicum. Въ Руси нѣтъ никакихъ училищъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ учатъ читать и писать.

Никто не имѣетъ права продавать свои произведенія публично, прежде нежели проданы будутъ товары Государя. Въ Руси нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ. Города знатнѣйшіе по торговлѣ и съ коихъ Государь получаетъ значительнѣйшій доходъ, суть: Астрахань, при Каспійскомъ морѣ, куда привозятся товары изъ Персіи и Арменіи, и монастырь Св. Николая (Архангельскъ), при заливѣ Graduicum, куда пріѣзжаютъ корабли

Англинскіе и Голландскіе, съ мѣдью и другими товарами.

Достовѣрные историки пишутъ, что Москва можетъ выставить сто пятьдесятъ тысячь конницы, если-бы нужно было защищаться, и что Іоаннъ III, въ войнѣ противъ Астрахани, вывелъ сто двадцать тысячь конницы и двадцать тысячь пѣхоты.

Богатѣйшіе имѣютъ мѣдныя латы, шлемы, узкія, тонкія сабли, привозимыя изъ Персіи, и копья. Другіе носятъ латы хорошо набитыя хлопчатою бумагою (?), которыя противостоятъ стрѣламъ. Оружіе состоитъ изъ луковъ; многіе употребляютъ пищали, и всѣ имѣютъ мечи и кинжалы.

Если Великій Князь и покорилъ Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ, то тѣмъ обязанъ онъ военнымъ машинамъ, которыхъ сіи послѣдніе не имѣли. Между прочими машинами, устроенными противъ Казанцовъ, были слѣдующія: къ дышлу колесницъ прибивалась широкая и толстая доска, со многими скважинами для просовыванія пищалей и мушкатоновъ; и такъ, когда они такимъ образомъ сильно поражали непріятелей (употреблявшихъ только стрѣлы, отъ которыхъ Московитяне не могли претерпѣвать никакого вреда), то имъ и не трудно было побѣдить и покорить ихъ.

Король Шведскій на берегу Финскаго залива содержитъ крѣпость Выбургъ съ большимъ гарнизономъ и на великомъ иждивеніи, дабы противишься Рускимъ. Также въ томъ морѣ и сосѣдственныхъ пристаняхъ имѣетъ онъ военные корабли, какъ для предупрежденія всякаго покушенія со стороны Великаго Князя, такъ и для того, чтобы воспрепятствовать привозу изъ Германіи въ Россію оружій и военныхъ снарядовъ; и никакіе другіе корабли, кромѣ его собственныхъ, не могутъ приставать къ симъ берегамъ, развѣ только имѣя позволеніе, подписанное собственною рукою Короля (*).

II. КРИТИКА.

— Undersögelse om des gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse — af R. K. Rask. — Verglei-

(*) Въ концѣ книги напечатано: *Hoc ex Ioanne Botero a Iusto Reifenbergh erpressa* (отъ стр. 164 до конца книги) *hic addenda duximus.*

Во второй части, содержащей описаніе Орды Татарской, замѣчательно слѣдующее: „Московитяне ежегодно изъ Орды Нагайскихъ Татаръ, на одежды и другія вещи, вымѣниваютъ многія тысячи лошадей, приученныхъ къ войнѣ.“ На стр. 344 изъ извѣстій Флетчера выписано: „Они (Татары) ежегодно приводятъ для продажи въ Россію 30-40 тысячъ лошадей.“ (Стр. 211) „И въ нашемъ на-

chungstafeln der Europäischen Stammsprachen und Süd-West-Asiatischer — von I. S. Vater. — Tripartitum sev de analogia linguarum. — Ueber das Entstehen der grammatischen Formen — von W. v. Humboldt — Iosephi Dobrowsky institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. — Словарь Россійской Академіи. — Српски Рiечник. — Wuks Stephanowitch Serbische Grammatik, verd. von I. Grimm. — Die Verwandschaft der germanischen und slavischen Sprachen — darg. von D. Ch. S. Th Bernd. — Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens — von W. v. Humboldt.

родѣ нѣкогда (говоритъ Michalon Lituanus) платили родителямъ за невѣстъ извѣстную цѣну, называемую по-Самогитски: *Kriens.*“ (Стр 320) „Когда уже поспѣшали къ битвѣ и обозрѣвали мѣсто, тогда баба, *птица*, *употреблявшаяся нѣкогда при гаданiяхъ*, возбужденная шумомъ приближающихся, быстрымъ полетомъ спасла Царя, указавъ ему пустое, скрытное мѣсто, и поелику Царь (Татарскiй, именемъ *Кангуста*) былъ спасенъ такимъ образомъ, то птица сiя съ того времени очень уважалась въ народѣ, и у Татаръ нѣтъ украшенiя лучше, какъ перья сей птицы, придѣланныя къ верхушкѣ шишака.“ (Стр. 331) „Намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Азію (Гоккотъ, Царь Татарскiй), послалъ тысячу человѣкъ отборной конницы для изслѣдованія положенія сей земли: они пришли въ ущелія горъ, гдѣ ворота окружены бревнами, окованными желѣзомъ; близъ нихъ протекаетъ рѣка Дiріодоро, на которой построена крѣпость для удержанія отъ перехода сихъ народовъ, столь безчисленныхъ, какъ будто-бы переселенныхъ съ другаго земнаго шара, и при первомъ приступѣ сію крѣпость взяли. Были-ль то ворота Каспійскіе или Кавказскіе, о семъ не пишетъ Айтанъ

Книга подъ No 5, сочиненіе почтеннаго Г. Добровскаго, которымъ дополнилъ онъ изыскателямъ языковъ, *въ грамматическомъ отношеніи, превосходное*, и съ нетерпѣніемъ ожиданное сочиненіе, именно: *Грамматику древняго Славянскаго нарѣчія*, въ томъ видѣ, *какъ оно находится въ древнѣйшемъ памятникѣ онаго*: въ переводѣ Библіи *на древне-Славянскій языкъ* (*). Важность сего нарѣчія, и изслѣдованія доведенныя до возможно новѣйшихъ временъ, сами по себѣ говорятъ уже въ пользу сочиненія, а изложеніе онаго таково, какого можно было ожидать отъ знатока, посвятившаго всю жизнь свою глубокому изученію упомянутаго перевода Библіи и критикѣ онаго. Славянскій переводъ Библіи упо-

---

(ниже онъ называется Айтонъ (Гайтонъ?) Армянинъ), да я и самъ не могу утвердительно сказать, къ которымъ точно изъ сихъ двухъ воротъ они прибыли. Но вѣроятно кажется, что то были ворота Кавказскія, ибо крѣпость, взятая конницею Гоккота, называлась прежде *Александретою*, какъ о семъ пишетъ Айтонъ. Настоящую Александрію Плиній помѣщаетъ въ Кавказскихъ воротахъ. И Каспійскія горы не менѣе славны чудесами природы, какъ и Кавказскія; въ нихъ есть крѣпость, прежде называвшаяся *Кумана*." Сіе послѣднее мѣсто о *Гоккотѣ*, равно какъ и предыдущее о *Кангуистѣ*, взято изъ *Sabellici Ennead. IX. libr. VI*, котораго извлеченія помѣщены въ вышеозначенной книгѣ о земляхъ Татарскихъ на стр. 328—338. *Пер.*

(*) Предувѣдомляемъ читателей, что мы не во всемъ согласны съ Нѣмецкимъ Рецензентомъ и постараемся доказать нѣкоторыя ошибки его рецензіи, оставляя теперь оныя безъ замѣчаній. *Изд.*

требляется еще и нынѣ при Богослуженіи въ Россійскихъ и Сербскихъ церквахъ, также вообще всѣми Славянами Греческаго исповѣданія (хотя нынѣшнія народныя нарѣчія онаго между собою и различны) и потому составляетъ онъ удивительный примѣръ отношенія. Подобно какъ Латинскій переводъ Библіи, въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ въ послѣдствіи времени образовались языки Италіянскій, Французскій, Испанскій, остался языкомъ церковнымъ и вообще письменнымъ, хотя народныя нарѣчія уже довольно между собою различествовали, но церковный языкъ сей еще довольно хорошо былъ понимаемъ, по причинѣ сходства его съ языкомъ народнымъ, такъ точно и Славяне Греческаго вѣроисповѣданія понимаютъ и теперь свой церковный языкъ, и даже не происходя отъ Славянъ, и слѣдственно имѣвъ нѣкогда *особый* отечественный языкъ, казаки, будучи Греческими Христіанами и Русскими солдатами, говорятъ болѣе формами сего церковнаго языка, нежели нынѣшняго Русскаго. Сей древне-Славянскій, Библейскій переводъ, есть памятникъ девятаго вѣка, и въ слѣдствіе сего здѣсь объемъ грамматическихъ формъ и словъ простирается, какъ въ языкѣ мертвомъ, на слова и формы, находящіяся собственно въ переводѣ Библіи. Нужно-бы издать его съ критическими замѣчаніями по древнѣйшимъ рукописямъ, ибо очень понятно, что при размноженіи Библіи посредствомъ списыванія, отъ произношенія переписчиковъ непримѣтно входили небольшія измѣненія (и въ особенности Руссизмы), которыя имѣли вліяніе на Граммашику, хотя кажется, что Паннонія и Епархія Меѳодія были главнымъ средоточіемъ на-

роднаго нарѣчія, на который сдѣланъ сей переводъ. Мы замѣтили уже, что Аббатъ Добровскій приводитъ много сравненій: ученый Виленскій Профессоръ и Каноникъ Бобровскій, за нѣсколько передъ симъ лѣтъ, для такой-же цѣли, предпринималъ путешествіе по берегамъ Средиземнаго моря и по Италіи. Только дальнѣйшія изслѣдованія могутъ рѣшить: должны-ли изысканія небольшихъ измѣненій грамматическихъ формъ простираться до отрывковъ изъ книгъ Евангелія и до Псалмовъ, какъ до древнѣйшей части сего перевода (можно достовѣрно предполагать что это древнѣйшія части, а что прочія прибавлялись постепенно). Грамматическая форма по большей части не подвержена никакому сомнѣнію; но Г-нъ Добровскій тщательно приводитъ мѣста изъ Библіи, какъ примѣры трудныхъ и мало встрѣчающихся формъ, также упоминаетъ и о рукописныхъ изданіяхъ, въ которыхъ встрѣчаются другія формы, на пр. стр. 537. — Specimina codicibus diversae aetatis, стр. 672 — 704, представляютъ множество примѣровъ изъ самыхъ рукописей и служатъ доказательствомъ тщанія Г. Добровскаго, посвятившаго всю жизнь свою Наукамъ; все сіе, съ тѣмъ, что написалъ *Г. Востоковъ*, въ XVII й книжкѣ, *Сочиненій Общества Любителей Россійской Словесности*, и съ тѣмъ, что имѣетъ у себя достопочтенный Митрополитъ Кіевскій Евгеній, составляетъ теперь значительный запасъ.

Г. Добровскій въ подробномъ предисловіи представляетъ Исторію древне-Славянской Грамматики. — За тѣмъ слѣдуетъ *введеніе*: Глава I. *О фигурѣ Славянскихъ буквъ* (при семъ приложены от-

печатки древнѣйшихъ буквъ), *о произношеніи, о числительномъ достоинствѣ, о раздѣленіи и о сродствѣ оныхъ.* Глава II. *О измѣненіи гласныхъ буквъ, о перехожденіи согласныхъ, о нарощеніи, вставкѣ и о выпускѣ буквъ* (богатое поле для глубокихъ замѣчаній, приготовляющихъ нѣкоторымъ образомъ ученіе о формѣ и о произведеніи, вообще важное для Славянскихъ языковъ, которые очень часто различаются вставкою или выпущеніемъ гласной буквы, или равномѣрнымъ измѣненіемъ согласныхъ буквъ). Заключеніе введенія составляютъ главы *о звукѣ* и *о сокращеніяхъ*, коихъ богатство можно видѣть изъ вышеприведеннаго. И здѣсь Specimina orthographiae приведены изъ рукописей. За симъ слѣдуетъ собственно Грамматика: Ч. I *Словопроизведеніе*, Ч. II *Словоизмѣненіе*, Ч III *Словосочиненіе.* При рѣзкомъ отличіи содержанія наклоненій, къ склоненіямъ и спряженіямъ, всякое измѣненіе производныхъ обращается въ первую часть, заключающую въ себѣ (стр. 79 — 458) полную систему произведенія словъ. — И потому многое между I й и II й части раздѣлено иначе, нежели въ Грамматикахъ другихъ языковъ, и однѣ части рѣчи должно разсматривать въ обѣихъ книгахъ. Но въ философскомъ отношеніи раздѣленіе сіе правильно: вторая часть получаетъ изъ первой уже готовыя слова: *простыя, производныя, сложныя,* и занимается только измѣненіями конструкціи. Сочинитель, во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, примѣры глаголовъ раздѣляетъ такъ, какъ онъ раздѣлялъ ихъ въ своей превосходной, полной Грамматикѣ Богемскаго языка (Прага, 1809) и точно такъ, какъ Пухмейеръ, подъ его руководствомъ, раздѣ-

лилъ ихъ въ своей Грамматикѣ Русскаго языка. Г. Добровскій и послѣ сихъ рѣшеній пишетъ еще очень много любопытнаго и поучительнаго Важно, что такой знатокъ, какъ Г. Добровскій, съ проницательностію своею, старался всегда, сколько было можно, отыскивать первые корни словъ. Весьма бы пріятно было, если-бъ можно написать легчайшее обозрѣніе уклоненій, съ правильнѣйшимъ раздѣленіемъ словъ по ихъ корнямъ; но и изъ тщательнѣйшаго изученія и разбора сей коренной Грамматики явствуетъ наконецъ, что употребленіе разговора не совсѣмъ сообразовалось въ измѣненіяхъ своихъ съ происхожденіемъ различныхъ отраслей корня. И потому раздѣленіе формъ глагола на *шесть* (стр. 346) содержитъ много смѣшаннаго. Здѣсь не возможно представить ни цѣлаго разсужденія о томъ, сколько сохранилось древнѣйшихъ формъ въ цѣломъ языкѣ, или въ какой-либо отрасли онаго, на пр. въ Сербскомъ, ни изслѣдовать подробно всѣ истины сего анализа и раздѣленія. Сочиненіе Г. Добровскаго останется навсегда не только остроумнѣйшимъ, но и необходимымъ для глубокаго изслѣдованія сего языка и его исторіи; отъ сего должно только отдѣлить вопросъ: можетъ-ли основаніе сего сочиненія служить достаточнымъ средствомъ для изученія Грамматики и употребленія разговора всѣхъ отдѣльныхъ отраслей сего языка? То, что сказано на стр. 556 о временахъ преходящихъ, кончащихся на *ахъ*, *аше*, или *лаше*, едва-ли можетъ быть достаточно для яснаго разсмотрѣнія отношеній временъ преходящихъ въ языкахъ Сербскомъ и Южно-Вендскомъ (по Грамматикѣ Маттея); а языкъ Россійскій, столь впрочемъ сходный

съ Древне - Славянскимъ, совсѣмъ не имѣетъ такихъ временъ (*) Но Сочинитель ограничился впрочемъ только случаями, встрѣчающимися въ древнемъ переводѣ Библіи; да здѣсь и не слѣдовало дѣлать никакихъ замѣчаній о томъ: какія именно отрасли Славянскаго языка, первое лицо въ глаголахъ имѣютъ на *м*, или на *ю*, и какъ въ сихъ послѣднихъ сохранились, въ нѣкоторыхъ словахъ, остатки формы на *м*. — Должно надѣяться, что Лингвистика получитъ еще новыя приобрѣтенія какъ отъ Г. Добровскаго, такъ и Г. Копитара, который къ своимъ *Наставленіямъ* приложилъ три прибавленія изъ рукописей и изъ столь-же рѣдкихъ печатныхъ книгъ. Всѣ любители Лингвистики желаютъ, чтобы изданія своего *Словаря древне - Славянскаго языка* не удерживалъ онъ болѣе того времени, сколько потребно для составленія онаго изъ источниковъ глубокаго познанія и безпристрастнаго изслѣдованія для пользы упомянутаго Библейскаго перевода и для сравненія разныхъ отраслей кореннаго языка, которое столь удобно можно положить при Лексиконѣ.

No 6. Второе изданіе *Словаря Россійскаго языка*, составленнаго Императорскою Россійскою Академіею. Первое изданіе онаго появилось въ 1789-94 г., также въ шести томахъ, in 4°, и спустя

(*) Весьма любопытныя извѣстія нашли мы въ No 37 (превосходной Русской Ученой Газеты) *Библіографическихъ Листовъ*, что Аббатъ Добровскій нашелъ у Лузацкихъ Вендовъ окончаніе прош. временъ на *хъ* донынѣ сохранившимся, и что въ Македоніи открыто неизвѣстное донынѣ поколѣніе Славянъ. Все это заслуживаетъ дальнѣйшее изслѣдованіе. *Изд.*

осмнадцать лѣтъ потомъ, второе было начато. Грамматика Академіи Россійской появилась въ первый разъ въ 1802 году. Первое изданіе Словаря было *этимологическое:* производныя слова стоятъ тамъ подъ коренными или первообразными, и при каждомъ томѣ присовокуплены алфавитные реэстры находящихся въ нихъ коренныхъ и производныхъ словъ, которые не связаны однимъ общимъ алфавитнымъ реэстромъ, такъ, что не довольно знакомый съ Русскою Этимологіею, часто долженъ перебрать всѣ шесть томовъ, дабы сыскать нужное ему слово. Для втораго изданія Академія избрала нѣсколько Членовъ подъ руководствомъ Президента, и приняла сообразнѣйшее съ цѣлію расположеніе, а именно: *расположить слова по азбучному порядку, а глаголы не по первому лицу настоящаго времени, но по неопредѣленному наклоненію.* Причины, побудившія сдѣлать такую перемѣну, изложены въ краткомъ предисловіи при первомъ томѣ. Для глаголовъ приведены слѣдующія причины: 1. Потому, что неопредѣленное наклоненіе есть основаніе формы; 2-е потому, что въ Академической Грамматикѣ такъ распредѣлены глаголы, и 3-е, что многіе глаголы не имѣютъ настоящаго времени. Въ семъ изданіи, при именахъ и глаголахъ означены числами склоненія и спряженія, а у прилагательныхъ, въ случаѣ измѣняющейся формы, предоставлены уравнительная и превосходная степени, по вышеупомянутой Грамматикѣ. Въ обоихъ изданіяхъ означено, къ какой части рѣчи принадлежитъ каждое слово, и какого залога глаголъ; также приложены характеристическія измѣненія оныхъ, и сообразныя съ цѣлію изъясненія зна-

ченій, а когда нужно, и показанія, гдѣ тѣ или другія слова встрѣчаются.

Понятно, что во второмъ изданіи Академическаго Словаря, буквъ съ предлогами, служащими для составленія словъ, гораздо болѣе нежели въ первомъ. Вообще, вездѣ видны поправки: прибавленій много, на пр. при словѣ *вьюрокъ*, къ которому хотя и не прибавлено уменьшительнаго, приложены слова гораздо нужнѣйшія: *Fringilla montifringilla*, точнѣйшее опредѣленіе, и вся статья передѣлана. Таковыя прибавленія идутъ до конца сочиненія и столь-же видимы и при послѣднихъ буквахъ, какъ и при первыхъ. Сего втораго изданія, печатаннаго гораздо красивѣйшими буквами, въ 1806 г. появился первый томъ А—Д, на 1310 страницахъ; второй Д—К, на 1178 страницахъ. Потомъ уже въ 1814 г. начатъ третій, К—Н, на 1444 страницахъ, но долго не былъ кончанъ, ибо послѣдніе три тома (О—ПОР на 1536 стр., ПОР—Р на 1142 стр. и С—У на 1478 стр.) появились только въ 1822 году. Ревность въ поспѣшномъ отпечатаніи, равно какъ и во внутренней обработкѣ, должно приписать старанію нынѣшняго достопочтеннаго Президента Академіи, Г-на Адмирала и Министра Народнаго Просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который, будучи самъ отличный Лингвистъ первой степени, блистательно руководствуетъ занятіями отечественной своей Академіи. Въ заключеніе Геснерова большаго Словаря (Thesaurus) приложенъ Index etimologicus Latinitatis: если-бы и къ сему драгоцѣнному Словарю, при слѣдующихъ изданіяхъ, приложить подобный *Index*, тогда-бы цѣль распредѣленія перваго изданія соединилась тѣснѣе

съ цѣлію новаго изданія: первое посвящено Императрицѣ Екатеринѣ, Второе ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Не цѣлое собраніе ученыхъ Лингвистовъ, но одинъ ученый мужъ издалъ Словарь и (еще прежде появившуюся отдѣльно, въ Вѣнѣ, 1814 г.) Грамматику (означенную подъ No 7 и 8) достопримѣчательнаго южнаго, именно Сербскаго нарѣчія, происшедшаго отъ Славянскаго языка. Мѣста, гдѣ сіе нарѣчіе существуетъ въ народѣ, самому себѣ предоставленномъ, были древнѣйшими жилищами Славянъ на Дунаѣ, и потому, тѣмъ важнѣе остатки древняго языка, которые можно извлечь изъ тамошняго народнаго. Къ сему должно прибавить еще другую достопримѣчательность, а именно, что Славянская сія отрасль, распространенная по обоимъ берегамъ Дуная до Адріатическаго моря, богатѣе всѣхъ другихъ народными пѣснями.

Сіи народныя пѣсни Издатель списалъ самъ изъ народныхъ сказаній (онѣ появились сперва въ Вѣнѣ, въ 1814 и 1815 г., въ двухъ книжкахъ, а въ прошломъ 1823 г. въ 3 томахъ). Гёте и Гриммъ обратили на нихъ особенное вниманіе: нѣкоторыя пѣсни переведены и напечатаны отдѣльно въ современныхъ Журналахъ, и скоро значительное число оныхъ, переводимое правильными стихами и одобренное знатоками, будетъ напечатано. Вотъ достаточная причина возбудить вниманіе даже и въ тѣхъ людяхъ, которые измѣряютъ языки только по таковымъ произведеніямъ! Мы имѣли Словари Иллирійскаго нарѣчія (въ особенности Словарь, *Стулли*, въ 6 частяхъ, 1801-10); но они представляли толь-

ко смѣсь разныхъ нарѣчій и даже иностранныя, по причинѣ сношеній съ Италіею, введенныя слова. Сербы, переселившіеся въ Австрійскую Имперію, говорятъ также смѣшаннымъ языкомъ. Чистая національность языка сохранилась именно въ земляхъ одичавшихъ, а чтобы собрать ее письменно, для сего потребенъ былъ человѣкъ столь ученый и столь прилежно посвятившій себя сему занятію, какъ Г. Вукъ Стефановичъ-Караджичъ.

О Словарѣ собственно должно замѣтить, что при многихъ статьяхъ приложены изъясненія о народныхъ обычаяхъ, на пр. на стр. 322, *Кольиво*, изъяснено такъ: »Вареная пшеница, которая при »похоронномъ обѣдѣ и въ день покровительствующа»го Святаго благословляется Священникомъ и съѣдается гостями (triticum, siliceum,« а при словѣ *даньу*, описывается похоронный обѣдъ при *Крснome* (праздникъ хранителя дома), приложена маленькая пѣсня, которую обыкновенно поютъ употребляя благословенную пшеницу съ виномъ; вотъ переводъ оной:

Кто пьетъ вино за (во) славу Бога,
Тому помоги Боже и слава Бога!
А что лучше, какъ слава Бога
И какъ пища, приобрѣтенная правотою?

Описанія сіи на языкѣ Сербскомъ, а изъясненіе слова *кольиво*, котораго не нужно было для Сербовъ, на Нѣмецкомъ. Переводы таковыхъ описаній распянули-бы сіе твореніе, которое назначено какъ для туземцовъ и Сербовъ, живущихъ подъ Ав-

сприйскимъ правленіемъ, такъ и для такихъ изыскателей языковъ, которые для сей цѣли занимаются Славянскимъ языкомъ, и историческими доказательствами, помѣщенными въ предисловіи писанномъ на Сербскомъ языкѣ. Грамматика (стр. XXIX-LXXI) писана также Сербскимъ языкомъ и составляетъ великое пріобрѣтеніе Славянской Лингвистики: она списана весьма вѣрно съ народнаго употребленія языка и наполнена основательными и подробными замѣчаніями, на пр. что формы настоящаго въ глаголахъ совершенныхъ, суть истинныя настоящія времена, но что встрѣчаясь послѣ союзовъ (на примѣръ *кад*), переходятъ во время будущее, потому что при семъ не думаютъ о продолженіи времени.

Для изученія въ иностранныхъ земляхъ замѣчательнаго Сербскаго языка и для сравненія Грамматики онаго съ другими Славянскими потребно было, чтобы перевелъ сію Грамматику Іог. Гриммъ. Переводъ напечатанъ подъ смотрѣніемъ Г. Вука и посвященъ споспѣшествователю всѣхъ сихъ превосходныхъ произведеній и умственнаго образованія одичавшей, но богатой страны, Князю Милошу, правителю большей части настоящей Сербіи, находящейся подъ Турецкимъ владычествомъ. Великій Лингвистъ Гриммъ возвысилъ цѣну своего перевода предисловіемъ (стр. I—LIV), въ которомъ онъ, послѣ глубокихъ изысканій о языкахъ Германскихъ и Сѣверныхъ, съ проницательностію и глубокомысліемъ разсуждаетъ о языкѣ Славянскомъ, по внутреннимъ признакамъ жизни языка и по историческимъ числамъ распредѣляетъ корень его, отрасли, подраздѣленія или вѣтви, и дѣлаетъ полныя

объясненія и обзоры грамматическаго состоянія сихъ отраслей. Все это любители языковъ и первобытныхъ Европейскихъ народовъ должны сами читать въ означенной книгѣ.

Извѣстный Г. Профессоръ Бернд, въ книгѣ подъ No 9, старается *споспѣшествовать сравненіямъ Германскихъ и Славянскихъ языковъ* (къ сему подало ему поводъ его-же сочиненіе: Нѣмецкій языкъ въ великомъ Герцогствѣ Познанскомъ) и *»возбудить большее вниманіе къ языкамъ Славянскимъ, какого по большой части до сихъ поръ на нихъ не обращали, но которое они заслуживаютъ.«* Авторъ порицаетъ, что сіи языки »до сего времени совершенно не были употребляемы для всеобщихъ сравненій языковъ;« но порицаніе сіе несправедливо относительно къ послѣднему времени, когда не-недостатокъ познаній въ Славянскомъ языкѣ удерживалъ Нѣмецкихъ Лингвистовъ признать *»что оба языка еще изъ древности имѣютъ сродство между собою.* Историческое изслѣдованіе о семъ сродствѣ изъяснено не столь глубоко, какъ въ предисловіи къ книгѣ подъ No 8; но тѣмъ болѣе старается Г. Бернд дѣлать изслѣдованія посредствомъ сравненій нѣкоторыхъ предлоговъ (Verhältnisswörter), ибо они *«менѣе всего подвержены измѣненіямъ*, и ихъ употребленіе, размѣщеніе и прибавленіе такъ входятъ въ сущность и собственность языковъ, что тѣ языки, въ которыхъ слова сіи сходны или даже равны между собою, должны быть болѣе или менѣе между собою сродны. Онъ представляетъ только четыре слова для опыта: *ab, an, auf, aus.* О каждомъ изъ сихъ словъ разсуждаетъ онъ частію отдѣльно, частію вообще и показываетъ ихъ значе-

ніе, приводя нѣсколько примѣровъ на языкахъ Верхне-Германскомъ, Нижне-Германскомъ, Древне-Фризскомъ, Голландскомъ, Готѳскомъ, Англо-Саксонскомъ, Англинскомъ, Исландскомъ, Датскомъ, Шведскомъ, Польскомъ, Русскомъ, Богемскомъ, Греческомъ и Латинскомъ. Къ примѣрамъ присовокуплены частію превосходныя примѣчанія. Изъ сего видно, что для сравненій употреблено гораздо болѣе нарѣчій Германскихъ, нежели Славянскихъ, которыми должно-бъ было заняться преимущественно.

Въ книгѣ подъ No 10, Г. Гумбольдтъ разсуждаетъ не о тѣхъ восточныхъ Европейскихъ, народныхъ поколѣніяхъ, коихъ сродство достовѣрно, и не о стремленіи ихъ въ нынѣшнія жилища; но о древнѣйшемъ, первобытномъ народѣ Европейскомъ, коего остатки находятся и донынѣ въ горахъ Испаніи. О семъ-то народѣ и необходимо нужномъ различіи онаго отъ смѣшенія съ другимъ первобытнымъ Европейскимъ народомъ, съ Цельтами, распространяется Сочинитель въ изслѣдованіи своемъ, которое отличается тѣми-же качествами, какъ и сочиненіе его, описанное подъ No 4, и кромѣ того представляется обработаннымъ сколько возможно было, полнымъ и къ цѣли рѣшенія ведущимъ разсужденіемъ по Исторической части. Г. Ф. Гумбольдтъ самъ долгое время жилъ въ Бискаіи, дабы познакомиться точнѣе съ симъ первобытнымъ народомъ, его языкомъ и различными нарѣчіями онаго, и много любопытнаго сообщилъ онъ о семъ въ прибавленіяхъ къ Митридату, а въ Кенигсбергскомъ Архивѣ приложилъ древнюю, достопримѣчательную пѣснь на семъ языкѣ.

Новое сочиненіе его раздѣлено на 50 параграфовъ, которые, по объему ихъ предметовъ, всѣ ведутъ къ главной цѣли: *отысканію слѣдовъ чистаго Баскскаго языка въ названіяхъ мѣстъ*, хотя нѣсколько искаженныхъ, но содержащихъ остатки онаго древняго языка; остатки сіи по тщательно-сдѣланнымъ основаніямъ могутъ быть отличены.

Вообще все сочиненіе Г. Гумбольдта писано съ отличною осмотрительностію и истинно Историческою Критикою; предположенія совершенно отдѣляются отъ истинъ, и результаты и рѣшенія объ Иберійцахъ, какъ о великомъ народѣ одного языка, не подвержены болѣе никакому сомнѣнію. Описывать подробно изслѣдованія Автора здѣсь не мѣсто; скажемъ объ языкѣ Басковъ, что онъ богатъ нѣкоторыми формами глаголовъ. Мы надѣемся отъ проницательнаго Г. Гумбольдта скоро получить сочиненіе объ языкахъ, находящихся въ Америкѣ, отъ Гренландіи до Патагоніи, въ которомъ онъ не преминетъ сравнить богатства сихъ послѣднихъ съ языкомъ Баскскимъ.

(Изъ Галльскихъ Учен. Вѣдом.)

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

111. *ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, на Всевысочайшее Его прибытіе, Ярославской Губерніи, въ городъ Угличъ.* Отставнаго Генералъ-Маіора и Кавалера Кашкина, Всеподданнѣйшее приношеніе. Москва. 1825 г. in 4. 8 стр.

112. *Собраніе новыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ*, вышедшихъ въ свѣтъ (?) съ 1821 по 1823 годъ. Часть I. Спб. 1825 г. in 8. 283 стр.

113. *Собраніе новыхъ Русскихъ Стихотвореній*, вышедшихъ въ свѣтъ (?) съ 1821 по 1823 г., служащее дополненіемъ къ Собранію образцовыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ. Спб. 1824 г. in 8. 357 стр.

Довольно темное названіе сихъ книгъ можетъ привесть въ замѣшательство читателя. Спрашиваемъ: что это такое? Что хотѣлъ сдѣлать неизвѣстный собиратель *чужихъ* стиховъ и прозы, издавая ихъ? Собраніе-ли *изящнѣйшаго*, что произвели Русскіе Поэты и Прозаики, съ 1821 по 1823 годъ? Дополненіе-ли къ такъ называемымъ *Образцовымъ сочиненіямъ*, въ 16 томахъ изданнымъ? Послѣднее написано надъ *собраніемъ стиховъ*, а эпиграфъ къ *собранію прозы*: »Прилежное чтеніе *Писателей языка своего* (?) производитъ тоже дѣйствіе въ слогѣ нашемъ, *что* обхожденіе *учтивѣйшихъ* (?) людей *надъ права-*

мое — доказываетъ, что Издателю хотѣлось напечатать книгу, которую-бы *прилежно читали*. Сближеніе довольно странное, но менѣе-ли странно и то, что Издатель не объявляетъ своего имени, слѣдовательно читатель не знаетъ, кто ручается ему за изящный выборъ?

Впрочемъ, то и другое у насъ не новость: у насъ всякому воля издавать *образцовыя* сочиненія, и даже свои собственныя издѣлія почитать образцовыми. Кто знаетъ прежнія *Образцовыя сочиненія* наши, тотъ можетъ имѣть понятіе и о новомъ продолженіи оныхъ.

Не будемъ разыскивать: можно-ли у насъ было набрать *восмнадцать томовъ образцовыхъ сочиненій?* Мы согласны, что какъ въ старомъ были, такъ и въ новомъ собраніи есть пьесы прекрасныя; что прозаическія сочиненія Карамзина, Ѳ. Н. Глинки и другихъ Писателей заслуживаютъ полное вниманіе; но какъ попали сюда легкія журнальныя статейки П. П. Свиньина, А. М. Данилевскаго, Кн. П. М. Долгорукова, или отрывки изъ Путешествія по Тавридѣ, Г. Броневскаго, повѣсть, Г. Панаева, даже маленькіе переводы статеекъ, которыхъ, вѣроятно, и сами Авторы никогда не думали помѣщать въ число *образцовъ Русской прозы?* Печатая пьесы Гг. Козицкаго и Подшивалова, Издатель говоритъ: »Мы рѣшились лучше нарушить »порядокъ, нежели справедливость. Проза Ломо»носова, Хераскова, Козицкаго, Подшивалова и те»перь еще обворожаетъ слухъ, плѣняетъ воображе»ніе и убѣждаетъ разумъ.« — Красиво сказано, но какая-же справедливость, въ наше время выдавать за образецъ *переводъ въ прозѣ* Овидіевыхъ Превраще-

ній, Козицкаго? Даетъ-ли понятіе о слогѣ Подшивалова маленькая сказочка, переведенная имъ для журнала? Также, три странички изъ *Исторіи военныхъ походовъ Россіянъ*, соч. Г Бушурлинымъ, даютъ-ли понятіе о талантѣ сего отличнаго военнаго Писателя, а пять страницъ, выхваченныхъ изъ Исторіи Карамзина, понятіе о слогѣ и достоинствѣ твореній Исторіографа? — Всего забавнѣе поступилъ Издатель съ статьею Г. Лобойки, *Взглядъ на древнюю Словесность Скандинавскаго Сѣвера:* взялъ изъ нее нѣсколько клочковъ и напечаталъ ихъ безъ конца, средины и начала.

Такъ обходился онъ съ *образцовою* прозою: стихамъ не легче отъ безразборчивости Издателя. Можно ли повѣрить, не видавши собственными глазами, что при нынѣшнемъ изобиліи произведеній истинно-поэтическихъ, въ *образцовыхъ Русскихъ стихотвореніяхъ, появившихся съ 1821 по 1823 годъ, рядомъ съ стихами Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Кн. Вяземскаго, Языкова, Дельвига, Козлова*, напечатано — признаніе Князя П. И. Шаликова, въ которомъ онъ говоритъ:

Всѣмъ сердцемъ вѣрить я готовъ,
Что я любимецъ Музъ, боговъ. . .
Ахъ! я счастливѣе судьбою
Всѣхъ Аполлоновыхъ сыновъ! . . .

И какъ могли Издатели, напечатавъ превосходные стихи Князя Вяземскаго (стр. 43),

Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,
Но чувства языкомъ, иль лучше, самымъ чувствомъ!
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло;
Поэтовъ цѣховыхъ размножилось число —

напечатавъ, повторяемъ, сіи стихи, не понять ихъ и помѣстимъ, на примѣръ, слѣдующія стихотворенія:

(Стр. 89) — И такъ, съ минуты сей прощаюся навѣки
Я съ Музой и перомъ: о тигры человѣки!
Не я-ль *просиживалъ* до утренней зари?
Трудился и кропалъ, терзая словари,
И съ риѳмою въ войнѣ, *чернилъ истративъ бочку*,
Блаженнымъ чту себя, *когда одну хоть строчку*
Успѣю написать; — за всѣ мои труды
Гоненіе терплю: *вотъ жалкіе плоды*
Старанія и мукъ несчастнаго Поэта! . .

(Стр. 228) — Звучитъ призывный барабанъ!
Окончилось служенье Фебу;
Пѣвецъ *взглянулъ прискорбно къ небу*
И спряталъ лиру въ чемоданъ. . .

(Стр. 270) — Давно ужь я не сочиняла,
Но милому cousin не смѣю отказать;
Вы просите, чтобъ я въ Альбомѣ *написала*:
Съ большой охотою; но что-же *написать*?..

(Стр. 294) — Красавицы, какъ вы, жестоки,
Въ любви сердцамъ даютъ уроки;
Такъ, можетъ быть!
Но чтобъ, какъ вы, уму послушны,
Холодны-бъ были, равнодушны:
Не можетъ быть! . .

(Стр. 337) — Умолкни, ложь хитросплетенна,
Піитовъ свѣтскихъ, мудрецовъ;
Явися истина священна
Безъ покрывала красныхъ словъ (*). . .

(*) Умолкни чернь непросвѣщенна,
Слѣпые міра мудрецы!
Небесна истина, священна,
Свою мнѣ шайну вы пророцы!
(Соч. Державина, Т. II, стр. 1.)

Не уже-ли подобныя произведенія досуга или досужества, суть *образцовыя Русскія сочиненія?* — Четыре портрета присовокупленные къ книгамъ (Кн Вяземскаго, А. Ѳ. Мерзлякова, Ѳ. Н. Глинки и А. Х. Востокова) выгравированы порядочно, но не всѣ похожи.

По заглавію книгъ видно, что онѣ будутъ продолжаться: желаемъ Издателю болѣе вкуса въ выборѣ, если изданіе подобныхъ сборниковъ не запрещается Литературными условіями.

114. *Стихи на кончину Ея Превосходительства, Тайной Совѣтницы Анны Гавриловны Кашкиной.* М. 1825. in 4. 4 стр.

Имя Сочинителя стиховъ означено въ концѣ оныхъ слѣдующимъ образомъ: »*Усерднѣйшій чтитель памяти Ея Превосходительства, Василій Георгіевскій.*

115. *Волшебный носъ*, или Талисманы и Финики, волшебная Опера - водевиль въ шести дѣйствіяхъ (,). Передѣланная съ Французскаго (?) А. П. (?) Писаревымъ. М. 1825. in 8. 83 стр.

Мы ничего не скажемъ о Волшебномъ носѣ Г. Писарева, вопервыхъ потому, что и безъ того онъ, кажется, очень сердитъ на Журналистовъ; на примѣръ, даже въ Волшебномъ носѣ заставляетъ Турецкаго Пашу бранить Журналы (*), а вовторыхъ,

(*) *Паша.* Да не уже-ли вы тоже Принцъ, о смерти котораго недавно писали въ Журналахъ?
Гассанъ (въ сторону). Ай! ай! *Чортъ возьми!*
Зюлема (въ сторону). Вотъ тебѣ разъ!
Гассанъ. Помилуйте, кто-жь нынче вѣритъ Журналамъ?..
(Волшебный носъ, Г. Писарева, стр. 23.)

что прикажете сказать *о водевилѣ, въ шести дѣйствіяхъ, передѣланномъ съ Французскаго*? — Не льзя однакожь не прибавить, что куплеты здѣсь очень хороши. Вообще Г. Писаревъ остроумно составляетъ куплеты: въ доказательство приводимъ недавно читанный нами въ *Драматическомъ Альбомѣ* (стр. 129) (кстати о водевилѣ):

Мишурскій водевиль скропалъ:
Друзья вездѣ его хвалили;
Его сыграли ..... онъ упалъ,
Какъ могутъ падать водевили!
Скажу Мишурскимъ не во гнѣвъ,
Что мой совѣтъ: *не торопиться*,
Молчать и помнить мой припѣвъ:
Что дѣло мастера боится.

П.

1826.

21. *Собраніе узаконеній о векселяхъ, заемныхъ письмахъ, банкротахъ и прочихъ долговыхъ актахъ*, содержащее въ себѣ Вексельный Уставъ, Банкротскій Уставъ и послѣдовавшіе *по предмету сему* (?) Указы и постановленія по 1826 годъ, составленное В. Ѳоминымъ, Архиваріусомъ Коммисіи составленія законовъ. Спб. 1826. in 4. VII, XII и 375 стр.

Въ 15 нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей объявлена была сія книга, съ удостовѣреніемъ, что въ ней собраны по сему предмету и приведены *въ систематическій* порядокъ всѣ Уставы, начиная отъ Вексельнаго, Указы и постановленія по 1826 й годъ.

При взглядѣ на одно заглавіе оказывается, что сіе собраніе составлено *не систематически*, ибо

изъ словъ — »собраніе узаконеній о векселяхъ, заемныхъ письмахъ, *банкротахъ и прочихъ долговыхъ актахъ*,« не можно-ли заключить, что банкроты суть особый родъ долговыхъ актовъ? При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи сего собранія узаконеній каждый удостовѣрится, что оно есть перепечатаніе подобнаго сему Собранія узаконеній о векселяхъ etc . . ., изданнаго въ 1820 мъ году, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ узаконеній, состоявшихся по 1826 й годъ, и имѣетъ всѣ его недостатки, какъ-то, на примѣръ: не заключаетъ въ себѣ большей части узаконеній, относящихся до совершенія закладныхъ, тогда когда онѣ служатъ у насъ главнѣйшимъ заемнымъ актомъ. Впрочемъ, къ означенному оглавленію и самое названіе заемныхъ актовъ не принято, а вмѣсто онаго упоминается о долговыхъ, кои вовсе не составляютъ особеннаго рода обязательствъ, ибо всѣ прочіе акты, по коимъ производится денежный искъ, могутъ быть названы въ отношеніи того иска долговыми. — Каждый заемный актъ есть вмѣстѣ долговой, но не всякій долговой актъ заключаетъ въ себѣ заемъ. — Касательно полноты, составляющей главное достоинство хронологическаго собранія законовъ, замѣчательно, что въ сравненіи съ изданіемъ 1820 года выпущены Указы 1730 Апрѣля 23, 1732 Октября 27, 1737 Ноября 24, 1739 Августа 10, Сентября 21, 1740 Іюля 14, 1743 Октября 7, 1744 Августа 9, 1749 Октября 3, 1758 Мая 22, 1768 Ноября 15, 1774 Сентября 11 и 25, Октября 2, 1775 Марта 17, 1781 Іюля , 1797 Декабря 18, 1799 Мая 7, 1804 Мая 14, 1810 Февраля 18, 1814 Мая 19 го; добавлены Указы 1759 Де-

кабря 18, 1775 Октября 1786 Іюня 28 пункт 24, 1788 Октября 5, 1797 Іюня 15, 1808 Марта 10 Уставъ Коммерческаго Суда, 1819 Марта , Октября 20 и 24 го. — Изъ узаконеній же, обнародованныхъ по сей части съ 1821 по 1826 й годъ, помѣщено только 19 ть, — и выпущены всѣ узаконенія (кромѣ 1823 Апрѣля 10 го), образовавшія съ 1821 года ходъ наложенія и разрѣшенія запрещеній, составляющій одно изъ главнѣйшихъ обстоятельствъ производства дѣлъ о заемныхъ актахъ; всѣ законоположенія сего времени, касательно порядка продажи имѣній за долги и касательно коммерческихъ книгъ (кромѣ Указа 1824 Января 12 и Февраля 26 дня) и многія другія важнѣйшія о заемныхъ актахъ постановленія, какъ то: 1821 года Марта 18, объ уступкахъ по долговымъ искамъ въ пользу Приказовъ Общественнаго призрѣнія, Сентября 6 го, о воспрещеніи Медицинскимъ Чиновникамъ, при Гошпиталяхъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ находящимся, имѣть какія-либо сдѣлки съ поставщиками въ тѣ заведенія припасовъ; 1824 Мая 3 дня Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, объ удержаніи на удовлетвореніе частныхъ исковъ суммъ, назначенныхъ къ выдачѣ подрядчикамъ изъ казны; Сентября 28 го Высочайше утвержденное мнѣніе Комитета Гг. Министровъ объ арендахъ и удовлетвореніи долговъ доходами и денежными выдачами оныхъ; Указъ 1825 Августа 31 го между прочимъ о томъ, что ограниченій въ суммахъ, по предмету торговли установленныхъ, не велѣно распространять на условія о покупкѣ имѣній, или о залогахъ и вообще ни

на какія сдѣлки, касающіяся собственно до торговли и проч.

Все сіе, какъ кажется, доказываетъ, что собраніе узаконеній, сдѣланное Г-мъ Ѳоминымъ, весьма недостаточно и не можетъ быть названо систематическимъ.

22. *Опытъ Библіотеки для военныхъ людей*, изданный Василіемъ Соцомъ Членомъ С. Петербургскаго Общества Любителей Слов., Наукъ и Художествъ. Спб. 1826. in-8. XVIII и 315 стр.

Библіотека Русскихъ книгъ, предназначенныхъ для употребленія военныхъ людей, донынѣ такъ невелика, что всякая книга по сему предмету для насъ должна быть замѣчательна. Доказано, что ученіе необходимо воину, точно также какъ и всякому гражданину, и предразсудокъ, что оно можетъ отвлечь воина отъ его должности у насъ уже оставленъ: многіе воины наши столь-же блистательно отличились на поприщѣ Литературномъ, какъ и на поприщѣ военномъ, и при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію понятно, отъ чего книга Г. Соца принята такъ благосклонно военными людьми (*). Весьма немногіе изъ нашихъ воиновъ имѣютъ средства сами практически узнать нужныя и полезныя для нихъ книги и потому руководство въ семъ случаѣ необходимо: книга Г. Соца, для *начальнаго руководства*, представляетъ всѣ удобства.

Цѣль Автора была: исчислить всѣхъ важнѣйшихъ Писателей военныхъ собственно, и такихъ, которыхъ военные люди могутъ читать съ пользою для своего занятія. Авторъ раздѣляетъ всѣхъ воен-

(*) Первое изданіе оной уже раскуплено и второе печатается.

ныхъ писателей на 4 періода: 1, Греки и Римляне; 2, съ начала XV вѣка до половины XVII; 3, съ половины XVII до конца XVIII; 4, съ сего времени до насъ. Въ каждомъ періодѣ сначала исчисляетъ онъ Писателей, кратко (и иногда ужь очень кратко), объясняетъ что кто писалъ; потомъ, вообще обозрѣваетъ ходъ и успѣхи военнаго искуства въ томъ періодѣ, указываетъ на замѣчательнѣйшія перемѣны въ устройствѣ войскъ, порядкѣ битвъ, важнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и проч. Планъ очень хорошъ и исполненъ хорошо. Авторъ не могъ помѣстить вполнѣ и подробно Исторіи Военнаго искуства: онъ составлялъ только *указателя* къ тѣмъ книгамъ, гдѣ она вполнѣ излагается, и не входилъ ни въ какіе критическіе разборы, предоставляя это знатокамъ военнаго дѣла. Съ 144 до 165 стр. излагаются труды Русскихъ военныхъ Писателей: Беннигсена, Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, Е. Б. Фукса, П. И. Рахманова, Графа Н. М. Каменскаго, Столыпиныхъ, С. А. Тучкова, Д. П. Бутурлина, Д. В. Давыдова, Н. М. Сипягина, Ѳ. Н. Глинки, А. А. Писарева и другихъ (*). — Съ 222 стр. идетъ статья: *О Военномъ искуствѣ и силахъ Россіянъ въ разныя эпохи.* Здѣсь Критика остается недовольною. Авторъ входитъ во множество ненужныхъ подробностей, а мало говоритъ собственно о военномъ искуствѣ Россіянъ; описываетъ Задонскую битву и сраженіе Пожарскаго съ Поляками, но молчитъ о Военномъ искуствѣ Рускихъ при ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ I, ИМПЕРАТРИЦАХЪ ЕЛИСАВЕТѢ, ЕКАТЕРИНѢ II, ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ I, и даже

(*) Между которыми съ удивленіемъ замѣтили мы Г. Мальгина:

оканчиваетъ свое обозрѣніе царствованіемъ ЕКАТЕРИНЫ. Извѣстно, что съ ПЕТРОМЪ Великимъ началось у насъ истинное Искусство военное, а въ царствованіе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, ИМПЕРАТОРА ПАВЛА и особенно ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА были самыя блистательныя его эпохи: не уже-ли отечественную войну 1812 года должно было прейти молчаніемъ, въ то время, когда Авторъ много говоритъ — *о походахъ Святослава?* — Можно-бы подумать, что упущенное здѣсь описано въ статьѣ за тѣмъ слѣдующей: *О трехъ Великихъ Полководцахъ Россіи*, гдѣ, какъ самъ Авторъ говоритъ, »собраны историческія извѣстія о трехъ искуснѣйшихъ, можно сказать *классическихъ* (*) Полководцахъ Россіи,« т. е. Румянцовѣ, Суворовѣ и Кутузовѣ; но, къ удивленію, это послужные списки, а не *біографіи полководцовъ*: узнаемъ, когда кто получилъ Орденъ или чинъ, а ничего не узнаемъ: кто, когда, гдѣ и какъ отличился великими воинскими распоряженіями? Разумѣется, что послужной списокъ гораздо легче составить, нежели *ученое обозрѣніе* подвиговъ Полководца, но это не о п р а в д а н і е Автору. Мы желали-бы въ новомъ изданіи книги Г. Соца обѣ послѣднія статьи (съ 222 по 307 стр.) видѣть *совершенно передѣланными*: это усовершенствуетъ книгу и сдѣлаетъ честь Автору, а матеріаловъ

(*) Говорится: *классическая книга, классическая земля*, но едва-ли можно сказать: *классическій полководецъ*, ибо это будетъ значить *полководецъ учащійся* въ *классѣ*; слова: *классическій писатель*, не могутъ быть доказательствомъ прошивнаго, ибо тамъ берется производящее за производимое: это метонимія.

найдетъ онъ множество въ сочиненіяхъ Бутурлина, Жомини, Фукса, Давыдова и проч.

Желательно также, чтобы при 2-мъ изданіи, Авторъ болѣе включилъ Нѣмецкихъ и Англинскихъ писателей, имъ слегка упомянутыхъ, ибо онъ обращалъ вниманіе болѣе на Французовъ, и чтобы дополнена была *библіографическая* часть книги, т. е. прибавлены полнѣйшія свѣдѣнія объ изданіяхъ книгъ, о переводахъ и достоинствѣ переводовъ. Желая споспѣшествовать въ семъ отношеніи, замѣтимъ, на прим., что на стр. 2 пропущено *лучшее* изданіе Ѳукидида, Г. Галя (Парижъ. 1807 г. 8 Томовъ, оригиналъ и превосходнѣйшій Латинскій и Французскій переводъ (*)). При многихъ писателяхъ *совсѣмъ не упомянуто* объ изданіяхъ (на прим. при Ксенофонтѣ, Полибіи, Саллустіи, Корнеліи-Непотѣ, В. Патеркулѣ, Квинтѣ-Курціи, также среднихъ и новыхъ писателяхъ). О переводахъ, вообще извѣстія весьма неполны, на примѣръ: при *Макіавелѣ* пропущенъ Французскій переводъ всѣхъ его сочин. Гироде и Гоша (Парижъ. 1799. 6 Том. Нов. изд. Парижъ. 1821. 12 Томовъ). Излишне было-бы здѣсь выписывать всѣ пропуски, ибо Авторъ найдетъ ихъ въ хорошихъ Библіографическихъ Словаряхъ. — На стр. 8 находимъ извѣстіе, что Корнелій-Непотъ переведенъ Гг. Лебедевымъ и Кошанскимъ; но, если не ошибаемся, Г. Кошанскій издалъ только учебный текстъ, а не переводъ сей книги.

(*) Замѣчательно, что донынѣ Ѳукидидъ — первый Историкъ Греческій — *совершенно неизвѣстенъ* въ Русской Литературѣ!

23. *Апологи въ четверостишіяхъ.* М. 1826, in 16. 121 и IV стр., съ заглавнымъ гравир. листкомъ.

Если-бы не льзя было узнавать твореній отличныхъ писателей безъ подписи имени, мы увѣрены, что на Парнассѣ толпились-бы анонимы: такъ думаемъ мы, видя жалкія усилія многихъ пишущихъ, какъ нибудь, хоть на чужой счетъ, приобрѣсть извѣстность; но усилія тщетны: подписывай или не подписывай свое имя посредственность, она все останется *безъименною,* и въ то же время истинный талантъ, не думая ни объ извѣстности, ни о славѣ, скрываетъ свое имя, но его узнаютъ съ первыхъ словъ.

Эта мысль встрѣтилась намъ, когда мы читали новое собраніе Апологовъ, Авторъ котораго скрылъ свое имя подъ буквами: И. Д.

Собраніе это раздѣлено на двѣ части: въ каждой помѣщено по 28 Апологовъ, и каждый Апологъ заключается рѣшительно въ *четырехъ* стихахъ. »Я не забочусь о томъ,« говоритъ Авторъ вначалѣ, »признаютъ-ли ихъ Баснями или Апологами. Соглашаюсь даже и самъ назвать ихъ просто *нравоучительными четверостишіями.* Желаю только, чтобы они достигли цѣли своей и »сохранили достоинство Поэзіи.« Желаніе Автора исполнилось: достоинство Поэзіи сохранено имъ въ превосходной степени и его Апологи, при всемъ своенравномъ условіи краткости, удовлетворяютъ требованіямъ самой взыскательной Критики.

Схоластики давно толковали намъ, что Апологи изобрѣтены Восточными рабами, не смѣвшими говорить правды повелителямъ; потомъ, когда Лафонтен

далъ особенную форму своимъ Апологамъ, Схоластики выдумали непремѣнныя для Аполога условія à la Lafontaine. Какое забавное усиліе подчинить свободное стремленіе духа человѣческаго въ Поэзіи школьнымъ условіямъ! Если Поэзія въ *частномъ* стремленіи своемъ (предполагая Эпопею, Лирику и Драму *самостоятельными стремленіями выражаться изящно*, безъ всякой отдѣльной цѣли), если Поэзія въ Апологѣ склоняется къ наставленію человѣка аллегорическими образами, и если аллегорія, столь многоразличная и повсемѣстная, причастна выраженію духа человѣческаго, можно-ли: 1 е почитать Апологъ изобрѣтеніемъ робкаго невольничества? И 2-е: можно-ли предписывать ему длину, величину и непремѣнно одну извѣстную форму? — Поэзія многоразлична, какъ многоразличенъ духъ человѣка; а посему и нашъ Поэтъ имѣлъ право назвать Апологами краткія аллегоріи, изъ которыхъ нѣкоторыя изобрѣтены имъ самимъ, другія переведены, и всѣ вообще плѣняютъ насъ силою мыслей, мастерскою отдѣлкою и цвѣтами Поэзіи, хотя, какъ мы сказали уже, Апологъ вообще есть уклоненіе Поэзіи въ частность, *нравоученіе*, слѣдовательно, въ немъ Поэтъ необходимо жертвуетъ Поэзіею Философіи.

Можетъ быть, мы могли-бы сказать читателямъ имя Автора, но не смѣемъ нарушать тайны: его узнаютъ по творенію, и кто-же давно не знаетъ наизусть Апологовъ: *Полевой цвѣтокъ* (*), *Же-*

(*) Простой цвѣточикъ, дикой,
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что-же? отъ нее душистымъ сталъ и самъ, —
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

лѣзо и магнитъ, Дитя на столѣ, Разбитая скрыпка? Не нарушая тайны, скажемъ, что всѣ оные Апологи *находятся въ новомъ собраніи Апологовъ* и слѣдственно, собраніемъ симъ мы обязаны тому-же Поэту, который донынѣ остается образцовымъ въ Сказкахъ и Басняхъ. . . .

Предоставляемъ просвѣщеннымъ соотечественникамъ наслажденіе чтеніемъ новыхъ Апологовъ. Указывать на изящное въ нихъ, значило-бы переписывать ихъ почти всѣ; изыскивать какія-нибудь мѣлочныя обмолвки, значило-бы не имѣть уваженія къ читателямъ. Говорятъ, что указаніе на ошибки великаго Писателя поучительно; но когда и какъ? Бываютъ творенія, блестящія Поэзіею мыслей и облеченныя въ неисправную форму слова; бываютъ другія, гдѣ за блестящія поэтическія красоты Авторъ платитъ столь-же великими погрѣшностями: въ послѣднее болѣе всего впадаютъ пылкіе молодые люди; но Апологи нами разсматриваемые не есть произведеніе пылающаго воображенія юноши; это совѣты опытной мудрости старца, облеченные въ гармоническія формы Поэзіи. Разсматривая ихъ, видимъ, что здѣсь каждое слово обдумано, поставлено вѣрнымъ знаніемъ языка и можетъ показаться не совсѣмъ точнымъ, или не кстати употребленнымъ потому только, что Критикъ не поставитъ себя на ту точку зрѣнія, съ которой Поэтъ смотрѣлъ на предметъ свой.

Содержаніе и сущность Апологовъ весьма разнообразны: въ иномъ видите тонкое познаніе свѣта; въ другомъ, нѣжное чувство, прелестно выраженное, на примѣръ:

Чужеземное растеніе.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой? — Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ.

Безпечность Поэта.

Поэтъ случайно въ честь и кругъ бояръ попалъ;
Но буря зависти противъ его возстала,
И всюду разнеслось: пѣвцу грозитъ опала. —
Такъ я былъ въ случаѣ? вотъ новость! онъ сказалъ.

Тамъ находите истину, облеченную въ поэтическій образъ:

Низпроверженный истуканъ.

Что вижу? истуканъ мой въ прахѣ! мщенье, мщенье!
Вскричалъ деспотъ, себя равнявшій съ Божествомъ:
Накажемъ смертью дерзновенье!
Кто низложилъ его? кто этотъ врагъ мой? — Громъ.

Узда и конь.

Съ чего конь пышетъ, ржетъ? — Гортань дерутъ уздою.
Ослабили узду, и конь пошелъ на стать. —
Властитель! хочешь-ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкрутъ, но мощною рукою.

Или встрѣчаете урокъ опытности, изящно-сказанный:

Мыльный пузырекъ.

Блестящій тысячью Присиныхъ цвѣтовъ
Изъ мыла пузырекъ на воздухѣ гордился;
Но дунулъ вѣтръ, и вмигъ онъ въ каплю превратился. —

Судьба временщиковъ.

Князь Вяземскій, говоря о сочиненіяхъ И. И. Дмитріева, сдѣлалъ между прочимъ остроумное замѣчаніе: »Не льзя довольно надивиться, что у насъ, »когда ничтожнѣйшее замѣчаніе на игру актера, или »малѣйшее оскорбленіе, нанесенное неприкосновен»ному величеству Писателя посредственнаго, зажи»гаетъ войну перьевъ, претворяетъ мирные Жур»налы въ шумное поле битвы и вызываетъ изъ»подъ земли тысячу воителей, готовыхъ ратовать »до истощенія силъ физическихъ, и долго по ис»тощеніи терпѣнія читателей, брань, объявленная »первымъ смѣльчакомъ Писателямъ заслуженнымъ, не »возбуждаетъ ни въ комъ ратной ревности, поле »битвы безспорно остается во владѣніи перваго наѣзд»ника на его славу, не за тѣмъ, что онъ правъ, но за тѣмъ »что онъ одинъ! — *Исконя существуетъ*, гово»ритъ Даламбертъ, *заговоръ тайный и общій*, »*посредственности противъ дарованій превосходных*, *отдѣленіе союза тайнаго и обширнѣйшаго бѣд»ныхъ противъ богатыхъ, малыхъ противъ большихъ »и слугъ противъ господъ.* — Наблюденіе Французскаго Философа не наведетъ-ли и насъ на истин»ную причину, отъ чего иные изъ нашихъ Писа»телей должны отвѣчать каждый за себя, а другіе »отвѣчаютъ другъ за друга (*)?« Все это мы

(*) *Стих. И. И. Дмитріева*, изд. Спбург. Общ. Л. Р. С. Т. I, стр. XLVI.

выписываемъ мимоходомъ, не обращая сихъ словъ ни къ которому изъ нашихъ Критиковъ.

Конечно никому не извѣстно, что Апологи нами разсматриваемые возбудили критическую ревность Издателя Дамскаго Журнала: извѣщаемъ любопытныхъ, что въ No 5 Дам. Журн. Издатель онаго выступилъ на поле *битвенной битвы* (*) и между извѣстіемъ о *Парижскомъ катаньѣ на конькахъ* и *Парижскими модами* напечаталъ — *Критику на Апологи!* Онъ самъ признается, что *цѣловалъ* (**) нѣкоторые изъ нихъ, что они вообще удивительны, прекрасны, *милы*, и въ тоже время — какое противорѣчіе! — въ грозномъ устремленіи, онъ обличаетъ Автора въ Историческихъ, Логическихъ и Грамматическихъ ошибкахъ — *даже и Грамматическихъ*, хотя давно уже *печатно отрекся отъ Грамматики!* Въ самомъ дѣлѣ: Дамскій Журналъ — Исторія, Логика, Грамматика — вотъ слова, которыя *воютъ отъ ужаса*, видя себя поставленными вмѣстѣ!

„Безъ сихъ замѣчаній," говоритъ Критикъ, »насъ могли бы обвинить въ лести; но мы не имѣемъ »причины опасаться подобной укоризны, когда ска»жемъ о *своемъ* Авторѣ« (Авторъ Издателя Дамскаго Журнала? *Его* Авторъ!) »ибо кто не »узналъ его и по симъ *геніяльнымъ игрушкамъ*: »Rien ne manque à sa gloire; Il manquait à la notre.«

Но не въ правѣ-ли мы требовать, чтобы Критикъ, осмѣливаясь показывать ошибки великаго Писателя, *доказалъ намъ, что онъ самъ не оши-*

(*) *Полемической* битвы — такъ пишетъ Изд. Дам. Жур.

(**) Безъ фигуры: *цѣловалъ губами*, см. Д. Ж. No V, стр. 220.

бается и не привязывается къ ничтожнымъ мѣлочамъ, не заслуживающимъ никакого вниманія, и только обрекающимъ привязчиваго Критика справедливому негодованію просвѣщенной Публики?

Критикъ начинаетъ: »*Апологи въ четверостишіяхъ*. Подъ симъ *необыкновеннымъ* заглавіемъ« (*названіемъ*, Г-нъ Критикъ, а не заглавіемъ!)« вышла небольшая книжка, въ которой черезъ страницу напечатано по четыре ямбическихъ стиха.« Вотъ что всего болѣе замѣтилъ Критикъ! Онъ еще сомнѣвается: должно-ли назвать Апологи Апологами? Каково *опредѣленіе* одного изъ прекраснѣйшихъ явленій Русской Словесности: »*Небольшая книжка, въ которой черезъ страницу напечатано по четыре ямбическихъ стиха*?« Отъ этого ахнешь и не будучи Издателемъ Дамск. Журнала.

За тѣмъ выписано предисловіе Автора (*маленькое*, прибавляетъ Критикъ: что за привычка все опредѣлять *наружною величиною!*) и Критикъ обличаетъ ошибку Автора, что »Мольво, издавшій »100 четверостишныхъ Басенъ, не былъ ихъ изобрѣ»тателемъ и только подражалъ Греческому Грам»матику Габріасу« (*Габрію*, Г. Критикъ!) »жившему »въ 4 вѣкѣ, а по мнѣнію Эллениста« (*Эллиниста*, М. Г.!) »Тирвита« (*Тирвейта*, Г. Издатель Дамскаго Журнала: ночно такъ вы нѣкогда перенесли *Олимпъ* къ *Славянамъ* и населили его *Валкиріями*, т. е. смѣшали Греческую, Славянскую, Скандинавскую Миѳологію, а въ другомъ мѣстѣ какую-то Аталу смѣшали съ Атталомъ, Царемъ Пергамскимъ!) »прежде Р. Х.«

Но къ чему разсыпаны всѣ сіи ошибки? Развѣ Авторъ говорилъ, что Мольво *изобрѣлъ* четверо-

стишные Апологи? Онъ сказалъ только, что Апологи свои *почти всѣ выбралъ изъ четверостишныхъ Басенъ, Мольво.*« — Для чего-же блистаетъ своею ученостію Г. Критикъ?

»Мы видѣли въ рукописи такія-же, т. е. »четверостишныя, Французскія Басни, написанныя »извѣстнымъ, живущимъ въ Москвѣ, Г-мъ Деламо»линьеромъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, если не ошибаемся, находятся въ числѣ Апологовъ Русскаго »Поэта.« — Опять, къ чему это? Авторъ говоритъ: ПОЧТИ *всѣ выбраны*, слѣд. не утверждаетъ, что, кромѣ Мольво, ни у кого не заимствовалъ? Апологъ, на стр. 83, есть произведеніе Саади; но это ни мало не противорѣчитъ словамъ Поэта.

»Какое ни присудили бы имя *симъ четверостишіямъ*« (Критикъ никакъ не хочетъ назвать Апологовъ Апологами, но спрашивается: кто будетъ *присуживать*? »но они, не взирая на однообразія« (*однообразіе*, Г. Критикъ!) »рамъ, не взирая *на тѣсноту, въ которой сжаты*« (прошу разгадать!) »они такъ искусно вставились опытною рукою худож»ника,« (и такъ: Поэтъ — *художникъ*? —) »такъ не принуждены« (*непринужденны*, хотѣлъ сказать Критикъ) »и полны, такъ выразительны и »сильны, что не только желаешь съ новымъ удо»вольствіемъ повторить прочитанное и оставить въ »памяти; но еще желаешь, чтобы *нѣкоторыя* изъ »нихъ были начертаны надъ входомъ *въ нѣкоторыя* »храмины, на примѣръ....« За тѣмъ выписано восемь Апологовъ, и между прочими выписанъ слѣдующій:

Садовая Мышь и кабинетская Крыса:

Ты книги все грызешь? дивлюсь твоей охотѣ!
Умнѣе-ль будешь ты? пустая то мечта.

Сказала Крысѣ Мышь, жилица въ темномъ гротѣ.

Отвѣтъ былъ: Что мнѣ умъ? была-бы лишь сыта. Кажется, этотъ Апологъ приличнѣе написанъ надъ *нѣкоторыми* рецензіями, а не надъ входомъ въ *нѣкоторыя* храмины.

Критикъ спрашиваетъ: »*Принять-ли на себя* »*лицо Критики?*« — Отвѣтъ: какъ угодно! — »И спрашиваешь-ли Автора: къ чему должно отнести въ послѣднемъ стихѣ послѣдней Басни мѣстоименіе: *ихъ* — къ Апологамъ или Критикамъ?« — Отвѣчаемъ ему за Автора: *къ Критикамъ*, М. Г., и ваша рецензія есть вѣрное тому доказательство!

»Но это сущая мѣлочь« — продолжаетъ Критикъ. — Совершенно согласны, но для чего-жь Критикъ ею занимался? И какъ иначе назвать слѣдующія привязки: почему *добродѣтель* названа просто *доблестью*, а *порокъ*, *порокомъ?* Почему сказано: *Березка выросла предъ домомъ кривобока*, а не *предъ домомъ выросла березка кривобока?* Три-четыре подобные вопроса и — конецъ критикѣ. Желая доказать несправедливость Г. Критика даже и въ этѣхъ привязкахъ, посмотримъ на двѣ изъ нихъ.

»Вотъ и неисправный стихъ:

«Стыдится захотѣть, чтобъ ты его учила.«

Что-жь тутъ неисправнаго? Критикъ доказываетъ: «*Времена* глаголовъ должны *соглашаться* (съ чѣмъ?): »здѣсь *захотѣть*, представляетъ *идею будущаго*, »стыдится *настоящаго.*« — И такъ, Критикъ не знаетъ различія между *наклоненіемъ изъявительнымъ* и *наклоненіемъ неопредѣленнымъ*, и думаетъ, что *всѣ измѣненія глаголовъ сложенныхъ съ частицею* ЗА означаютъ будущее? Какова Грамматика!

«Въ Баснѣ: *Павлинъ*, надлежало-бы сказать »*индѣйкамъ*, а не *индѣекъ*.» — Неправда, не надлежало, ибо Поэтъ говоритъ: *Павлиній ростъ пришелъ не на вкусъ индѣекъ*, слѣд онъ не могъ поставить здѣсь *дательнаго* падежа (на вкусъ чей, кого, а не *кому*). Басня эта такъ хороша, что мы выписываемъ ее:

П а в л и н ъ.

Индѣекъ не на вкусъ пришелъ павлиній ростъ.
Какой, кричатъ, уродъ! А онъ въ отвѣтъ злодѣйкамъ
Лишь только раздувалъ свой изумрудный хвостъ.
Творенье генія — отвѣтъ *его* индѣйкамъ.

Заключаемъ симъ прелестнымъ произведеніемъ замѣчанія на критику Издателя Дам Журнала, которая доказываетъ, что если нѣтъ худа безъ добра, нѣтъ и добра безъ худа: появились Апологи, появилась и Критика Издателя Д. Ж. Ainsi va le monde. —

24. *Театръ Августа фонъ Коцебу*, содержащій собраніе *новѣйшихъ* (*) театральныхъ сочиненій славнаго сего Писателя, переведенный съ Нѣмецкаго Ѳедоромъ Эттингеромъ. Часть V. Спб. 1826. in 12. 408 стр.

Лѣтъ за двадцать, Коцебу былъ у́ насъ въ большой славѣ: тогда все сплошь переводили, что ни выходило изъ-подъ пера сего плодовитаго Писателя. Тогда начался переводъ и его Театра. Имъ занимался одинъ свѣдущій Литтераторъ съ большимъ умѣньемъ: выборъ пьесъ былъ прекрасный и переводъ

(*) Долго-ли будутъ сочиненія Коцебу *новѣйшими*? Къ чему это прилагательное изъ словаря книжныхъ лавокъ?

чрезвычайно близокъ и хорошъ. Къ изданнымъ тогда 16, присовокуплены послѣ еще четыре тома, которые всѣ въ 1824 году изданы вновь. Коцебу не первокласный Драматическій Писатель: объ этомъ уже не спорятъ. Трагедіи его несносны, фарсы большою частію несвязны и грубы; но Комедіи его, или, лучше сказать, особенный родъ комедій, называемый Нѣмцами Schauspiel, никогда не потеряютъ своего достоинства. Въ нихъ недостатки выкупаются красотами и собраніе сихъ пьесъ, не всегда нравящихся на сценѣ, можетъ быть книгою, всегда съ удовольствіемъ читаемою въ часы досуга. Рецензентъ признается, что онъ читалъ много разъ: *Эпиграмму*, *Ложный стыдъ*, *Примиреніе двухъ братьевъ*, *Ненависть къ людямъ*, *Бѣдность и благородство души*, *Серебряную свадьбу*, *Вязальныя иголки* и проч., и еще не откажется читать ихъ. Но изъ всего этого слѣдуетъ, что при переводѣ Драматическихъ сочиненій Коцебу потребна изящность выбора — и въ прежнемъ собраніи она была.

Новое продолженіе Театра Коцебу не отличается симъ необходимымъ качествомъ. Въ 5-й части (которая къ прежде изданнымъ есть 25 часть, ибо Г. Эттингеръ издалъ уже 4 части дополненія) находимъ три пьесы: *Многознающій*, Ком. въ 5 д.; *Переодѣванія*, Ком. въ 2 д. и *Раздѣленное сердце*, Ком. въ 1 д. — Всѣ онѣ едва-ли стоили перевода. Третья сколько нибудь еще занимательна, но вторая и особливо первая, принадлежатъ къ самымъ неудачнымъ пьесамъ Коцебу.

Кромѣ выбора, не льзя похвалить и перевода. Разговорный языкъ Переводчика часто сбивается

въ дурной книжный; сверхъ того, часто онъ старается замѣнить Нѣмецкія шутки Русскими, и отъ того у него Нѣмцы говорятъ *о Бабѣ-ягѣ, о репивомъ сердечушкѣ*, и проч. — Повторимъ, что для уравненія съ прежнимъ Театромъ Коцебу, Переводчику надобно хорошо выбирать и хорошо переводить. Литографированная картинка при книгѣ очень плоха.

25. *Г. Блажнинъ, или старый другъ лучше новыхъ двухъ.* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, заимствованная изъ Французскаго водевиля (M. Sans-Gêne) П. Н. Араповымъ. Представлена въ первый разъ на Московскомъ большомъ Театрѣ, въ пользу актера Г-на Рыкалова, Мая 4 дня 1825 г. М. 1826. in 8. 54 стр.

Небольшая, забавная на сценѣ пьеса, особливо при игрѣ несравненнаго Щепкина! Есть и удачные стихи, на примѣръ:

. . . Я пью — а не считаю —
Мнѣ удивительно и странно, что у насъ
Свой изобильный край, какъ на примѣръ — Кавказъ,
И виноградъ тамъ есть, и пламенное лѣто,
Въ двѣнадцатомъ году являлась и комета,
А все нѣтъ Русскаго со звѣздочкой вина.

26. *Любопытнѣйшее въ мірѣ*, или книга, содержащая въ себѣ описаніе *изящнѣйшихъ произведеній Природы* (?) и Искуства, разсѣянныхъ по всей земли (ѣ). Соч. Г. Пропіака, служащее продолженіемъ его Достопамятностей въ мірѣ; съ присовокупленіемъ отъ переводившаго нѣкоторыхъ избранныхъ статей изъ иныхъ Авторовъ. Переводъ съ Французскаго. Съ картинками. Ч. 1 и 2. М. 1826. in 12. XII, 263 и V, 281 стр.

Пропіакъ извѣстенъ своими сочиненіями для юношества, и для дѣтей. Въ его *Достопамятностяхъ*, въ самомъ дѣлѣ много любопытнаго и способнаго занять умы дѣтей. Можно посовѣтовать родителямъ давать дѣтямъ эту книгу. Переводчикъ говоритъ, что онъ исключилъ все что казалось ему несообразнымъ; но это все еще не все: на прим. статьи о *Кракенѣ*, о *Фениксѣ*, не годятся по содержанію ихъ, ибо не должно забивать головы дѣтей невѣроятностями, не предувѣдомивъ ихъ, что это сказки, или аллегоріи, принятыя простолюдинами за дѣйствительность, а статьи: *Храмъ Дизамбула и Храмы Омбоскіе*, слишкомъ сухи для дѣтей. Переводъ довольно хорошъ, хотя мѣстами требовалъ-бы поправокъ. Не знаемъ, почему Переводчикъ пишетъ: *цементъ*, *гипподромъ*, *теперешняя* книга, въ Балѣ, *на Аостской долинѣ*, произведеніе мыса Доброй Надежды, и проч. Надобно-бы также исправить нѣкоторыя ошибки Автора, на прим., что будто *Желтая рѣка* (въ Китаѣ) есть величайшая изъ рѣкъ Стараго свѣта: онъ забылъ Лену, Ангару, Обь, Синюю рѣку и проч.

27. *Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи.* Соч. Г. Бульи, переводъ съ Французскаго А. Пеше. М. 1826. in 16. 387 стр.

Бульи написалъ по препорученію Герцогини Беррійской 16 небольшихъ повѣстей, особенно приноровленныхъ для употребленія внуковъ Короля Французскаго; въ нихъ излагаются истины, которыя особенно должно внушать симъ Августѣйшимъ Дѣтямъ, сохраняются отношенія къ Франціи, и, словомъ: эта книга едва-ли способна для чтенія дѣтей вообще. Но у насъ обыкновенно не переводятъ

что надобно, а переводятъ что не нужно — и *новыя повѣсти*, Бульи, предлагаются Русскимъ дѣтямъ въ дурномъ переводѣ и съ плохими картинками.

28. *Правила билліардной игры*, содержащія показаніе всѣхъ Французскихъ партій и партіи кеглей съ казиномъ, по употребленію *Миланскому и Болонскому*, также точное и ясное наставленіе объ исполненіи сей игры. Съ фигурами. Переводъ съ Французскаго. М 1826. in 16. 125 стр.

Сочинитель предлагаетъ систематическое изложеніе основаній и правилъ билліардной игры. Забавно что онъ говоритъ о билліардѣ .. какъ о важной наукѣ Впрочемъ, одинъ изъ артистовъ билліардной науки увѣрялъ насъ въ достоинствѣ сей книги и потому рекомендуемъ ее — охотникамъ играть въ билліардъ При концѣ приложены рисунки. Недавно извѣщали мы читателей о появленіи *Теоріи танцованья; Теорія карточныхъ игръ* издана уже давно; *Теорія шахматной игры* изъяснена въ особой книгѣ; теперь явилась и *теорія билліардной игры. Альманахи* у насъ выходятъ десятками, *водевили* дюжинами; *стишковъ* дѣвать нѣкуда: совѣтуемъ кому нибудь перевесть *теорію завязыванія галстуховъ*, и переводить еще издаваемыя *для дамъ* курсы Исторіи, Политической Экономіи, Философіи; также побольше красивыхъ писемъ къ Софіи къ Эмиліи, къ Пальмирѣ, о Миѳологіи, Физикѣ, Астрономіи — и послѣ того, пусть какой нибудь педантъ жалуется на бѣдность нашей Литературы! . . .

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Обозрѣніе 1825 года. Нидерланды. Сіе Государство, равно какъ и граничащія съ нимъ Нѣмецкія владѣнія, претерпѣли ужасныя опустошенія отъ наводненія, бывшаго въ началѣ Февраля, затопившаго всю сѣверную Голландію и подвергнувшаго Амстердамъ величайшей опасности. Генеральные Штаты опредѣлили 8 милліоновъ гульденовъ на вспоможеніе раззореннымъ наводненіемъ, и сумма сія значительно увеличена была частными приношеніями. Октября 17 Генеральные Штаты опять открыты были въ Брисселѣ. Король въ рѣчи своей упоминалъ о продолженіи дружественныхъ связей съ иностранными Державами. Для пользы Южно-Индійскихъ областей старались сдѣлать заемъ. Умноженіе Государственныхъ доходовъ позволило облегчить общественныя тягости и уплатить часть Государственнаго долга. Генеральные Штаты занимаются безпрерывно разсужденіями о новомъ Кодексѣ законовъ. Къ великимъ народнымъ предпріятіямъ причислить должно устроеніе плотины при морскомъ рукавѣ, называемомъ Аксельскій Гатъ, и работы при большомъ каналѣ въ сѣверной Голландіи: каналъ сей длиною 15 миль и черезъ него уменшится опасность плаванія по Зюйдеръ-Зее. Въ Нидерландахъ распространены также паровыя суда: они введены даже въ Явѣ. Генералъ-Губернаторъ Фанъ Капелленъ семь мѣсяцовъ путешествовалъ по всѣмъ Южно-Индійскимъ владѣніямъ до острововъ Молуккскихъ и до Макассара Торговля въ Антверпенѣ начинаетъ процвѣтать, а союзомъ съ новыми

Американскими Республиками, куда посланы уже Коммисары, еще болѣе возвысится. Въ возмездіе за введенную во Франціи систему ограниченія, запрещено отчасти ввозить нѣкоторые Французскіе товары; отчасти наложена на нихъ большая пошлина. Министромъ Иностранныхъ дѣлъ именованъ Кавалеръ Конинкъ, а Министромъ Внутреннихъ дѣлъ Г. фонъ Годдельтрой. Оспа сильно свирѣпствовала въ Голландіи: въ Роттердамѣ, въ теченіе полугода, погибло отъ нее около 1800 человѣкъ. Февраля 15 го умеръ преждебывшій великій Рапсъ-Пенсіонеръ Г. Шиммельпеннинкъ, незабвенный въ Исторіи Нидерландовъ.

Швейцарія. Обзоръ Исторіи Швейцарской за 1825 г. представляетъ мало общихъ любопытныхъ происшествій. И здѣсь, замѣчаемъ съ удовольствіемъ, промышленность начинаетъ увеличиваться. дѣлаются новыя дороги и планы для соединенія большихъ озеръ, по которымъ учреждено теперь паровое судоходство, а именно Женевскаго озера съ Нейенбургскимъ; такимъ образомъ составится водное сообщеніе между Швейцаріею, Германіею, Франціею и Голландіею. Тибетскія козы разводятся на Альпійскихъ горахъ. Директорія Соединенныхъ Кантоновъ Швейцаріи въ семъ году перенесена изъ Берна въ Луцернъ, въ которомъ 4го Іюля открытъ былъ Сеймъ. Впрочемъ, Швейцарія осталась при древнемъ своемъ обыкновеніи: на извѣстныхъ условіяхъ выставлять войска иностраннымъ Государствамъ. Въ прошедшемъ году былъ въ Швейцаріи падежъ скота, а въ концѣ Октября много потерпѣла отъ наводненія, особенно восточная часть оной.

Австрія. Мы упоминали уже о путешествіи Императора Австрійскаго и Супруги его въ Миланъ, Венецію и Геную. Высокія Особы возвратились въ Августѣ въ Вѣну, и отправились въ Венгрію для открытія Государственнаго Сейма и для коронованія Императрицы Австрійской на Королевство Венгерское. Сентября 17 былъ торжественный въѣздъ въ Пресбургъ. Императоръ открылъ засѣданіе Сейма рѣчью на Латинскомъ языкѣ, принятою съ восхищеніемъ; особенно то мѣсто въ рѣчи, въ которомъ онъ упоминалъ о приближающейся своей старости, принято было съ живѣйшимъ участіемъ и съ желаніемъ ему долгой жизни. Сентября 25 совершено торжественное коронованіе въ Пресбургѣ. При семъ случаѣ, богатое Венгерское дворянство оказало все великолѣпіе свое. Небольшая, но скоро прошедшая болѣзнь Императора во время пребыванія его въ Пресбургѣ, подала новый поводъ народу оказать любовь свою къ нему. Прѣнія на Венгерскомъ Сеймѣ, гдѣ Аристократическія выгоды не согласны были отчасти съ нѣкоторою перемѣною пошлинной системы, всходственность системы прочихъ Австрійскихъ владѣній, и съ посторонними податями для Государственныхъ повинностей, и гдѣ разсуждали объ отвѣтственности Коммисаровъ и объ уничтоженіи указовъ, какъ противныхъ коренному постановленію, окончены благополучно Императорскимъ rescripto declaratorio отъ 29 го Ноября, касательно заключенныхъ въ засѣданіе 22 Октября представленій и воспослѣдовавшей на оныя 9 Ноября резолюціи, что принято было народомъ съ радостными восклицаніями Рѣшено преобразовать Венгерское Государственное право.

Промышленность и въ Австрійской Монархіи оказала счастливые успѣхи. Особенно много сдѣлано для устройства дорогъ: отъ Будвейса до Маутгаузена заложена чугунная дорога, и Г. Шустеръ получилъ отъ Императора привиллегію вообще на исправленіе чугунныхъ дорогъ. Князь Меттерниxъ, отправившійся въ началѣ года въ Парижъ, лишился тамъ своей супруги. Кромѣ того, смерть похитила въ Австрійской Монархіи извѣстныхъ полководцовъ: Маркиза Шастелера и Графа Бубну, Герцога Карла Евгенія Лотарингскаго, извѣстнаго при началѣ Французской революціи подъ именемъ Принца Ламбе, родившагося 25 Сентября 1751, послѣднюю отрасль Лотарингскаго поколѣнія, близко роднаго съ Императорскимъ Домомъ. Тамъ же умеръ славный капельмейстеръ Саліери.

Пруссія. Въ прошедшемъ году Король Прусскій путешествовалъ въ Магдебургъ, чрезъ Вестфалію и чрезъ Рейнскія провинціи въ Бриссель и Парижъ, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ дружествомъ и почестію. Октября 18 возвратился онъ опять въ Потсдамъ. При бракосочетаніи Прусской Принцессы Луизы съ Принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ, воспослѣдовавшемъ 21 Мая, присутствовала Королева Нидерландская. Въ прошедшемъ году много было сдѣлано для лучшей внутренней организаціи. Въ Саксонской провинціи введено право, свойственное Имперскимъ Чинамъ, а 2 Октября открытъ провинціяльный сеймъ Силезіи и Лаузица; производство дѣлъ учреждено гораздо простѣе; въ финансахъ сдѣланы важныя сбереженія; введеніе новаго церковнаго уложенія имѣло счастливѣйшій успѣхъ; планъ національнаго Банка былъ одобренъ;

съ Россіею заключена торговая конвенція; учрежденіе искуственной дороги отъ Кенигсберга до Варшавы продолжалось; строеніе Музеума въ Берлинѣ начато; сдѣланъ планъ для Прусско-Рейнскаго общества пароходовъ. Знаменитый полководецъ Графъ Гнейзенау произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршалы и, при новой организаціи Государственнаго Совѣта, наименованъ Министромъ Иностранныхъ и Военныхъ дѣлъ, а Тайный Совѣтникъ фонъ Кампцъ, Министромъ Юстиціи. Въ Штеттинѣ учреждена ярмарка для продажи шерсти. Число учащихся въ Прусскихъ Университетахъ увеличивается: въ прошедшую зиму въ Бреславскомъ Университетѣ было 819, а въ Берлинскомъ 1598 студентовъ. Докторъ Янъ оправдался, а Профессоръ Кузенъ освобожденъ отъ ареста. Въ 1825 году, въ Пруссіи умерли два Государственные Министра: Графъ Бюловъ и Кирхейзенъ — послѣдній на 76мъ году отъ рожденія. Во Флоренціи умеръ также извѣстный Дипломатъ Маркизъ Луккезини.

Баварія. Въ семъ Королевствѣ, ближайшемъ по величинѣ своей къ Нѣмецкимъ союзнымъ Государствамъ, о которыхъ мы говорили, 2 Марта открытъ былъ Сеймъ, занимавшійся особенно спорами о бюджетѣ и на которомъ много настаивали объ уменьшеніи арміи. Сентября 12го закрыто было собраніе Государственныхъ Чиновъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ закрытія Собранія Государственныхъ Чиновъ, въ ночи съ 12го на 13-е Октября, скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара, на 70мъ году отъ рожденія, просвѣщенный, другъ человѣчества и по справедливости любимый Король Максиміліанъ Іосифъ I. Наслѣдникъ его, Король Людвигъ I,

скоро по восшествіи своемъ на престолъ сдѣлалъ многія важныя перемѣны, особенно занялся большими сбереженіями по части гражданской и военной. Государственный Министръ Графъ Террингъ уволенъ на покой. Минхенъ украшенъ былъ великолѣпнымъ національнымъ театромъ, открытымъ 2 го Января. Между прочимъ приводятъ достопримѣчательный отзывъ новаго Короля, именно: »что онъ не только Король Минхенскій, но и Баварскій.«

Германія вообще. Король и Королева Виртембергскіе, въ теченіе прошлаго года путешествовали въ Парижъ. Безпорядки въ Тибингенскомъ Университетѣ сдѣлали необходимо - нужными принятіе строжайшихъ мѣръ противъ тайныхъ обществъ и непокорства студентовъ. Король Саксонскій выздоровѣлъ отъ жестокаго припадка подагры; но почтенный Министръ его, Графъ Гоэнталь-Кенигсбрикъ, умеръ на 71 году своей жизни. Лейпцигъ былъ украшаемъ, и почтовыя учрежденія Саксонскія много усовершенствованы. Государственные Чины Королевства Ганноверскаго во всемъ были согласны съ Министерствомъ; только въ обѣихъ Камерахъ существовали различныя мнѣнія о раздѣленіи новой главной подати; окружныя подати уничтожены; на возобновленіе плотинъ опредѣлено 300,000 рейхсталеровъ. Собраніе Государственныхъ Чиновъ, грамотою отъ 23 Октября, было распущено, и соберется опять 23 Января сего года. Камеры Великаго Герцогства Баденскаго, гдѣ нѣкоторые округи находили мало выгодъ въ выборахъ, а учрежденіе Чиновъ на подобіе Имперскихъ, начинали почитать ненужною тягостію, открыты были 21 го Февраля, а 14 го Мая закрыты.

Въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ ограничены бывшія переселенія въ Бразилію. Въ семъ Герцогствѣ, равно какъ и въ Курфиршествѣ Гессенскомъ, коего владѣтель путешествовалъ въ Богемію, сдѣлано много для устройства дорогъ. Сеймъ Великаго Герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго собрался 21 Октября въ Штернбергѣ; построеніе шоссе по методѣ Макъ-Адама, побочныя (indirekte) подати, и подати для Принцессы, не были одобрены. Владѣтельная Герцогиня Нассауская скончалась, а 11 го Февраля скончался Герцогъ Фридрихъ IV Саксенъ-Гота-Альтенбургскій; съ нимъ пресѣкся сей Владѣтельный Домъ. Герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій сочетался бракомъ съ Принцессою Гессенскою. Достопочтенный Герцогъ Саксенъ-Веймарскій праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего царствованія. Театръ Веймарскій сгорѣлъ. Между вольными Ганзейскими городами Гамбургъ и Бременъ особенно возвысились дѣятельною торговлею съ Южною Америкою, и безпрерывно возрастающее благосостояніе перваго изъ сихъ городовъ ознаменовалось многими полезными заведеніями; къ сему должно причислить продолжающееся украшеніе городскихъ стѣнъ, закладку новаго женскаго монастыря, построеніе навигаціоннаго училища и обсерваторіи, планы для построенія чугуннаго моста чрезъ Альстеръ, новой биржи, новаго театра, тюрьмы, и, хотя еще не скоро долженствующіе исполниться, планы устроенія чугунной дороги чрезъ Люнебургъ и Ганноверъ или Брауншвейгъ, равно какъ соединенія съ Амстердамомъ и Лондономъ посредствомъ пароваго судоходства. И въ Любекѣ, который посредствомъ пароваго судоходства находится въ связи съ Копен-

гагеномъ, предполагаютъ завести такое-же соединеніе съ Стокгольмомъ и Петербургомъ. Впрочемъ сіи три Ганзеатическіе города заключили съ Великобританіею торговый трактатъ на правахъ взаимности — Главными предметами разсужденій Германскаго Сейма, открытаго въ Франкфуртѣ 20 Января, были: военныя дѣла, союзныя крѣпости, занятія Маинцской центральной Коммисіи изслѣдованій и дѣло по наслѣдству Саксенъ-Готскаго Герцогства. Представленіе Гёте и просьба Сейму о защищеніи его сочиненій отъ перепечатанія, приняты были съ достодолжною признательностію къ заслугамъ сего великаго человѣка. Всѣ Посланники хотѣли обратиться о томъ съ просьбами къ своимъ Правительствамъ. Союзныя крѣпости Маинцъ и Люксембургъ сданы Нѣмецкому Союзу. Хотя Нѣмецкіе, равно какъ и другихъ Государствъ, земледѣльцы много терпятъ убытковъ отъ низкой цѣны хлѣба, а слѣдственно и понижающейся цѣны на недвижимыя имѣнія, но промышленность возвышается безпрестанно; особенно возвысились Нѣмецкія шерстяныя и бумажныя фабрики, а въ нѣкоторыхъ земляхъ съ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ, обрабатываніемъ пеньки и льна. Отъ наводненія, бывшаго осенью 1824 и 1825 г., особенно-же отъ наводненія въ Февралѣ 1825 года, которому примѣра не было въ теченіе ста лѣта, пострадали многія земли, лежащія по берегамъ морей и рѣкъ особливо въ Сѣверной Германіи, гдѣ погибло много людей. Рейнская Вестъ-Индская Компанія, отправившая въ 1824 г. за море на 948,120 рейхсталеровъ товаровъ, и въ 1825 г. имѣла счастливый успѣхъ; вѣроятно и Эльбо-Американская Компанія придетъ теперь въ дѣ-

ятельность. На Рейнѣ введено паровое судоходство и во многихъ большихъ городахъ освѣщеніе газомъ. Жалуются на то, что Іезуиты стараются пріобрѣтать себѣ помощниковъ, говорятъ даже, что Профессоръ Философіи Фрейденфельдъ и сынъ извѣстнаго стихотворца Графа Штольберга, вступили въ ихъ орденъ. Въ публичныхъ листахъ помѣщено было извѣстіе, хотя послѣ неподтвержденное, что жители многихъ Нѣмецкихъ земель добровольно хотятъ отказаться отъ учрежденія Государственныхъ Чиновъ по примѣру Имперскихъ, на которое потребны только безполезные расходы. Смерть одного изъ героевъ Нѣмецкой Литтературы, Жанъ Поля Фридриха Рихтера, подаетъ всѣмъ большій поводъ къ сожалѣнію, что Нѣмецкая Литтература ни въ изящныхъ, ни въ какихъ другихъ наукахъ не получаетъ новаго обогащенія, и что искры народнаго генія исчезаютъ въ періодическихъ или эфемерныхъ произведеніяхъ.

Данія. Герцогства Шлезвигское и Голштинское много потерпѣли отъ наводненія; особенно-же городъ Глюкштадтъ былъ въ большой опасности: отъ прорвавшейся плотины въ немъ утонуло 27 человѣкъ. Всеобщій вредъ по большой части уже вознагражденъ, какъ благодѣтельностію Короля, такъ и патріотическимъ усердіемъ согражданъ. Король Фридрихъ VI, съ супругою своею и съ Принцессами Королевскаго Дома, въ Іюнѣ отправился въ Лунзенлундъ, а оттуда путешествовалъ по всѣмъ округамъ, потерпѣвшимъ отъ наводненія, даже былъ на всѣхъ островахъ Шлезвигскаго берега, дабы, какъ свойственно столь дѣятельному и неутомимо о благѣ своихъ подданныхъ пекущемуся Государю,

собственными глазами видѣть, какія раны нанесло сіе бѣдствіе, и дабы избрать вѣрныя мѣры для уврачеванія оныхъ. По возвращеніи Королевской фамиліи, въ Сентябрѣ были осенніе маневры близъ Копенгагена. Датскіе земледѣльцы много потерпѣли отъ низкихъ цѣнъ хлѣба; но благодѣтельная рука Короля поддержала ихъ уменьшеніемъ поземельныхъ податей и позволеніемъ, часть налоговъ платить хлѣбомъ. Датскія Государственныя облигаціи не упали въ своей цѣнѣ — памятникъ, приносящій величайшую честь Тайному Государственному и Финансовъ Министру фонъ Мёстингу, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ столь много сдѣлалъ для порядка и улучшенія финансовъ. Въ Англіи былъ сдѣланъ Даніею заемъ на выгодныхъ условіяхъ. Національный Банкъ, по публикованнымъ отчетамъ, находится въ хорошемъ состояніи, и ассигнаціи его почти въ одной цѣнѣ съ серебромъ. Народонаселеніе въ Даніи умножается: въ 1824 г. родилось 37,001, а умерло только 22,245 человѣкъ, въ томъ-же году въ Копенгагенѣ родившихся было 3,417, а умершихъ 3,212 человѣкъ; чрезъ Зундъ прошло 10,509 кораблей. Въ Исландіи, въ 1824 г., родилось 1,937, а умерло только 1,090 человѣкъ. Въ Копенгагенѣ основалось общество торговли по Нѣмецкому морю, и другое общество для распространенія изученія природы. Съ Англіею заключенъ торговый трактатъ на правахъ взаимности, открыто пароходное судоходство между Копенгагеномъ и Ютландіею, а съ Англинскою компаніею заключенъ договоръ объ освѣщеніи столицы газомъ; также заведены морскія купальни и приложено стараніе о распространеніи Ланкастерской методы взаимнаго обученія, введен-

ной болѣе нежели въ 2000 Датскихъ училищъ. За 23 года передъ симъ введенное прививаніе коровьей оспы такъ распространилось, что теперь не льзя страшиться осенней эпидеміи Правительство, при упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ старалось поддержать гораздо важнѣйшимъ сдѣлавшееся скотоводство, овцеводство и конскіе заводы. Для украшенія Христіансбурга, строеніе коего скоро окончится, и другихъ Королевскихъ и общественныхъ зданій правительство приказало привезши моремъ изъ Италіи 8 статуй и 10 барельефовъ славнаго ваятеля Торвальдсена. Датское морское войско въ семъ году лишилось главнаго Адмирала своего, Влейгеля, умершаго въ глубокой старости, на 89 году Морская сила безпрестанно будетъ умножаться новыми военными кораблями, пока исполнится предположенное число оныхъ.

Швеція и Норвегія. Норвегія благоденствуетъ подъ скипетромъ Короля Швеціи. Столица ея, Христіанія, въ которой считается теперь 18,000 жителей, украшается построеніемъ Королевскаго замка, ратуши, биржи, казармъ, гошпиталей и тюрьмъ. Въ 1815 г. для Норвегіи сдѣланъ новый заемъ въ Копенгагенѣ у банкира Гамбро по 4 процента, дабы выкупить Государственныя облигаціи, стоящія по 5 процентовъ. Состояніе финансовъ сего Государства было столь благопріятно, что въ кассѣ отъ 1824 года оставалось болѣе 70,000 серебряною монетою и 133,000 ассигнацій, да отъ 1823 года оставалось 131,000 ассиг. Общество для благосостоянія Норвегіи пришло опять въ дѣятельность въ Христіаніи; также намѣреваются ввести тамъ методу взаимнаго обуче-

ния и паровое судоходство между Бергеномъ и Христіаніею; границы между Норвегіею и Россіею приведены въ порядокъ. Король и Королева въ Сентябрѣ совершили путешествіе въ Христіанію. Норвегія, въ теченіе сего года, лишилась заслуженнаго Государственнаго Министра Анкера. Слухъ о собраніи въ Швеціи чрезвычайнаго Государственнаго Сейма оказался неосновательнымъ. Тамъ начали строить два новые линейные корабля, а нѣсколько старыхъ военныхъ кораблей проданы торговымъ домамъ, которые, какъ говорятъ, назначили ихъ въ Колумбію. Полагаютъ, что съ наступающею весною откроется постоянное паровое судоходство изъ Стокгольма въ Копенгагенъ, Любекъ и Петербургъ. Многія спекуляціи для чугунныхъ дорогъ и мостовъ весьма прибыльны для продавцовъ сего металла, дюго изъ важнѣйшихъ источниковъ доходовъ Швеціи.

Великобританія. Подобно какъ Россія простираетъ на сухомъ пути владѣнія свои чрезъ всю Сѣверную Азію, и однимъ мощнымъ словомъ можетъ потрясти Дворъ Стамбульскій, Тегеранскій и Пекинскій, даже столицу Британско-Индійскихъ владѣній на берегахъ Ганга, такъ и Великобританія, своею военною силою, торговлею, мануфактурами, сокровищами, колоніями сдѣлалась не только Европейскимъ, но всемірнымъ Государствомъ, хотя съ начатія связей Европейскихъ Державъ съ Американскими, особенно со времени признанія независимости Гаити и Бразиліи Франціею и Португаліею, она осталась не единственною уже посредствующею Державою между Старымъ и Новымъ свѣтомъ.

Наступленіе 1825 года ознаменовала Великобританія достопамятнымъ актомъ признанія трехъ Американскихъ Республикъ: Мексики, Колумбіи и Буэносъ-Айреса, и переговорами для заключенія съ ними торговаго и дружественнаго трактата. Въ Королевской рѣчи при открытіи Парламента 3 го Февраля (Король однакожь не самъ говорилъ ее, ибо онъ, равно какъ и Министръ Каннингъ, страдалъ тогда подагрой) упоминалось о сихъ трактатахъ, о возрастающемъ благосостояніи, объ уничтоженіи вредныхъ для торговли ограниченій, о войнѣ съ Бирманами и объ опасномъ соединеніи Ирландскихъ Католиковъ, коихъ дерзость простиралась столь далеко, что О'Коннель, въ говоренной имъ рѣчи, открыто обнаруживалъ надежду, что если Ирландія отъ угнетенія придетъ въ отчаяніе, то для нее явится новый Боливаръ и духъ Американцовъ и Эллиновъ одушевитъ народъ Ирландскій. За такое обнаруженіе вредныхъ мыслей потребованъ онъ былъ къ суду, но оправданъ присяжными. Г. Гольборнъ въ Нижнемъ Парламентѣ предложилъ мнѣніе объ уничтоженіи противозаконныхъ обществъ; предложеніе сіе произвело жаркія прѣнія о допущеніи Католическихъ обществъ, но наконецъ было принято большинствомъ 278 противъ 123 человѣкъ. Еще жарче были прѣнія по дѣлу объ освобожденіи Католиковъ, которое наконецъ при третьемъ чтеніи было принято въ Нижнемъ Парламентѣ большинствомъ 248 противъ 227 голосовъ; напротивъ того, когда Герцогъ Іоркскій объявилъ себя противъ сего мнѣнія, оно было опровергнуто въ Верхнемъ Парламентѣ большинствомъ 178 противъ 130 голосовъ. Послѣ сего Парламентъ занимался уничтоже-

ніемъ или уменьшеніемъ угнетающихъ торговлю ограниченій, но въ исчисленіи ихъ не былъ помѣщенъ билль о хлѣбѣ, хотя надежду на уничтоженіе сего билля подъ извѣстными ограниченіями палагали на слѣдующій или по крайней мѣрѣ на предбудущій годъ. Любопытны были прѣнія объ уничтоженіи карантиннаго закона, коего тяжелыя для торговли назначенія ограничены, но съ учрежденіемъ нужнѣйшихъ мѣръ предосторожности противъ заразы. Министръ Каннингъ предложилъ Парламенту трактатъ съ Россіею объ учрежденіи (Normirung) правъ торговли и мореплаванія по Тихому Океану, трактатъ съ Швеціею объ уничтоженіи торга невольниками, и трактатъ дружественнаго союза и торговли съ соединенными провинціями Буэносъ-Айреса: сей послѣдній принятъ былъ съ живѣйшимъ участіемъ. Іюля 6 Парламентское собраніе было отложено. Мы упомянули уже о посольствѣ Г. Стратфорда Каннинга и Сира Карла Стуарта въ Лиссабонъ и въ Ріо-Жанейро, также объ объявленіи строжайшаго нейтралитета вразсужденіи войны между Эллинами и Османами. Вслѣдствіе сего, экспедиція, долженствовавшая отправиться на помощь Грекамъ, была остановлена и предложенія Греческихъ посланниковъ не приняты; но общества Филеллиновъ находятся еще въ сношеніяхъ съ Лордомъ Кохреномъ, оставившимъ службу Бразиліи и возвратившимся опять въ Англію: они надѣются склонить его на свою сторону. Въ качествѣ посланниковъ отправлены: въ Петербургъ Лордъ Странгфортъ, а въ Константинополь Стратфордъ-Каннингъ. — Государственные доходы Англіи, не взирая на уменьшеніе налоговъ

продолжали увеличиваться, и въ 1824 году возросли до 50,566,092 ф. ст., слѣдственно 1,067,691 ф. ст. болѣе нежели въ 1823 году; вывозъ товаровъ въ 1824 г. былъ на 50.758,808 ф. ст. — Благосостояніе и въ нуждающемся классѣ народа такъ распространилось, что налоги для бѣдныхъ, простиравшіеся въ 1822 году еще до 6.358,702 ф. ст., въ 1824 году состояли только изъ 5,736,898 ф. ст. Пространство нашей статьи не позволяетъ намъ даже и вкратцѣ представить удивительнаго возвышенія промышленности, спекуляцій, изобрѣтательности Великобританіи, удивительнаго распространенія каналовъ, пароваго судоходства, освѣщенія газомъ и, предмета, занимавшаго въ семъ году предпочтительно всеобщее вниманіе — устроенія чугунныхъ дорогъ и паровыхъ каретъ (не только въ Великобританіи, но и въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта), увеличивающейся дѣятельности и народонаселенія и богатства мануфактурныхъ областей, гдѣ 10.000 становъ находятся въ дѣйствіи посредствомъ паровыхъ машинъ, особенно въ Ливерпулѣ, оспоривающемъ у Лондона пальму всемірной торговли. Спекуляція на торговлю хлопчатою бумагою особенно достигла безпримѣрной высоты. Вывозъ товаровъ изъ Ливерпуля, съ которымъ не сравнится вывозъ ни одного города въ мірѣ, еще въ 1823 году былъ цѣною на 20 662.587 ф ст., а съ того времени значительно увеличился. Къ исполинскимъ и прибыльнымъ предпріятіямъ принадлежатъ многія общества для разработки не только Американскихъ, но и многихъ Европейскихъ и Азіятскихъ рудниковъ, для жемчужной ловли и алмазныхъ рудниковъ, для воздѣлыванія земель въ Австраліи и важнѣйшихъ

провинціяхъ новыхъ Американскихъ Государствъ, для открытія многихъ каналовъ между Тихимъ и Атлантическимъ морями, для проведенія канала изъ Чермнаго въ Средиземное море, общество пароваго судоходства, общества для устроенія чугунныхъ дорогъ, и т. д., которыя въ теченіе одного года составили капиталъ изъ 580 милліоновъ ф ст. — Далѣе къ великимъ предпріятіямъ принадлежатъ: отправленіе пароваго корабля въ Ость-Индію, снаряженіе паровыхъ кораблей въ Бразилію, въ Колумбію, строеніе подземной дороги подъ Темзою, новыя паровыя пушки Перкинса и основаніе новаго Университета въ Лондонѣ. Также старались въ Англіи о лучшей постройкѣ военныхъ кораблей, и огромнѣйшій корабль, Принцесса Шарлотта о 140 пушкахъ, спущенъ былъ на воду. Экспедиціи для открытія сѣверо-западнаго прохода въ Тихое море, къ сожалѣнію, не имѣли желаемаго успѣха. Между тѣмъ огромныя упомянутыя предпріятія, великія спекуляціи во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности и великіе займы Европейскихъ и Американскихъ Государствъ въ Англіи, имѣли слѣдствіемъ то, что въ концѣ года на Лондонской биржѣ сдѣлался опаснѣйшій кризисъ. Многіе богатые домы и частные банки обанкрутились, всеобщая недовѣрчивость и затрудненія въ полученіи денегъ достигли высочайшей степени, и многіе банкиры были въ необходимости каждый вечеръ запирать по милліону золотомъ и банковыми ассигнаціями, дабы послѣ быть въ состояніи выполнять обязанности, коихъ непосредственное исполненіе было-бы необходимо на нихъ возложено. Желательно знать, въ состояніи-ли Ан-

глинскій Банкъ сдѣлать пособіе утѣсненнымъ спекуляторамъ? —

Англія, при всемъ величіи своемъ, есть вулканъ, во внутренности коего распространено пламя, могущее открыться опаснѣйшими изверженіями. Кромѣ производящей голово-круженіе огромности спекуляцій и фабриканткой системы, увеличивающееся неудовольствіе Ирландскихъ Каѳоликовъ, возрастающее величіе, морская сила, торговое и промышленное соревнованіе Сѣверной Америки и критическое положеніе Индійскихъ владѣній, извнѣ и внутри подвергаютъ гордую обладательницу морей многимъ опасностямъ, которыя, можетъ быть, предвидѣлъ проницательный Питтъ, когда онъ, умирая, воскликнулъ: *Oh my country!* Въ сихъ обстоятельствахъ никакое несчастіе не могло-бы столь быть чувствительно для Великобританіи, какъ потеря Министра Каннинга, коего припадки подагры, какъ говорятъ, были весьма опасны. Великобританія въ семъ году лишилась знаменитаго дипломата, Графа Витворта, который послѣ Аміэнскаго мира столь сильно противился самовластію Бонапарта.

НЕКРОЛОГІЯ. Бернаръ Жермень Стефанъ, Графъ Делавилль Ласепедъ, Перъ Франціи, Кавалеръ Почетнаго Легіона большаго креста, Членъ Института, Профессоръ Естественной Исторіи въ Парижскомъ Ботаническомъ саду, Членъ Лондонской Академіи и всѣхъ Ученыхъ Обществъ Европы скончался въ Парижѣ 6 Октября н. ст. 1825 г., *отъ оспы*, въ помѣстьѣ своемъ Эпине (близь Сен-Дени). Онъ родился 16 Декабря, 1756 года, въ Ажанѣ; сна

чала былъ назначаемъ въ военную службу и служилъ нѣсколько лѣтъ въ Баваріи, но неопреодолимое стремленіе къ изученію природы заставило его бросить военную службу. Онъ былъ ученикомъ Бюффона и Добантона; потомъ опредѣленъ смотрителемъ Сада въ Парижѣ и сдѣлался уже извѣстенъ нѣкоторыми сочиненіями, когда вдругъ грянула революція. Онъ оставилъ Науки и перешелъ на политическое поприще: былъ Администраторомъ Парижа, Членомъ Законодательнаго Собранія и 28 Ноября, 1791 г., сдѣланъ Президентомъ онаго. Въ 1796 году онъ былъ принятъ въ Члены Института и черезъ три года въ Члены Болонской Академіи. Въ 1801 году онъ былъ Президентомъ Блюстительнаго Сената, черезъ годъ сдѣланъ Великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легіона и въ Февралѣ 1805 года получилъ знакъ большаго креста сего Ордена. Во время Наполеона онъ посвящалъ свой даръ краснорѣчія на похвалу своему повелителю, къ чему былъ принужденъ должностію; но въ 1814 году, 12 Января, онъ уже осмѣлился явиться впереди Сената и просилъ Императора о мирѣ. 4 Іюня сего-же года онъ получилъ отъ Короля Лудвига XVIII достоинство Пера, которое, послѣ *ста дней*, съ него было снято. Въ послѣдствіи оно было опять ему возвращено.

Въ Ласепедѣ Франція потеряла одного изъ достойнѣйшихъ своихъ согражданъ. Завлеченный политическими бурями на чуждое ему поприще, Ласепедъ отличался и въ званіи вельможи умомъ и чрезвычайно плѣнительнымъ обхожденіемъ. Если проситель уходилъ онъ него съ неисполнившеюся надеждою, то по крайней мѣрѣ славилъ доброту и снисхожденіе Министра. Біографія его, писанная имъ самимъ,

найдена послѣ него въ бумагахъ и, вѣроятно, скоро будетъ напечатана, кромѣ того Ученыя Общества, которыхъ онъ былъ Членомъ, издадутъ похвальныя рѣчи: все это должно будетъ раскрыть много прекраснаго въ жизни Ласепеда Сколько извѣстно, занимая блистательныя мѣста и получая большой доходъ, онъ былъ вѣрнымъ и сильнымъ помощникомъ всѣхъ страждущихъ. Должность Великаго Канцлера Почетнаго Легіона, которую онъ занималъ во все время блестящаго царствованія Наполеона, была чрезвычайно тягостна, соединяя множество хлопотъ съ совершенною ничтожностію занятія. Не въ это-ли время, въ праздные часы, занимался Ласепедъ сочиненіемъ романовъ? Вѣроятно немногимъ изъ нашихъ читателей извѣстно, что, кромѣ множества ученыхъ сочиненій, Ласепедъ писалъ романы — и сверхъ того былъ отличный музыкантъ и композиторъ. Онъ написалъ много симфоній и даже исполнилъ нѣкоторымъ образомъ странное свое предпріятіе, переложить на музыку — Фенелонова Телемака! Музыка на первыя пять книгъ была написана и даже разыграна — многіе даже хвалятъ ее — но знатоки сомнѣваются въ истинѣ сихъ похвалъ. Переложить Телемака на музыку стоитъ предпріятія нашего Тредьяковскаго — переложить похожденія Улиссова сына въ гекзаметры. — Послѣднее время жизни своей Ласепедъ провелъ въ помѣстьѣ своемъ Эпине, близъ Парижа. О жизни его въ семъ философскомъ уединеніи разсказываютъ много любопытнаго. — Во время послѣдней своей болѣзни, которая была ни что иное какъ жестокая оспа, Ласепедъ взглянулъ въ зеркало и сказалъ разсмѣявшись: »Вотъ какъ

обезобразила меня мать-природа за то, что я былъ вѣрнымъ ея поборникомъ.« Мы надѣемся, по полученіи подробныхъ извѣстій, составить описаніе ученыхъ подвиговъ Ласепеда.

Іоаннъ Павелъ Фридрихъ Рихтеръ. Не многіе писатели были такъ прославлены, такъ читаны и притомъ такъ мало понятны, какъ Жанъ-Поль (онъ назывался симъ именемъ въ своихъ сочиненіяхъ). Между тѣмъ онъ въ полной мѣрѣ достоинъ своей славы, ибо исполненъ изящными, возвышенными идеями о Богѣ, Природѣ, времени и вѣчности: его взглядъ на жизнь человѣческую отдѣляетъ человѣка отъ земли и разсѣваетъ много неяснаго. Глубоко проникъ онъ въ сердце человѣческое, узналъ его слабости и высокія свойства и подсмотрѣлъ Природу въ ея тайныхъ хранилищахъ. Едва-ли какой нибудь писатель обладалъ столь многообразными познаніями и столь часто пользовался ими въ своихъ сочиненіяхъ: но это сдѣлало сіи послѣднія еще болѣе трудными къ уразумѣнію. Часто сравненія его такъ отдаленны, что съ трудомъ найдешь сравнительную точку, и кто не имѣетъ богатаго запаса свѣдѣній, для того чтеніе Жанъ-Поля потеряно. Языкъ его силенъ, но строеніе періодовъ часто такъ запутано, что всегда надобно перечитывать фразы, чтобы понять ихъ. Впрочемъ, за этотъ трудъ голова и сердце получаютъ большую награду. Во всѣхъ его романахъ разсказъ есть послѣднее; размышленія, сравненія, совѣты — главное. Кто хочетъ читать сочиненія Жанъ-Поля съ пользою и наслажденіемъ, тотъ не долженъ пробѣгать ихъ вдругъ, по-многу: у него

20, 30 страницъ даютъ поводъ къ размышленію. Надобно иногда откладывать его и опять приниматься — иногда Жанъ-Поль поучителенъ чрезвычайно, возвышаетъ духъ и укрѣпляетъ характеръ.

Жизнь сего Писателя, какъ и многихъ ученыхъ людей, не представляетъ никакихъ важныхъ, многоразличныхъ событій. Онъ родился, учился, поучалъ, доставлялъ читателямъ своимъ удовольствіе и умеръ. — Онъ явился въ здѣшній міръ 21 Марта 1763 года, въ Вунзиделѣ, въ Княжествѣ Байрейтскомъ, гдѣ отецъ его былъ школьнымъ учителемъ. Въ 1779 году онъ пріѣхалъ въ Придворную Гимназію, гдѣ и былъ тогда-же опредѣленъ въ первый классъ. Въ 1780 году онъ перешелъ въ Лейпцигскій Университетъ, гдѣ учился сначала Богословію; но Изящныя Искусства сдѣлались его страстью, и въ 1783 году онъ вышелъ на поприще Писателя. Кажется, онъ не долго оставался въ Лейпцигѣ и поѣхалъ къ своему отцу въ Шварценбахъ на Саалѣ, гдѣ тотъ былъ проповѣдникомъ. Изъ Шварценбаха переѣхалъ онъ ко Двору; отсюда, въ 1797 году, въ Лейпцигъ и въ 1799 году въ Веймаръ. Въ семъ-же году получилъ онъ отъ Герцога Саксенъ-Гильдбургсгаузенскаго чинъ Легаціоннаго Совѣтника Послѣ сего онъ жилъ нѣсколько времени въ Берлинѣ; потомъ, съ 1801 г. въ Мейнингенѣ, съ 1803 года въ Кобургѣ и съ осени 1804 въ Байрейтѣ, гдѣ и умеръ въ прошедшемъ году, Ноября 14 дня (н. с.), слишкомъ рано для блага человѣчества и для Изящныхъ Искусствъ.

Ловители.

Глухая ночь была темна!
Тѣней и ужасовъ полна!
Не смѣла выглянуть луна!
Какъ гробъ молчала глубина!
У *нихъ* въ рукахъ была страна:
Она во власть имъ отдана . . . .
И вотъ съ арканомъ и ножомъ,
Въ краю, мнѣ страннику, чужомъ,
Ползя изгибистымъ ужомъ,
Мнѣ путь широкій залегли,
Меня, какъ птицу, стерегли. . . .
Сердца ихъ злобою зарялись,
Глаза отвагою зажглись;
Ужь сѣти цѣпкія плелись. . .
Страна полна о мнѣ хулы,
Куютъ, при кликахъ, кандалы
И ставятъ съ яствами столы,
Чтобъ пировать промежъ собой
Мою погибель, мой убой . . .
Я шагъ впередъ . . . . остановился,
Припалъ, съ тоской, къ землѣ сырой
Какъ нищій, Богу помолился
И страхъ съ души моей скатился
Огромной, черною горой. . .
Нашла моя молитва Бога,

Сошла къ молящему любовь —
И агнцу бѣдному прорѣзалась дорога
Сквозь стражу гладную — волковъ! . .

Ѳ. Глинка.

Къ N. N.

И вотъ зима! и вотъ морозы!
Пушистый снѣгъ поля покрылъ!
Подулъ Борей — увяли розы
И Панъ свирѣль свою забылъ.
Давно-ль вечернею порою
Гремѣлъ въ дубравѣ соловей,
Наяда рѣзвою струею
Кашила по лугамъ ручей?
Давно-ль подъ зыбкими вѣтвями
Сидѣли мы вдвоемъ съ тобой,
Когда послѣдними лучами
Сіяло солнце надъ горой,
И взоръ склонивъ на свѣтлы воды,
Мы любовались въ ихъ струяхъ
Картиной пышныя природы
И небомъ въ радужныхъ цвѣтахъ?
Тогда мечты вились толпою —
Желаній скромныхъ юный рой;
И мы, восторженны душою,
Мирились съ свѣтомъ и съ судьбой.
Но гдѣ, но гдѣ сіи мечтанья,
Сіи волшебницы полей?
Жестокій хладъ сковалъ желанья
Невинныхъ, счастливыхъ страстей!

Теперь, когда Борей крылами
Шумитъ и вьетъ мятель вокругъ,
Теперь опять заботы съ нами!
Опять печаль терзаетъ духъ!
Увы! гдѣ-жь сердцу утѣшенья?
Что усладитъ насъ въ грустный часъ? —
Не дѣвъ-ли чистыхъ пѣснопѣнья,
Отрадный въ скорбяхъ лиры гласъ?
Такъ! тотъ, кому судили боги
Согласны звуки извлекать,
Не ищетъ доступа въ чертоги,
Но хочетъ мощному ласкать;
Но въ тишинѣ уединенья,
Бѣжа отъ шума и заботъ,
И чуждый свѣта и волненья,
Онъ миръ и счастіе поетъ.

21 Нояб. 1825.

Волковъ.

Друзьямъ.

Когда исполненный томленья,
Друзья, при ней я нахожусь:
Я на нее не нагляжусь,
И всѣ ловлю ея движенья.
Безпечной рѣзвостью полна,
Всегда привѣтлива, радушна,
О, какъ плѣнительна она,
Какъ непритворна, простодушна!
Земныхъ не вѣдая оковъ,
Напѣвомъ Музъ лелѣя младость,
Она жива, какъ сердца радость,

Чиста какъ *первая* любовь! . . .
Такъ небо южное, порою,
Сіяетъ вешнею красою;
Мой жадный взоръ прикованъ къ ней —
— — — — — — — (*)
И какъ мнѣ сладокъ мигъ свиданья,
Такъ мнѣ страшна разлука съ ней! . . . .
Такъ дѣва юная взираетъ
На обручальное кольцо. . .
— — — — — — — — (*)
— — — — — — — —
Въ ней скоро грудь и сердце бьется;
Любви исполнены глаза —
И непритворная слеза
На грудь волнуемую льется.

Ѳ. Алексѣевъ.

Семейный разговоръ.

Мать.

Нѣтъ, дочка, слезы не у мѣста;
Хоть плачь, не плачь, ты все невѣста!
На свѣтѣ должно жить съ умомъ.
Мы жениха тебѣ сыскали.
Съ нимъ жить ты будешь безъ печали:
Помѣстье! дача! пышный домъ!
Сто тысячъ — чистымъ серебромъ!

Дочь.

Женихъ богатъ мой . . . соглашуся,
Но мнѣ въ богатствѣ выгодъ нѣтъ.
Ему во внучки я гожуся:
Я молода . . . онъ старъ и сѣдъ.

(*) *Тире* поставлены самимъ Авторомъ.

Живали люди *много* лѣтъ,
А все женилися моложе.

М а т ь.

Эхъ, милая! скорѣй умретъ!
Такъ выйдетъ все одно и тоже;
И ты богатая вдова,
Поплачешь годъ, а много два,
Найдешь супруга молодаго.

Д о ч ь.

Его любить готова я,
И не могу любить другаго.

О т е ц ъ.

Послушай, милая моя!
Женихъ твой спаръ, но всѣхъ пристроитъ:
Мѣстечкомъ братца наградитъ,
Твою сестрицу надѣлитъ,
Тебя каретой успокоитъ,
И бриллiантовъ надаритъ!
Ты будешь въ нихъ — прекраснѣй розы!

Д о ч ь.

Меня они не ослѣпятъ:
Когда изъ глазъ польются слезы,
То всѣ алмазы потемнятъ!

О т е ц ъ.

Эхъ, мой дружокъ, смѣшно ты судишь!
Въ алмазахъ ты другая будешь.
Пріятно въ свѣтѣ поблистать!
И будутъ каждый день готовы —
Тебѣ сюрпризы и обновы.
Вся знать — тебя захочетъ знать.

Д о ч ь.

Пріятно-ль мнѣ, подумать должно,
Когда веселость разлюбя,

Желать я буду, коль возможно —
Бѣжать и отъ самой себя!
Несносна влюбчивая старость.
Глядишь — вездѣ любовь и радость,
Со мной-же будетъ — все зима!
Съ богатствомъ тутъ — сойдешь съ ума!

Отецъ.

Повѣрь, судьба твоя прекрасна,
Брось этотъ вздоръ изъ головы.

Дочь.

Но если буду я несчастна,
То не судьбу вините вы.

Мать.

Нѣтъ, дочка, слезы не у мѣста!
Хоть плачь, не плачь, а ты невѣста!
На свѣтѣ надо жить съ умомъ. . .
Ты разсуди: помѣстье! домъ!
Сто тысячь — чистымъ серебромъ!

Б. Федоровъ.

Эпиграммы.

1.

Въ рѣчи своей сказалъ ораторъ говорливый:
Начало и конецъ есть участь всѣхъ вещей.
Ты правъ, отвѣтствовалъ острякъ нетерпѣливый;
Вещей конечно всѣхъ, но не твоихъ рѣчей.

М.

2.

Разсудокъ, не страшись, хоть сердце и грозитъ:
При ней тебя мы не обидимъ!

Ты оставляешь насъ, когда ее мы видимъ;
Но возвращаешся, какъ съ нами говоритъ.

Н. И-П.

3.

Бурунъ на риѳмы дышетъ,
Но за стихи ихъ выдаетъ,
И гордо говоритъ, что прозой онъ не пишетъ!
Прочти-жь его стихи — увидишь, какъ онъ лжетъ!

Н. И-П.

Дорогой гость на три ночи.

(Нравственная быль.)

„Donnez moi une ame qui aime, elle comprendra ce que je dis.“ —

(*A. Augustin.*)

Недалеко отъ большой дороги, вблизи великаго шумящаго города, на дикой скалѣ, надъ ручьемъ безъименнымъ стоялъ уединенный домикъ — простая хижина простаго поселянина. — Хоринъ былъ бѣденъ, но любилъ давать убѣжище прохожимъ и стыдился брать плату за ночлегъ и угощеніе. Однажды — въ бурную ночь, когда деревья, волнуемыя вѣтромъ, обхватывали хижину своими вершинами, какъ будто руками, и ручей, какъ живой, высоко плескалъ въ берегахъ своихъ — постучался въ двери *прохожій.* — Онъ былъ бѣденъ и почти нагъ; ветхое рубище намокло отъ дождя. Радушный хозяинъ принялъ гостя

и посадилъ его въ красномъ углу своей хижины. Дымный свѣтъ отъ бѣднаго очага недостаточенъ былъ, чтобъ озарить вполнѣ благовидное лицо и стройную осанку прохожаго: во всѣхъ чертахъ его сіяло какое-то величіе необычайное. Хозяинъ суетился, но самъ не вѣдалъ, кого принимаетъ. . . »Не заботься, другъ!« говорилъ странникъ: »я всегда ношу *своё* съ собою: ищу только одного пристанища у человѣка.« Путникъ умѣстился; хозяинъ улегся; все стало тихо... но буря шумѣла: порывистые вихри волновали облака, громоздили волны, раздирали парусы и наклоняли мачты кораблей на ближнемъ морѣ, а красныя молніи, какъ будто изъ мѣшкой руки, стремительно падали на гордыя башни суетливаго града. — Въ самую полночь прохожій привсталъ и, открывъ окошко, »зачѣмъ буря?« сказалъ онъ: »тамъ не должно быть тревогѣ, гдѣ я упокоенъ....« Сіи слова, какъ вѣстники могучаго повелителя, протекли по тверди поднебесной и въ минуту волненіе стихій успокоилось.... такъ было въ первую ночь. — Назавтра хозяинъ сказалъ: »Отдохни у меня, добрый путникъ! Мнѣ, правда, нечѣмъ тебя угощать, но ты вѣдь самъ говорилъ, что у тебя всегда все твое съ тобою: это не значитъ-ли, что ты имѣешь съ собой все, что нужно тебѣ? . .« — Что нужно и мнѣ и другимъ, особливо тѣмъ, которые охотно меня

принимаютъ. . . . — такъ отвѣчалъ путникъ и ласково согласился остаться. . . . »Но,« говорилъ онъ: »ты не занимайся только однимъ мною, любезный хозяинъ! Паши свою землю, засѣвай ниву. . . . довольно и того, *что ты принялъ меня.* Ты будешь работать, а я благословлю работу и жатва будетъ успѣшная. . . . — Хоринъ послушался: пошелъ въ поле, однако все думалъ о гостѣ, и приказалъ женѣ и дѣтямъ вымести и прибрать свѣтлицу; также и самъ одѣлся почище, потому что гость, какъ видѣлось, былъ не простой и *не здѣшній.* — На другую ночь, когда всѣ улеглись, за окнами свѣтлицы показался великій свѣтъ. Сладкое пѣніе оглашало воздухъ и, казалось, цѣлое воинство двигалось, но никакое оружіе не бряцало и вмѣсто страха и грома вѣяло повсюду какою-то праздничною радостію. . . . Всѣ домашніе спали усладительнымъ сномъ и дитя-младенецъ въ колыбели своей улыбался, какъ будто чувствуя ласковое прикосновеніе матери. — Хоринъ видѣлъ все и оставался въ безмолвіи отъ глубокаго благоговѣнія. Вдругъ послышался голосъ. . . . Гость привсталъ, какъ и наканунѣ, и разговаривалъ *съ голосомъ невидимымъ*, выходившимъ *изъ великаго свѣта.* — Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ и высокаго содержанія. Простой поселянинъ не могъ припомнить, о чемъ говорили, но уразумѣлъ однакожъ, что разговаривалъ сынъ со отцемъ и го-

ворили о сложеніи міра, о судьбѣ человѣковъ, о судѣ и великомъ милосердіи. . . . . На другой день хозяинъ сказалъ гостю: »Я видѣлъ все, что было ночью . . . и сердце мое горѣло . . . Я рыдалъ, самъ не вѣдая отъ чего, и все изголовье мое намокло отъ слезъ усладительныхъ. . . . Но съ кѣмъ разговаривалъ ты, мой *добрый путникъ*?« — Я бесѣдовалъ со отцемъ моимъ: онъ всегда благоволитъ низходить туда, гдѣ меня принимаютъ и, съ любовію, навѣдывается о стадѣ, которое я упасаю. . . . — »А развѣ ты пастырь?« — Да! я пастырь отъ давнихъ временъ и овцы мои слушаютъ меня. . . . — »Гдѣ-же пасешь ты стадо свое, мой добрый путникъ?« — Тамъ, гдѣ чаще бываетъ буря и гдѣ больше звѣрей, которые пугаютъ его сверкающими взорами изъ темныхъ лѣсовъ. Я также *врачъ* и ношу съ собою цѣленіе отъ печали и недуговъ. . . . — »Но — отъ чего, мой дивный гость! свѣтъ, озаривщій, какъ мнѣ показалось, полнеба и полземли, не вошелъ въ мою хижину, а только яснѣе и яснѣе разгарался за окномъ моимъ? . .« — Это очень просто, отвѣчалъ странникъ: это отъ того, что окны твои *недовольно чисты*, а свѣтъ, сопровождающій отца моего, любитъ веегда чистоту. . . — Хозяинъ тотчасъ приказалъ, потихоньку, женѣ своей протерѣть и вымыть окошки изнутри и снаружи, какъ можно почище. Гость-же

между тѣмъ сказалъ: — Я люблю простоту и смиреніе: мнѣ хорошо у тебя, хозяинъ! Останусь еще переночевать. . . . Хозяинъ плакалъ отъ радости и все думалъ, не оставляя однакожъ своей дневной работы, о своемъ гостѣ, и крайне заботился *о чистотѣ*. — На третью ночь свѣтъ тихій и ясный, какъ утро великаго праздника, началъ подходить къ хижинѣ важно и медленно какъ приливъ морской, и теплый, благовонный духъ вошелъ въ хижину и дивное сіяніе освѣтило все до послѣдняго уголка: Хоринъ увидѣлъ тутъ *нѣчто великое*. . . . Растаяло сердце его, какъ ледъ на солнцѣ весеннемъ, и слезы лились и чувствовалъ онъ блаженство неизъяснимое . . . и не утерпѣлъ уже болѣе, но воскликнулъ: »Ахъ, гостъ благодатный! я теперь богаче всѣхъ, кого знаю: не алчу, не жажду и не скорблю! — Хорошо мнѣ съ тобою! Но могу-ли я остаться такъ счастливымъ всегда, какъ теперь?» — Ты будешь всегда, какъ теперь, когда захочешь принимать ласково нищаго, смиряться предъ тѣмъ, кто обижаетъ тебя, а болѣе всего, когда простишь и полюбишь враговъ своихъ: свѣтъ и теплота, наполнившія храмину твою, называются *любовію*. . . Впрочемъ живи, какъ живешь: не величайся, не умствуй и не гонись за суетою: тебѣ хорошо будетъ и здѣсь и *тамъ*!« — Съ симъ словомъ гостъ вышелъ и хозяинъ увидѣлъ

его уже не въ рубищѣ убогомъ. . . Свѣтлыя бѣлыя ризы одѣвали его и злато, какого на земли никогда не находятъ, сіяло на нихъ. . . Онъ пошелъ тихо, прямою дорогою, по ровному полю и скрылся, какъ прекрасное сновидѣніе, въ голубой отдаленности, оставляя за собою такое сіяніе, какъ будто всѣ звѣзды неба провожали Его. — Поутру жена и дѣти послышали въ хижинѣ запахъ *бѣлой лиліи* — и были всѣ очень радостны, а сами не знали, отъ чего. . .

Съ тѣхъ поръ сосѣди, какъ будто что-то замѣчая, стали говорить о хозяинѣ той хижины: »*У него благословенный домъ!*« — И въ самомъ дѣлѣ какая-та благодать осѣняла его: сердце его было весело, а лицо всегда цвѣло. Онъ только засѣвалъ свои нивы; а *кто-то* поливалъ ихъ и *чья-то* рука не разъ отводила черныя тучи отъ его пашни, хотя она была въ срединѣ другихъ, которыя градъ выбивалъ до корня.

За то хозяинъ всегда съ поклономъ выбѣгалъ на встрѣчу къ каждому нищему и въ каждомъ бѣдномъ странникѣ думалъ увидѣть своего гостя любезнаго. Онъ любилъ всякаго человѣка и охотно прощалъ враговъ своихъ и злодѣевъ; а враги, наскучивъ ему досаждать, наконецъ и его полюбили — за простоту и беззлобіе. Въ позднѣйшее время, когда событіе стало извѣстно по преданію, люди ученые тол-

ковали сіе такъ: »Домъ есть *всякій человѣкъ*; а хозяинъ — *добрая воля*; а окны — *чувства наши*; а звѣри изъ темныхъ лѣсовъ — *страсти и пороки*; а запахъ бѣлой лиліи — *чистота*...«

Ѳ. Глинка.

Вольферъ Вебберъ
и л и
Золотые сны.

(Окончаніе.)

Въ молчаніи перешли Вольферъ Вебберъ и сопутникъ его четыре или пять миль, до лѣса, въ то время покрывавшаго всю восточную часть острова за прелестною Блуменъ-Даэльскою долиною. Тутъ, змѣйкой извивалась передъ ними дорожка, заросшая съ обѣихъ сторонъ дикою травою, едва замѣтная между густыми деревьями, водворявшими вѣчные сумраки въ семъ необитаемомъ мѣстѣ. Дикій виноградъ сплетался вокругъ вѣтвей большихъ деревъ и запутывалъ нашихъ странниковъ; рѣпейникъ цѣплялся за ихъ платье, змѣи пресмыкались вокругъ, жабы прыгали по дорогѣ и неутомимый *cat bird* (*) мяукалъ въ каждомъ кустарникѣ. Если-бы Вольферъ

(*) Такъ называютъ Англичане особый родъ дроздовъ, которые мяучатъ какъ кошка.

читалъ когда нибудь романтическія легенды, онъ почелъ-бы себя перенесеннымъ въ очарованную страну и подумалъ, что все окружавшее его было стражемъ сокрытаго сокровища. Теперь это не приходило ему въ голову, но уединенность мѣста и странныя исторіи, которыя объ немъ разсказывали, произвели однакожъ сильное дѣйствіе на его воображеніе.

Дорога привела наконецъ странствователей къ берегу пролива, гдѣ высокія дерева окружали мѣстоположеніе, похожее на амфитеатръ. Вмѣсто муравы, все заросло здѣсь дикою травою и рѣпейникомъ: съ одной стороны, среди чащи деревъ, видно было старое зданіе, или лучше сказать развалины зданія, среди которыхъ возвышался только огромный, полуразрушенный каминъ, какъ ветхая какая нибудь башня. Волны почти достигали до основанія развалинъ и деревья клонили вершины свои въ воду. Вольферъ не сомнѣвался, чтобы это не былъ тотъ самый домъ, въ который приходилъ духъ старика красной шапки и въ умѣ его обновилась исторія, разсказанная Пешія-Провомъ. День вечерѣлъ; слабый сумракъ придавалъ всему какой-то грустный видъ, необходимо увеличивавшій робость суевѣрнаго ума; въ воздухѣ вилась лѣсная сова и страшный крикъ ея оглашался въ окрестностяхъ, дятель стучалъ носомъ своимъ въ дерево и между вѣтвями

являлись блестящіе цвѣта разныхъ птичекъ. Наши странствователи приближились къ какой-то загородкѣ, начинавшейся у подошвы утесовъ и нѣкогда отдѣлявшей садъ.

Теперь это была пустыня, гдѣ еще росли кустарники, нѣкогда тщательно обстриженные; кое-гдѣ видны были плодовитыя деревья, одичавшія, поросшія мохомъ, съ обломанными, полу-засохшими вѣтвями, висѣвшими въ безпорядкѣ. Во внутренности сада видѣнъ былъ какой-то сводъ, можетъ быть прежнее жилище садовника. Показывая всѣ признаки опустошенія времени, дверь еще уцѣлѣла и, казалось, что недавно была починена. Вольферъ сильно толкнулъ въ эту дверь: она заскрыпѣла на заржавѣлыхъ петляхъ, ударилась въ какой-то ящикъ и къ ногамъ Вольфера покатился ... человѣческій черепъ. Въ ужасѣ отступилъ Вольферъ отъ двери, но Самъ ободрилъ его, сказавъ, что здѣсь было семейное кладбище прежняго хозяина, Голландца: слова Негра подтверждало множество гробовъ разной величины, одинъ на другой безъ порядка наваленныхъ. Ему знакомы были сіи мѣста съ малолѣтства, и онъ увѣрялъ, что мѣсто, котораго они ищутъ, должно быть недалеко отсюда.

Они продолжали путь свой, перелѣзая чрезъ утесы вдавшіеся въ море и часто едва удерживаясь за деревья на нихъ растущія, безъ чего могли-бы слетѣть

въ бездны, зіявшія подъ ногами. Наконецъ очутились они близъ небольшаго залива, или лучше сказать прибрежной заводи. Заслоненная огромнымъ утесомъ, росла тутъ густая купа дубовыхъ и каштановыхъ деревъ, закрывая берегъ, который къ морю не былъ утесистъ; здѣсь съ необыкновенною быстриною море обтекало два мыса, составлявшіе заливъ.

Негръ остановился, приподнявъ остатки старой шляпы, чесалъ нѣсколько времени рукою свою сѣдую, курчавую голову. Вдругъ хлопнулъ онъ руками, съ торжествомъ пошелъ впередъ и указалъ Вольферу на желѣзное кольцо, укрѣпленное въ большомъ камнѣ: здѣсь видѣлъ онъ нѣкогда причалившихъ къ берегу красныхъ шапокъ. Годы измѣнили нѣсколько окрестности, но камень и желѣзо медленно уступаютъ разрушенію времени. Осматривая внимательно, Вольферъ увидѣлъ сверхъ кольца вырѣзанные въ камнѣ три креста, безъ сомнѣнія имѣвшіе таинственное значеніе.

Тогда Самъ узналъ совершенно тотъ хранительный утесъ, подлѣ котораго спасался онъ отъ бури; но вотъ что трудно было найти: дорогу, по которой ночью шли тогда разбойники. Въ положеніи столь затруднительномъ, голова Сама была черезчуръ занята дѣйствующими лицами драмы: время-ли было ему тогда замѣчать мѣсто дѣйствія; сверхъ того

днемъ все представлялось ему совсѣмъ иначе. Побродивъ нѣсколько времени, Самъ и товарищъ его выбрались на лужокъ, окруженный деревьями, и вотъ Саму показалось, будто онъ узнаетъ утесъ, будто съ этого утеса глядѣлъ онъ тогда внизъ, на разбойниковъ. Вольферъ принялся за осмотръ и открылъ на утесѣ три креста, похожіе на тѣ, которые замѣтилъ онъ надъ приморскимъ кольцомъ: здѣсь кресты совершенно были закрыты мхомъ, на нихъ поросшимъ. Сердце Вольфера забилось отъ радости: онъ не сомнѣвался болѣе, что видитъ тайные знаки буканьеровъ. Теперь надобно было только опредѣлить именно то мѣсто, гдѣ зарыто сокровище: рыть на удачу въ окрестности утеса было невѣрное средство, а безполезное рытье и безъ того уже надоѣло Вольферу. Но тутъ Негръ совсѣмъ сталъ въ тупикъ. Онъ обременилъ умъ Вольфера множествомъ предположеній. То указывалъ онъ на подошву ближнихъ утесовъ, то шелъ къ большому бѣлому камню, тамъ на пригорокъ, тамъ далѣе. Дошло до того, что и онъ и Вольферъ не знали, куда идти.

Уже вечернія тѣни закрывали лѣсъ; деревья и утесы темнѣли. Поздно было приниматься за что нибудь; впрочемъ Вольферъ и пришелъ сюда безъ всякаго снаряда, необходимаго при раскапываньи. На сей разъ довольно было, что мѣ-

сто найдено. Онъ старательно замѣтилъ все, чтобы потомъ безъ труда отыскать его, и отправился домой съ твердымъ намѣреніемъ, немедленно положить конецъ великому своему предпріятію.

Утомленіе, какое съ самаго начала путешествія обременило всѣ его способности, проходило постепенно, но его воображеніе бредило и представляло ему тысячи уродливыхъ образовъ повсюду въ этой сторонѣ привидѣній. Повѣшенные морскіе разбойники мечтались ему на каждомъ деревѣ и онъ того и смотрѣлъ, что какой нибудь Испанскій Донъ, съ перерѣзаннымъ горломъ выйдетъ изъ земли и вытащитъ тѣнь мѣшка, набитаго серебромъ.

Надобно было возвращаться опять чрезъ запустѣлый садъ, но всѣ нервы Вольфера такъ раздражились, что полета птички, трепетанія листка, паденія жолудя достаточно было заставить его дрожать, съ того времени какъ онъ вступилъ въ садъ. Вдругъ, въ самомъ дѣлѣ померещился имъ впереди человѣкъ, согнутый подъ тяжестью мѣшка, идущій тихо и медленно. Они остановились и не смѣли дохнуть. Неизвѣстный человѣкъ или привидѣніе былъ въ колпакѣ шерстяномъ и, что всего страшнѣе, кроваваго цвѣта, шелъ прямо на нихъ, повернулъ въ сторону и остановился передъ погребальнымъ сводомъ. Не входя еще туда, онъ сталъ ози-

раться на всѣ стороны — что сдѣлалось съ Вольферомъ, когда онъ, вглядѣвшись, узналъ — страшное лицо утопшаго буканьера! Вольферъ громко закричалъ, а привидѣніе подняло желѣзный кулакъ свой и грозило имъ съ видомъ сердитымъ и ужаснымъ.

Вольферъ не дожидался болѣе: какъ только могли нести его ноги, онъ бѣжалъ не оглядываясь — и Самъ не рѣшился отстать отъ него. Черезъ рвы и кусты бѣжали они, дрожа при каждомъ рѣпейникѣ, цѣплявшемся за ихъ платье, не смѣя остановиться и перевесть духъ, пока случайно не попали среди опаснаго этого лѣса на большую городскую дорогу.

И много дней прошло, пока Вольферъ опять набрался рѣшительности совершить свое предположеніе: такъ напугалъ его ужасный буканьеръ, живой-ли онъ былъ, или мертвый! По сколько-жъ въ это время натерпѣлся Вольферъ отъ борьбы страха и корыстолюбія! Дѣла его были оставлены; онъ безпрестанно былъ задумчивъ и тревоженъ; разговоры показывали помѣшательство ума и вѣчная разсѣянность вводила его поминутно въ сотню ошибокъ. Онъ потерялъ аппетитъ и сонъ. Только что онъ засыпалъ, какъ домовой садился на грудь его въ образѣ тяжелаго мѣшка съ деньгами! . . . Иногда онъ пересчитывалъ во снѣ полученныя имъ тысячи, и полагая что занимается разрѣ-

тіемъ клада, бросалъ одѣяло направо и налѣво, думая что бросаетъ землю, закрывающую предметъ всѣхъ его желаній; иногда, вскакивая съ кровати, ловилъ безчисленныя богатства и несъ домой неоцѣненный горшокъ, наполненный золотомъ и брилліантами.

Жена и дочь совсѣмъ отчаялись, видя Вольфера въ такомъ состояніи, которое почитали они новымъ припадкомъ сумасшествія.

Бываетъ два рода оракуловъ, съ которыми всѣ хозяйки Голландскія совѣтуются въ затруднительныхъ случаяхъ: пасторъ и лекарь. Госпожа Вебберъ отнеслась къ послѣднему. Это былъ маленькій угрюмый человѣкъ, заслужившій между Мангаттоэскими старухами отличное уваженіе, не только за искуство лечить, но и за умѣнье разрѣшать всѣ таинственныя и необыкновенныя дѣла. Онъ назывался Докторъ Фанъ-Деръ-Книпперсгаузенъ, но болѣе извѣстенъ былъ подъ именемъ *Великаго Нѣмецкаго Доктора*. Его-то помощи рѣшились просить бѣдныя мать и дочь, въ горестномъ безпокойствѣ, причиненномъ сумасбродствомъ Вольфера Веббера.

Онѣ нашли мудраго Доктора въ ученомъ его кабинетѣ, закутаннаго въ черный, камлотовый халатъ; на головѣ его былъ такого-же цвѣта шерстяной колпакъ, точно такой, какъ бывалъ на го-

ловѣ Боэргава, фонъ-Гельмонта и другихъ знаменитыхъ врачей; зеленые очки въ черной, роговой оправѣ покоились на огромномъ носѣ Доктора; а тѣло его склонялось на толстый Нѣмецкій фоліантъ, почернѣлый видъ котораго былъ подъ пару его докторской важности, колпаку и очкамъ.

Величайшимъ вниманіемъ почтилъ онъ описаніе всѣхъ признаковъ болѣзни Вольфера; но когда мать и дочь описывали ему мечты и старанія больнаго искать зарытыхъ сокровищъ, маленькій человѣкъ еще болѣе уставилъ свои внимательныя уши. Бѣдныя женщины! онѣ не знали, какую помощь готовилъ имъ сей великій врачь.

Надобно знать, что Докторъ Книпперсгаузенъ посвятилъ полъ-жизни на пріобрѣтеніе средствъ скоро богатѣть, средствъ, которымъ, столь безполезно, многіе жертвовали цѣлымъ вѣкомъ. Въ молодости, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, въ горахъ Гарцовскихъ, онъ пріобрѣлъ отъ рудокоповъ множество наставленій о всѣхъ таинственныхъ обрядахъ, съ какими должно сыскивать зарытыя сокровища; потомъ продолжалъ сію науку подъ руководствомъ одного ученаго путешественника, присоединявшаго къ познанію тайнъ Медицины, познаніе тайнъ Магіи и даже фиглярства. Такъ великій умъ Доктора Книпперсгаузена ознакомился со всѣми тайными знаніями, предался

Астрологіи, Алхиміи, колдованью; такъ Докторъ научился отыскивать украденныя вещи, показывать подземные источники, словомъ: за многоразличныя знанія, какими украсилась голова Доктора Книперсгаузена, онъ общимъ приговоромъ получилъ названіе *Великаго Нѣмецкаго Доктора*, а это почти равнялось названію волшебника!

Докторъ часто слыхалъ о сокровищахъ, зарытыхъ въ разныхъ частяхъ острова, и давно уже хотѣлось ему подобраться къ нимъ поближе. Мечты Вольфера вдругъ оживили всѣ его надежды, и нисколько не теряя времени, онъ принялся за дальнѣйшія изслѣдованія. Тайна уже давно тяготила сердце Вольфера: мудрый врачъ, явившійся къ нему какъ другъ семейства, восхитилъ его, представя случай излить сокрытыя мученія сердца, и вышло на повѣрку, что Докторъ не только не вылечилъ больнаго, а еще самъ отъ него заразился неисцѣлимою болѣзнію. Обстоятельства, открытыя Вольферомъ, возбудили его корыстолюбіе, и онъ рѣшительно сталъ вѣрить, что близъ таинственныхъ крестовъ, видѣнныхъ Вольферомъ на утесѣ, зарыты величайшія сокровища. Докторъ немедленно предложилъ Вольферу содѣйствовать въ изысканіяхъ. Онъ сказалъ ему, что подобныя предпріятія должны быть соблюдаемы въ величайшей тайнѣ, что только во мракѣ ночи дол-

жно дѣлать изысканія кладовъ и что это надобно исполнять съ извѣстными, таинственными обрядами: надобно сжигать коренья, говорить волшебныя слова, а главное — имѣть чудесный прутъ, который, обращаясь къ тому мѣсту, гдѣ зарыто сокровище, показываетъ его искателю. Долго думавъ о подробностяхъ, Докторъ принялъ на себя всѣ приготовленія, и какъ состояніе мѣсяца было благопріятно, онъ обѣщалъ къ извѣстному времени приготовить волшебный прутъ (*).

Сказано, сдѣлано. Вольферъ внѣ себя отъ восхищенія, что успѣлъ наконецъ найти столь ученаго и трудолюбиваго сотрудника! Все производилось у нихъ въ величайшей тайнѣ и очень успѣшно. Докторъ часто бесѣдовалъ съ своимъ больнымъ и госпожа Вебберъ не могла нахвалиться счастливыми слѣдствіями его стараній. Въ это время удивительный

(*) Можетъ быть, иные читатели усомнятся въ возможности драгоцѣнныхъ свойствъ прута, съ которымъ ищутъ кладовъ. Сочинитель имѣетъ честь увѣдомить, что у него есть рукопись, оставшаяся послѣ Доктора Книпперсгаузена, въ которой все это доказано какъ дважды два = четыре. Со временемъ Сочинитель намѣренъ, для пользы охотниковъ искать клады, выдать сіе премудрое твореніе, усѣянное цитатами изъ нѣсколькихъ сотъ Авторовъ, писавшихъ о таинственномъ прутѣ, а до тѣхъ поръ онъ проситъ не сомнѣваться въ этомъ драгоцѣнномъ открытіи ума человѣческаго.

прутъ, сія великая тайна мудрецовъ, древнихъ и новыхъ, былъ основательно, по правиламъ приготовленъ. Стараго Негра уговорили приготовить лодку, отвезть прутъ и искателей на извѣстное мѣсто, работать тамъ, и оттуда привезть тяжелый грузъ золота и серебра, въ приобрѣтеніи котораго оба странствователя ни мало не сомнѣвались.

Наконецъ, и ночь избранная для сего опаснаго предпріятія наступила. Не пускаясь еще въ дорогу, Вольферъ уговаривалъ жену и дочь ложиться спать и не безпокоиться, если онъ не будетъ ночевать дома. Онѣ не преминули поступить такъ, какъ поступаютъ всѣ благоразумныя женщины, то есть смертельно испугаться, потому что имъ совѣтуютъ ничего не бояться и увѣряютъ ихъ, что нѣтъ никакой опасности. Поступки Вольфера заставили ихъ думать, что тутъ кроется что нибудь чрезвычайное и опасенія ихъ на счетъ его сумасшествія сильно возобновились. Онѣ усердно приставали къ нему, уговаривали, просили не ходить ночью, но тщетно! Когда Вольферъ однажды сѣлъ на своего любимаго конька, его нелегко уже было заставить слѣзть съ него. Въ ясную, звѣздную ночь оставилъ онъ мирное жилище свое. Онъ накрылъ голову огромною шляпою, подвязавъ ее подъ щею платкомъ, а супруга, закрывая

плеча его краснымъ плащемъ, крѣпко завязала плащъ снурками около шеи.

Съ подобною-же тщательностію снарядила Доктора управительница его, дѣятельная *Фрау Ильси*: онъ вышелъ въ своемъ уютномъ камлотовомъ сюртукѣ. Подъ трехъ-угольною его шляпою надѣтъ былъ на голову черный, бархатный колпакъ; подъ рукою у него была толстая книга, съ мѣдными застежками. Сверхъ того, въ одной рукѣ корзина съ кореньями и сухими травами, въ другой чудесный указательный прутъ. На часахъ Соборной церкви ударило десять часовъ, когда Вольферъ и Докторъ подошли къ кладбищу. Ночной сторожъ глухимъ голосомъ провозгласилъ свое протяжное, жалобное: all's well (*)! Всѣ обитатели маленькаго городка спали крѣпкимъ сномъ; глубокое молчаніе прерывалось изрѣдка бреханьемъ собакъ, искавшихъ приключеній въ мракѣ ночи, и изрѣдка серенадами кошекъ.

Не одинъ разъ чудилось Вольферу, что онъ слышитъ за собою шорохъ шаговъ. Ему казалось даже, что какая-то фигура мелькала около нихъ, стараясь укрыться, останавливаясь, когда они останавливались, идя, когда они шли. Но слабый, тусклый свѣтъ фонаря свѣтилъ такъ, что все это можно было почесть мечтою.

(*) Все благополучно.

Старый Негръ давно ждалъ ихъ, покуривая трубку подлѣ лодки своей, уже спущенной на воду. Пешня и заступъ лежали въ лодкѣ, вмѣстѣ съ пошаеннымъ фонаремъ и бутылкою добраго dutch courage (*), которому Самъ вѣрилъ болѣе нежели Докторъ Книперсгаузенъ своимъ кореньямъ и заклинаніямъ.

Наши три героя отправились въ легкомъ суденышкѣ съ такою же отважностію и смѣлостію, какъ три колдуна Готамскіе отправились по морю въ огромной чашѣ. Морской приливъ безъ веселъ несъ ихъ по теченію. Городъ былъ совершенно въ мракѣ: тамъ, кое-гдѣ, свѣтился огонекъ въ окошкѣ больнаго, или въ кораблѣ стоящемъ на якорѣ. Ни одно облачко не потемняло неба; звѣзды ярко сверкали и отражались на спокойной поверхности водъ. Яркій метеоръ пролетѣлъ по пути, которому слѣдовали наши странствователи, и Докторъ объяснилъ, что это счастливое предзнаменованіе.

Вскорѣ они обогнули мысъ Корлеаръ-Гукскій. Имъ мелькнулъ въ глаза трактиръ, въ которомъ совершились предъ глазами Вольфера чрезвычайныя происшествія бурной ночи. Въ трактирѣ все спало, все было тихо и мрачно. Невольно задрожалъ Вольферъ, когда они поровнялись съ тѣмъ ужаснымъ мѣстомъ, гдѣ

(*) Голландской храбрости.

онъ видѣлъ потопленіе буканьера. Онъ далъ это замѣтить Доктору Книпперсгаузену. Между тѣмъ какъ они глядѣли во всѣ глаза, имъ показалось, что тутъ стоитъ лодка, но берегъ откидывалъ такую тѣнь на море, что ничего не льзя было разсмотрѣть порядочно. Не далеко отплыли они отсюда, какъ услышали въ нѣкоторомъ разстояніи глухой шумъ отъ веселъ, которыми, какъ казалось, работали съ величайшимъ усиліемъ. Самъ умножилъ дѣятельность, и совершенно зная всѣ пути, удалился отъ преслѣдователей, если только кто нибудь преслѣдовалъ ихъ лодку. Они проплыли заливъ Турцльскій и заливъ Кипскій, потомъ повернули къ Мангатгану и правя на извѣстное мѣсто, остановились близь желѣзнаго кольца. Негръ привязалъ свою лодку; всѣ вышли на берегъ.

Забравъ свои снаряды, они пошли во внутренность острова, при свѣтѣ фонаря, признаться — не безъ страха. Малѣйшій шорохъ, даже хрустѣнье сухихъ листьевъ подъ ногами приводило ихъ въ трепетъ; отъ крика костолома, сидѣвшаго на близь находившихся развалинахъ, кровь застывала въ ихъ жилахъ.

Не смотря на старанія Вольфера замѣтить мѣстоположеніе, когда онъ въ первый разъ былъ здѣсь, не легко нашли они небольшую долину, на которой предполагалось зарытое сокровище. Наконецъ — вотъ передъ ними огромный утесъ и Воль-

феръ узналъ три таинственные креста. Сердца нашихъ странствователей какъ будто хотѣли выскочить: такъ сильно забились они при мысли, что настало то мгновеніе, когда надежды ихъ должны осуществиться.

Вольферъ взялъ фонарь, желая дать свободу Доктору заняться единственно его чудеснымъ прутомъ. Этотъ прутъ былъ невеликъ, походилъ на двурогія вилы, и Докторъ, крѣпко держа обѣими руками два отростка, поставилъ третій перпендикулярно къ небу. Въ такомъ положеніи Докторъ водилъ имъ нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи надъ землею, и сначала безуспѣшно. Вольферъ свѣтилъ ему и взиралъ на таинственное орудіе съ такимъ благоговѣніемъ, что не смѣлъ даже дохнуть свободно. Вдругъ прутикъ тихонько началъ клониться къ землѣ и по мѣрѣ его склоненія Докторъ приходилъ въ сильнѣйшее безпокойство: прутъ гнулся болѣе и болѣе, пока совсѣмъ не перемѣнилъ своего положенія, уткнулся въ землю и остановился, какъ намагниченная стрѣлка, прильнувшая къ магнитному полюсу.

«Здѣсь!» сказалъ Докторъ, едва понятнымъ, глухимъ голосомъ. Вольферъ задыхаясь, не могъ промолвить слова. — Прикажете рыть? — щепнулъ Негръ, принимаясь за свой заступъ.

»Potstausends нѣтъ!» отвѣчалъ Докторъ съ жаромъ. Онъ велѣлъ своимъ товарищамъ спать подлѣ себя и хранить глубочайшее молчаніе. Надобно было взять различныя предосторожности, исполнить нѣкоторые обряды и тѣмъ воспрепятствовать злымъ духамъ, хранителямъ клада, причинить какую нибудь помѣху въ работѣ.

Тогда очертилъ онъ около достопамятнаго сего мѣста кругъ, въ который могли всѣ трое помѣститься, набралъ сухихъ прутьевъ и листьевъ и зажегъ ихъ: огонь загорѣлся; Докторъ бросилъ въ него коренья и составы, принесенные въ корзинѣ: поднялся черный дымъ и распространилъ запахъ сѣры и *асса-фетиды*. Можетъ быть, для обоняніа духовъ запахъ этотъ былъ пріятенъ, но бѣднаго Вольфера заставилъ онъ громко кашлять. Тогда Докторъ Книпперсгаузенъ раскрылъ свою толстую книгу, напечатанную красными и черными буквами. Вооружа носъ очками, онъ громко началъ заклинанія на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и — велѣлъ Саму взять заступъ. Началась работа. Твердость земли доказывала, что ее давно уже не трогали. Взрывъ дернъ, Самъ дошелъ до песчанаго слоя и выбрасывалъ его на право и на лѣво.

«Слышите-ли?» вскричалъ Вольферъ: ему померещилось, что кто-то хруститъ сухими листьями. Самъ остановился, слушаютъ — ничего нѣтъ! Летучія мыши

тихо пролетѣли надъ ихъ головами, птицы, пробужденныя блескомъ огня, оставили свои гнѣзды и летали вокругъ. Среди глубочайшей тишины искатели сокровищъ могли сосчитать волны, бьющіяся о прибрежные камни и вдалекѣ отличали шумъ Гелль-Гатскаго прошока.

Негръ продолжалъ работу. Онъ вырылъ уже довольно глубокую яму. Докторъ стоялъ на краю, отъ времени до времени продолжалъ заклинанія и подбрасывалъ въ огонь разныя снадобья, между тѣмъ какъ Вольферъ, наклонясь на яму, жадно преслѣдовалъ каждый взмахъ заступа. Если-бы кто взглянулъ на это зрѣлище, освѣщенное огнемъ и оттѣненное краснымъ плащемъ Вольфера, тотъ могъ-бы почесть маленькаго Доктора волшебникомъ, совершающимъ волхвованія, а стараго Негра, съ его курчавою, сѣдою головою, демономъ, явившимся по волѣ колдуна. Наконецъ . . . заступъ ударилъ во что-то звонкое — сердце Вольфера замерло. . . Самъ еще ударилъ: еще что-то зазвенѣло. . .

«Это сундукъ» — сказалъ Негръ.

— Съ золотомъ! воскликнулъ внѣ-себя Вольферъ.

Только что произнесъ онъ сіи слова, какъ надъ головою его послышался шумъ — онъ поднялъ глаза и — о ужасъ! На вершинѣ утеса, при умирающемъ блескѣ огня, онъ видитъ ужасное лицо — страш-

наго утопленника буканьера, уродливо коверкающаго свою рожу! . . .

Изъ всей силы закричалъ Вольферъ, уронилъ фонарь — страхъ сообщился и его товарищамъ. Негръ выскочилъ изъ ямы, Докторъ уронилъ книгу, корзину, началъ креститься и молиться: все пришло въ смятеніе и безпорядокъ, огонь потухъ, фонарь погасъ, всѣ бросились, столкнулись, не узнали другъ друга и — ударились бѣжать! Имъ казалось, что цѣлая толпа демоновъ устремилась на нихъ! При свѣтѣ послѣдняго огонька имъ показалось, что красныя шапки кучею ринулись къ нимъ съ кулаками и бранью. Докторъ побѣжалъ въ одну сторону, Негръ въ другую, а Вольферъ пустился къ берегу. Ни живъ, ни мертвъ, продирался онъ сквозь чащу деревъ и кустарника и вдругъ ясно услышалъ, что за нимъ кто-то гонится. Напрасно въ отчаяніи старался онъ бѣжать скорѣе: онъ слышитъ, что его догоняютъ, схватываютъ за плащъ, тянутъ... Но тутъ новое явленіе: на непріятеля его кто-то нападаетъ — начинается страшная драка — раздается пистолетный выстрѣлъ и при блескѣ огня, освѣтившемъ на мгновеніе утесы и кустарники, Вольферъ видитъ, что два человѣка дерутся съ остервененіемъ... Все опять въ мракѣ, но драка продолжается: два противника, обхватившіе другъ друга, задыхаясь борются, падаютъ, катятся подъ утесъ, испуская

крики, подобные завыванію собакъ и прерываемые проклятіями, въ которыхъ Вольферъ узнаетъ голосъ утопшаго буканьера! Онъ хотѣль-бы убѣжать, но куда? Онъ на краю пропасти — далѣе нельзя сдѣлать ни шагу! Два противника встаютъ, снова драка ужасная — кажется, только сила должна рѣшить, и вотъ въ самомъ дѣлѣ — одинъ изъ нихъ сбрасывается съ утеса и падаетъ головой въ воду. . . Вольферъ слышитъ его паденіе, слышитъ послѣдній задушаемый вопль — но въ темнотѣ ничего различить было не возможно, и волны вскорѣ поглотили побѣжденнаго. . .

Одинъ погибъ — но кто: другъ или врагъ? Вольферъ не знаетъ, не болѣе-ли долженъ онъ страшиться оставшагося побѣдителемъ, и ужасъ его возобновился, когда онъ услышалъ, что этотъ побѣдитель приближается. Какъ ни темно было, Вольферъ различаетъ, что къ нему идетъ этотъ ужасный человѣкъ — безъ сомнѣнія буканьеръ — куда скрыться? Съ одной стороны пропасть, съ другой убійца — погибель кругомъ: Вольферъ рѣшился, что ни будетъ, броситься съ утеса — но широкій плащъ его запутался въ кустарникѣ. Вольферъ прыгнулъ — и повисъ, полузапутанный снурками, которыми предусмотрительная супруга завязала плащъ его около шеи! Онъ думалъ что послѣдній часъ его приближился, онъ уже предавал

душу своему святому патрону, какъ вдругъ — снурки лопнули, и онъ полетѣлъ съ камня на камень, съ куста на кустъ, а красный плащъ остался на верху утеса и развѣвался, какъ знамя его погибели!

Прошло нѣсколько времени, пока Вольферъ опомнился. Открывъ глаза, онъ видитъ, что небо свѣтлѣетъ отъ утренней зари, а онъ самъ лежитъ въ лодкѣ разбитый и не можетъ пошевелиться. Кто-то, ласковымъ голосомъ, проситъ его успокоиться; Вольферъ оборачиваетъ голову и узнаетъ — Дирка Вальдрона.

Но какъ зашелъ сюда этотъ добрый молодой человѣкъ? — Госпожа Вебберъ, при помощи очень похвальнаго женскаго любопытства, проникла тайное намѣреніе своего мужа и уговорила Дирка слѣдовать потихоньку за Вольферомъ. Его-то замѣтилъ Вольферъ близъ кладбища; потомъ Диркъ отсталъ, когда наши странствователи отправились въ легкой лодкѣ Сама: но Диркъ успѣлъ еще придти во время и избавить бѣднаго искателя сокровищъ отъ руки сильнаго злодѣя.

Такъ кончилось знаменитое и опасное исканіе кладовъ! Докторъ Книпперсгаузенъ и Блакъ-Самъ, каждый своею дорогою добрались до города и начали разсказывать исторіи объ опасности имъ угрожавшей, исторіи, одна другой страшнѣе. Бѣдный Вольферъ, вмѣсто того чтобы возвра-

шиться въ тріумфѣ, согнувшись подъ тяжестью золота и серебра, принесенъ былъ домой на носилкахъ и толпа любопытныхъ и ребятишекъ слѣдовала за нимъ.

Когда жена и дочь увидѣли Вольфера въ семъ жалкомъ положеніи, онѣ перепугали всѣхъ сосѣдей крикомъ и воплемъ, думая, что бѣднякъ, въ безуміи своемъ, заплатилъ уже послѣдній долгъ природѣ; но видя потомъ, что онъ еще живъ, бережно перенесли его на постелю, и судъ, составленный изъ всѣхъ старухъ с осѣдства, собрался для рѣшенія, что дѣлать съ Вольферомъ.

Исторія искателей кладовъ взволновала весь городъ. Толпами приходили смотрѣть то мѣсто, гдѣ они рыли ночью. Нашли яму — и ничего болѣе. Иные увѣряли, будто видѣли тутъ обломки дубоваго сундука и желѣзнаго горшка (явное доказательство скрытаго сокровища!); другіе говорили, что въ погребальномъ сводѣ найдены были обломки сундуковъ и ящиковъ; но всѣ благоразумнѣйшіе зрители сомнѣвались въ разсказѣ.

Дѣло вообще осталось покрыто глубочайшею тайною. И донынѣ не знаютъ: было-ли что тутъ спрятано или нѣтъ, и если было, то похищено-ли оно кѣмъ нибудь въ роковую ночь, или духи и демоны донынѣ стерегутъ его и дожидаются, пока сильный колдунъ заговоритъ ихъ и прогонитъ. Я болѣе вѣрю послѣднему

и ни мало не сомнѣваюсь, что безчисленныя сокровища спрятаны на островѣ и въ другихъ мѣстахъ буканьерами. О чудномъ человѣкѣ, который вышелъ изъ моря, нѣсколько времени самовластно управлялъ собраніемъ бургеровъ въ Корлеарс-Гукскомъ трактирѣ, а потомъ исчезъ такъ странно и необыкновенно, было много говорено и ничего не рѣшено. Одни утверждали, что это былъ контрабандистъ, нарочно поселившійся на берегу моря и помогавшій своимъ товарищамъ провозить товары; другіе вѣрили, что это былъ старый товарищъ Кидда или Брадиша, возвращавшійся сюда вырыть спрятанныя въ окрестностяхъ поклажи. Одно обстоятельство пояснявшее нѣсколько таинственную исторію было появленіе небольшаго корабля, плававшаго въ окрестностяхъ и весьма походившаго на разбойничій корабль. Этотъ корабль не приставалъ нигдѣ и ночью плавалъ въ разныхъ направленіяхъ. Его замѣтили рано утромъ подлѣ залива, въ то самое время, когда наши искатели кладовъ рыли, пугались и бѣгали.

Мнѣ не должно скрывать еще одного повѣствованія, хотя я не могу ручаться за его достовѣрность. Самовидцы разсказывали, что они видѣли утонувшаго буканьера, плывущаго по морю, верхомъ на его сундукѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, и прямо къ Гелль-Гатскому заливу и что

море въ это время страшно шумѣло и волновалось.

Но между тѣмъ, пока подобные разсказы занимали весь городъ, бѣдный Вольферъ лежалъ въ своей постелѣ, больной и отчаянный, съ разбитымъ тѣломъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Его жена и дочь старались излечить его тѣлесныя и душевныя раны. Добрая жена не оставляла его ни на минуту, вязала подлѣ него чулки, между тѣмъ какъ дочь старалась облегчить его мученія. Онѣ были и не безъ помощниковъ. Не смотря на то что говорятъ люди, будто въ горѣ друзья оставляютъ насъ, могу увѣрить читателей, что въ цѣломъ городѣ не было ни одной старухи, которая не бросила-бы домашней работы, не прибѣжала въ домъ Вольфера Веббера, не разспросила о всѣхъ подробностяхъ его исторіи и не принесла связки мяты, шалфею или чего нибудь подобнаго. Каждая изъ нихъ радовалась, что есть удобный случай показать свое человѣколюбіе и свои Медицинскія познанія.

Бѣдный Вольферъ! сколько перепилъ онъ лекарствъ — все напрасно. Примѣтно, съ каждымъ днемъ, онъ худѣлъ, таялъ и становился похожѣе на привидѣніе. Окутанный старымъ теплымъ халатомъ, безмолвно глядѣлъ онъ на старыхъ сосѣдокъ своихъ, сидящихъ вокругъ постели и слушалъ изъявленія ихъ горести.

Диркъ Вальдронъ былъ единое существо, приносившее отраду надежды въ этотъ домъ скорби. Веселымъ лицомъ и твердымъ разсудкомъ онъ старался оживить бодрость духа бѣднаго искателя кладовъ, но его старанія оставались безполезными: Вольферъ былъ совершенно убитъ и его отчаяніе дошло до высочайшей степени, когда присланные отъ городскаго Совѣта объявили ему, что по опредѣленію общества велѣно проложить чрезъ его огородъ новую улицу. Съ тѣхъ поръ Вольферъ видѣлъ передъ собою одну бѣдность и раззореніе. Онъ лишался послѣдняго: огородъ, отцовское наслѣдіе, бѣдное средство жить, подвергалось рѣшительному разрушенію. Что-жъ будетъ съ его женою и дочерью? Глаза Вольфера наполнились слезами, когда, въ одно время, онъ увидѣлъ добрую, кроткую Ами, съ горестію выходящую изъ ея комнатки. Диркъ Вальдронъ сидѣлъ подлѣ него. Вольферъ взялъ его руку, указалъ на дочь свою и, въ первый разъ со времени своей болѣзни, прервалъ молчаніе.

»Умираю!« сказалъ онъ, пожимая руку добраго Дирка, »а когда меня не будетъ, что-же моя бѣдная дочь... «

— Отдай ее мнѣ, мой отецъ! отвѣчалъ съ живостію Диркъ — позволь мнѣ быть ея другомъ и хранителемъ!

Вольферъ съ улыбкою поглядѣлъ на добраго, пламеннаго юношу и подумалъ,

что никто болѣе его не достоинъ и не можетъ защитить слабую Ами.

»Другъ мой!« сказалъ онъ — »Ами твоя! Приведите ко мнѣ нотаріуса — хочу написать духовную и умереть.« —

Нотаріусъ явился — маленькій, живой смѣлый человѣчикъ, называемый Рувъ-Бакъ или Роль-Бакъ, какъ онъ называлъ себя. При взглядѣ на него женщины залились слезами: духовная казалась имъ смертнымъ приговоромъ; слабымъ движеніемъ руки Вольферъ велѣлъ замолчать. Спарясь скрыть свое сердечное движеніе, бѣдная Ами спряталась за кроватные занавѣсы, а мать ея взялась за свой чулокъ, желая не показывать печали, которой измѣняла свѣтлая слеза, покатившаяся изъ глазъ ея, между тѣмъ, какъ рѣзвая кошка, не замѣчая общей горести, играла клубкомъ ниткокъ, упавшимъ на полъ.

Вольферъ лежалъ неподвижно на своей постелѣ. Шерстяной колпакъ его былъ глубоко надвинутъ на голову, глаза закрыты, и онъ походилъ на умирающаго. Тихимъ голосомъ просилъ онъ нотаріуса поспѣшить дѣломъ, потому что онъ чувствуетъ приближеніе смерти и что ему жить, вѣроятно, осталось недолго. Нотаріусъ, какъ иголочку, изощрилъ свое перо, разложилъ бумагу и приготовился писать.

»Я отдаю и завѣщаю,« сказалъ Вольферъ, »мою землю. . . .«

— Какъ! всю совершенно? вскричалъ нотаріусъ.

Вольферъ открылъ въ половину глаза и глядѣлъ на нотаріуса.

»Да, всю« — промолвилъ онъ.

— Какъ! все обширное пространство земли, усѣянное капустою и подсолнечниками, по которому городовой Совѣтъ опредѣлилъ провесть улицу?

»Разумѣется« — сказалъ Вольферъ съ глубокимъ вздохомъ, опустивъ голову на подушку.

— Поздравляю вашего наслѣдника! воскликнулъ маленькій нотаріусъ, потирая руки и невольно улыбаясь.

»Но что-же вы разумѣете подъ этимъ?« возразилъ Вольферъ, снова открывая глаза.

— То, что онъ будетъ однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцовъ недвижимыхъ имѣній въ нашемъ городѣ, сказалъ Роль-Бакъ.

Умирающій, казалось, воротился отъ дверей гроба; глаза его оживились, онъ приподнялся на постелѣ, приподнялъ свой колпакъ и глядѣлъ на нотаріуса съ удивленіемъ.

»Вы не подумали о томъ, что сказали?« спросилъ Вольферъ.

— По чести! очень подумалъ, воскликнулъ нотаріусъ — когда это обширное пространство прорѣжется улицею, по обѣимъ сторонамъ построятся домы, и лавки, и жилье — прошу сказать: кто не

сниметъ шляпы передъ обладателемъ такого сокровища?

»Да не уже-ли вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?« вскричалъ Вольферъ, спустивъ ногу съ кровати — »если такъ, то я еще не хочу писать духовной.«

Къ удивленію всѣхъ, больной вдругъ поднялся на ноги: силу жизни, готовую погаснуть, оживила надежда, которую пролилъ въ душу его маленькій нотаріусъ. Исцѣлите сердце и вы исцѣлите человѣка умирающаго съ горести. Вскорѣ Вольферъ могъ выходить изъ комнаты, и вскорѣ столъ его покрылся проэктами актовъ, чертежами, планами, смѣтами. Маленькій Роль-Бакъ былъ неотлучно съ нимъ, былъ его правая рука, его совѣтникъ и вмѣсто составленія духовной, онъ помогалъ ему въ составленіи другаго, гораздо пріятнѣйшаго — порядочнаго имѣнія.

И съ тѣхъ поръ Вольферъ Вебберъ сталъ принадлежать къ небольшому числу почтенныхъ Голландскихъ бургеровъ Мангаттойскихъ, къ которымъ счастье пришло насильно. Они упорно держались за нѣсколько десятинъ наслѣдственной земли и обработывая капусту и рѣпу въ срединѣ довольно большаго города, были въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, пока правительство сдѣлало жестокое рѣшеніе прорѣзать ихъ огороды широкими улицами, возбудило ихъ дѣятельность отъ утомительнаго усыпленія и къ собствен-

ному ихъ удивленію заставило быть богатыми владѣльцами прочныхъ и доходныхъ имѣній.

Немного мѣсяцовъ протекло, и широкая, прекрасная улица пролегла черезъ огородъ Вольфера. Она была точно на томъ мѣстѣ, на которомъ Вольферъ мечталъ открыть сокровища: такимъ образомъ золотые сны его осуществились и онъ въ дѣйствительности открылъ источникъ неизвѣстныхъ ему богатствъ. Наслѣдіе его, застроенное хорошими наемщиками, вмѣсто бѣднаго сбора капусты, принесло ему обильный сборъ денегъ. Какъ пріятно было видѣть, что еще съ ранняго утра стучались у дверей его должники и постояльцы съ мѣшками денегъ — богатымъ произведеніемъ счастливой земли Веббероvъ!

Старинное жилище предковъ было сохранено, но этотъ желтый, небольшой Голландскій домикъ, глядѣвшій прежде въ капустный огородъ, теперь стоялъ на улицу и скоро сдѣлался большимъ домомъ своего квартала, ибо Вольферъ пристроилъ къ нему огромные флигели. Въ верхнемъ этажѣ учреждена была чайная комната, а въ прелестномъ бельведерѣ, въ хорошее время, Вольферъ спокойно посиживалъ и покуривалъ свою трубку.

Впослѣдствіи домъ этотъ населился маленькими малютками, благословеннымъ потомствомъ Вольфера, или лучше ска-

зать, дѣтьми Ами Вебберъ и Дирка Вальдрона.

Вольферъ сдѣлался старъ, богатъ, толстъ, купилъ себѣ большую карету орѣховаго цвѣта и пару черныхъ Фламандскихъ лошадей, у которыхъ долгіе хвосты простирались до самой земли, а чтобы продолжить въ потомство память объ источникѣ своего богатства, Вольферъ, вмѣсто герба, принялъ изображеніе превеликаго кочана капусты и велѣлъ намалевать его на дверцахъ кареты, съ надписью: *alles copf*, что мы переведемъ хоть слѣдующими словами: *Все отъ капусты*, ибо Вольферъ хотѣлъ этимъ сказать, что онъ всѣмъ обязанъ воздѣланію сего благороднаго произрастенія.

Къ довершенію величія Вольферова, знаменитый Рамъ-Рапели отшелъ къ отцамъ своимъ, а Вольферъ Вебберъ наслѣдовалъ по немъ возсѣданіе на почетныхъ кожаныхъ креслахъ Корлеарсъ-Гукскихъ. Онъ возсѣдалъ на нихъ со славою, долго, и былъ такъ почтенъ, уваженъ, что всѣ поставляли обязанностью вѣрить всѣмъ его разсказамъ и смѣяться при каждой его шуткѣ, — чего-жъ болѣе!

Парижскія моды.

Quelques dames portent pour schall, un cachemire écossais à carreaux très-larges. Ce schall est ample, carré et à franges. — Le noir et le jaune jonquille *coupés* ont la vogue en chapeaux; on peut dire la même chose

du lilas et du noir, du bleu et du noir, du rose et du noir. Les liserés écossais sur les chapeaux blancs sont aussi de grande mode. — Le jaune de quelque nuance qu'il soit, est en ce moment la couleur par excellence pour les chapeaux demi-habillés: lorsqu'ils sont en satin, c'est du jaune jonquille ou citron ; en crêpe crêpé, du jaune safran ; en moire, du jaune paille : les premiers sont tout jaunes, les seconds sont doublés en lilas, avec rubans jaunes et lilas, les derniers sont doublés en rose, avec rubans jaunes et couleur de rose. Les fleurs qui servent d'ornement à ces chapeaux, sont: de la giroflée de Mahon, du lilas, du safran, ou de petites tulipes. Quelquefois il y a autour de la forme, un grand biais découpé á larges festons, et de plus, sur le devant de la forme, une aigrette de marabouts jaunes et lilas. — On peut citer comme également nouveaux des chapeaux écossais á doublure blanche ou rose, et des chapeaux bordés et doublés en taffetas ou en satin écossais. Les fleurs qui ornent ces chapeaux sont des violettes de parme ou des roses, du lilas et de la giroflée; on les pose sur le devant de la forme: derrière cette forme est une rosette de rubans de trois couleurs tranchantes. — Quelques capotes de gros de Naples et de moire jaune paille et jaune safran, ont sur le bord de la passe une chicorée en taffetas écossais, et sur le dessus de la forme un demi-fichu bordé d'une chicorée écossaise. Deux pointes du fichu descendent de chaque côté, et la troisième s'avance par devant. — Pour les grandes toilettes les bonnets de blonde garnis de fleurs ne sont plus assez habillés ; on s'en sert pour le spectacle ; mais pour les soirées, on a des bonnets ornés de plumes d'autruche ou de marabout, mêlangées avec des pavots, des oeillets ou des renoncules en plumes. A la promenade, quelques merveilleuses portent par dessus leur chapeau, un voile de blonde noire ou blanche, dont les pointes pendent si inégalement que deux ne descendent que jusqu'au bord de la passe, tandis que les deux autres, qui forment barbes ou bri-

des, tombent jusque sur les épaules. — Quelques chapeaux de gros de Naples bleu-raymond sont garnis de liserés et de rosettes d'un rose vif : leur passe est doublée de rose.– Le rose vif s'employe aussi sur des capotes de gros de Naples jaune safran ou chamois ; il compose la chicorée qui en borde la passe. Une chicorée semblable, aprés avoir entouré le haut de la forme, va aboutir au bord de la passe. —

Нѣкоторыя дамы, вмѣсто Турецкихъ шалей, носятъ шали изъ Шотландскаго кашемира, съ большими квадратами. Сіи шали огромныя, квадратныя и вокругъ съ бахрамою. — Для шляпокъ въ большой модѣ цвѣта : черный и свѣтло-жонкилевый *coupés* ; также лиловый и черный, синій и черный, розовый и черный. Лизере изъ Шотландскихъ матерій, на бѣлыхъ шляпкахъ, также въ большой модѣ. — Для полунарядныхъ шляпокъ желтый цвѣтъ, всѣхъ оттѣнковъ, нынѣ самый употребительный : *для атласныхъ* — свѣтло-жонкилевый или лимонный ; *для* шляпокъ изъ *крепъ-крепе* — желто-шафранный, изъ *морелевыхъ* матерій — соломенный ; первыя бываютъ совершенно одного цвѣта, вторыя подбиты лиловымъ, и ленты на нихъ лиловыя и желтыя ; послѣднія подбиты розовымъ, и ленты на нихъ желтыя и розовыя. Сіи шляпки убираютъ цвѣтками: Магонской гвоздикой, синелью, шафраномъ и маленькими тюльпанами. Иногда, вокругъ тульи, бываетъ большой косякъ, вырѣзанный широкими фестонами, и сверхъ того, напереди тульи пукъ марабу желтаго и лиловаго. — Можно почесть новостью : шляпки изъ Шотландской матеріи, подбитыя бѣлымъ и розовымъ и шляпки обшитыя и подбитыя шафтою или ашласомъ Шотландскимъ. Цвѣты ихъ украшающіе суть : Пармскія фіалки, или розы, синель и гвоздика. Они находятся напереди тульи, а назади ее бываетъ розетка изъ ленъ трехъ яркихъ цвѣтовъ. — У

иныхъ *капотовъ* (шляпокъ) изъ гроденапля и моделевой матеріи, желто-соломеннаго и желто-шафраннаго цвѣтовъ, бываетъ на краяхъ полей *цикорій* изъ Шотландской тафты, а вверху тульи полукосынка, обложенная цикоріею, изъ Шотландской матеріи. Два конца косынки опущены съ обѣихъ сторонъ, а третій выдается впередъ. — Для *большаго наряда*, блондовые чепчики съ цвѣтками недовольно нарядны: ихъ надѣваютъ въ театръ, а для *званыхъ вечеровъ*, чепчикъ долженъ быть убранъ строусовыми перьями или марабу, перемѣшанными съ макомъ, дикими гвоздиками, или ранункулами. — На прогулкахъ, щеголихи носятъ сверхъ шляпки блондовый вуаль, черный или бѣлый, котораго концы столь неровно упадаютъ, что два доходятъ только до полей шляпы, а два другіе касаются плечъ — Нѣкоторыя шляпки изъ гроденапля, цвѣта *сине-раймондоваго*, убираютъ лизере и розетками ярко-розовыми; поля у нихъ подбиты розовымъ. — Гроденаплевые капоты (шляпки), цвѣта шафраннаго, или цвѣта серны, убираютъ также *цикоріею*, ярко-розоваго цвѣта, которою обложены поля — цикорія, обнявъ верхъ тульи, оканчивается на концахъ полей.

На приложенныхъ картинкахъ:

1-е Бархатный токъ, на манеръ шляпки—бархатный реденготъ — кружевная пелеринка — браслеты, поясъ и *аграфы на токѣ* золотыя.

2-е Мущина: реденготъ изъ алпага, съ перламутовыми пуговицами, подбитый Шотландскимъ мадрасомъ — фракъ съ позолоченными пуговицами — жилетъ изъ Шотландскаго бархата и другой изъ пике — трикотовые панталоны — чулки вышитые.

ОГЛАВЛЕНІЕ
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стран.

Философія.

Филебъ или разговоръ Платона о высочайшемъ благѣ. - - - - - - 5—119

Путешествія.

Отрывки изъ Путевыхъ записокъ о Юго-Восточной Россіи (С. Д. Нечаева). - 26

Русская Исторія, Археологія и Географія.

Біографическія извѣстія о знатнѣйшихъ Вельможахъ Двора Императрицы Екатерины I. 41

Описаніе Россіи, изданное въ 1630 году въ Голландіи (съ Латинскаго). 52, 237 и 336

О дипломатическихъ и торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ (Ю. Клапрота). - 145

Статистика.

Статистическое обозрѣніе свѣта. 132, 225 и 324

Эстетика.

О Драматической Поэзіи и Теоріи Изящнаго у древнихъ и новыхъ народовъ (А. В. Шлегеля). - - - - - - 207 и 311

II. КРИТИКА.

Разборъ книгъ: *Undersögelsé om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse. - Vergleichungstafeln der Europäischen Stammsprachen und Süd-West-Asiatischen. - Tripartitum seu de analogia linguarum. - Ueber das Entstehen der grammatischen Formen. - Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. - Словарь Академіи Россійской. - Сриски Рiечник. - Serbische Grammatik. - Die Verwandschaft der germanischen und slavischen Sprachen. - Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens.* - - - 65, 158, 254 и 352

Стран.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Отъ Издателя Телеграфа. - - - 79
Нѣмецкая Литтература 1825 года. - 83
Русская Литтература 1825 и 1826 годовъ. - - - - 95, 165, 259 и 368

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Взглядъ на протекшую четверть XIX столѣтія — Европа — Россія: *Кончина ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА — Вступленіе на Всероссійскій Престолъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.* — Обозрѣніе 1825 года. *Общая система Европы и другихъ частей свѣта* — Европа: *Португалія — Испанія — Италія — Турція — Греція — Франція — Нидерланды — Швейцарія — Австрія — Пруссія — Баварія — Германія вообще — Данія — Швеція и Норвегія — Великобританія.* - - - 108, 197, 292 и 394
Некрологія. *Графъ Н. П. Румянцовъ — Графъ Ѳ. В. Растопчинъ — Графъ Б. Ж. С. Ласепедъ — Жанъ-Поль-Рихтеръ.* 304, 410

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Алексѣева Ѳ. . . . Друзьямъ. - - 157
Баратынскаго Е. А. Эпиграмма. - - 60
Совѣтъ. - - 124
Бистрома А. Пѣвецъ Баянъ. - 6
Неудача. - - 60
Бороздны Н. . . . Счастливецъ (изъ Ламар.). 119
Волкова А. А. Къ N. N. - - 156
Волконской Кн. З. А. АЛЕКСАНДРУ I. - 3
Глинки Ѳ. Н. Изъ Пророка Исаіи. 4
Мечта. - - 8
Къ звѣздѣ. - - 55
Ловишели. - - 157

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the library rules or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE
C28 (1149) 100M			

Головкина, Графа Толстова, Графа Мусина-Пушкина, Князя Долгорукаго, Графа Брюса, Кн. Голицына и Кн. Юсупова и *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 323 602 894

057

M85
v.7 3-4
1826
no.3-4

057

M85
v.7 3-4
1826
no.3-4

Moskovskii telegraf

APR 12 1951